СТАНИСЛАВ ДЕМЕНТЬЕВ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ АРХИДЕМОН 7

Станислав Дементьев

Четырнадцатый архидемон 7

«Автор»
2026

Дементьев С.

Четырнадцатый архидемон 7 / С. Дементьев — «Автор», 2026

Положение уважаемого главы секты — лишь самый первый шаг к могуществу. Если ты желаешь спасти своих близких и вмешаться в игры могущественных сил, грозящие миру катастрофой — нужно сделать ещё множество шагов. Вдвойне сложная задача, когда приходится скрывать свою личность от тех, кто считает тебя архидемоном, и от настоящих архидемонов!

© Дементьев С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Незваный гость. 6
Глава 2. Много незваных гостей. 11
Глава 3. Три поединка: начало. 16
Глава 4. Три поединка: завершение. 21
Глава 5. Горячая любовь и холодный расчёт. 26
Глава 6. Город Башен. 30
Глава 7. Странные встречи. 33
Глава 8. «С кем это я связался?» 36
Глава 9. Безумие или расчёт? 40
Глава 10. Сила и репутация. 44
Глава 11. Старейшина Могильный Музыкант. 48
Глава 12. Танец Смерти и Призрачная Музыка. 51
Глава 13. Коварные уловки старейшины. 54
Глава 14. Истинная Призрачная Музыка. 57
Глава 15. Табличка Нефритового Кулака. 61
Глава 16. За победой следуют проблемы. 66
Глава 17. Глупости. 70
Глава 18. Потребность в ресурсах. 74
Глава 19. Опасения сбываются. 79
Глава 20. Оставление тела. 83
Глава 21. «Но Досточтимый соврал!» 88
Глава 22. Двое наследников Печати Глаз. 92
Глава 23. Мышление великого практика. 96
Глава 24. Охотники на архидемона. 101
Глава 25. Дипломатия Старейшины Добродетельного Демона. 106
Глава 26. Вопросы ресурсов. 109
Глава 27. День отдыха. 113
Глав 117
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Станислав Дементьев
Четырнадцатый архидемон 7

Глава 1. Незваный гость.

Дверь открылась негромко, почти беззвучно — так, что Феранто, глава Братства Трёх Опор, поднял взгляд от письма и повернулся ко входу лишь благодаря остроте своих чувств практика. Он ожидал увидеть Скорамота, старшего из его подручных с вечерним докладом. Вместо этого в дверном проёме стоял незнакомец.

Молодой. Высокий. На вид лет двадцать, как раз входит в тот возраст, когда внешность большинства практиков перестаёт меняться. Серые глаза, сильный загар, коротко стриженные тёмные волосы собраны в узел на затылке, недорогой белый халат с красным поясом, без опознавательных знаков. И причёска, и покрой одежды указывают на уроженца Перерождающегося Континента. Никакого оружия на поясе, но богатый набор разнообразных колец на пальцах. Аура всего лишь двух цветов. И при этом стоит с таким видом, будто имеет полное право здесь находиться. От невежды с востока можно, конечно, ожидать самых отвратительных манер. Но как ему вообще удалось проникнуть в приёмный зал, миновав бдительную охрану?

Феранто отложил свиток. Его левая рука при этом чуть шевельнулась, потянув за невидимые нити формации, защищавшей особняк. Сейчас верные младшие братья поспешат на помощь старшему. Пусть все они слабее его, но если перед ним стоит могучий практик, прикидывающийся жалким учеником, то ему понадобится вся возможная поддержка. А если перед ним вправду жалкий ученик, то незачем об него марать собственные руки, с ухоженными ногтями.

— Кто ты? — спросил Феранто. Голос его звучал ровно, но в нём застыл лёд.

— Меня зовут, ну, скажем, Лотрек, — ответил незнакомец. — Я пришёл поговорить.

— Интересно, — произнёс он медленно. — И как же ты, Лотрек, умудрился пробраться мимо моих людей?

Лотрек шагнул вперёд, на середину приёмной:

— Лучше бы вы, почтенный Феранто, спросили, как я меньше чем за день нашёл логово Братства. А мимо ваших людей с гуаями пробраться было несложно. Кстати, зря вы их сейчас сюда вызвали.

Феранто напрягся пуще прежнего, но виду не подал. Как практик стадии внутреннего единства, он идеально владел своим лицом и телом.

И его беспокоило то, что стоящий перед ним незванный гость либо был бесстрашен до безумия, либо обладал схожим уровнем контроля.

Тут дверь распахнулась с грохотом, и в приёмную ввалились первые из охранников, прибежавших по сигналу — широкоплечий гуай-кабан с длинными жёлтыми клыками и боевым топором на плече; за ним — тощий, жилистый человек с татуировками на шее и хищным прищуром, уже сжимавший летающий меч. Оба – практики двух цветов, явно смущённые и разгневанные тем, что мимо них запросто прошёл чужак. В коридоре звучал топот от ещё полудюжины пар ног. По мере того, как всё больше бойцов Братства вбегало внутрь, они охватили наглого пришельца сзади полукольцом.

— Это почему же зря? — поинтересовался Феранто.

— Да боюсь, что ты сейчас выкинешь какую-нибудь глупость. А я ведь просто поговорить пришёл.

— Ты как к старшему брату обращаешься, деревенщина?!? — взревел гуай-кабан. Вокруг его топора вспыхнуло золотое сияние, видимое даже без духовного зрения. Исполненный желания оправдаться за свой недосмотр, он видел лишь ауру двух цветов и совершенно не учитывал, что подделка ауры – довольно распространённое умение.

А Феранто замер на миг. Мысли его летели со стремительностью, которую обычный смертный с трудом мог себе представить – а всё же простой вопрос стал для него камнем преткновения. Насколько силён этот «Лотрек»? Можно ли разговаривать с ним по-плохому? Или лучше одёрнуть слишком ретивого свина, пока не поздно?

А потом стало поздно. Топор описал в воздухе сияющую золотую дугу и обрушился на практика в белом халате. Но лезвие, способное расколоть надвое скалу, замерло, словно вмёрзло в лёд, не достигнув цели. Все, кроме Феранто, попятились и сглотнули, когда увидели, что пришелец небрежно, не оборачиваясь, поймал его тремя пальцами. Даже самые необразованные головорезы догадались – сейчас почтительному обращению будут учить их самих.

Практик в белом халате покачал головой:

— Ну как хотите.

*****

Патруль ночной стражи, обходивший улицы великого и богатого Уотрума, никак не отреагировал на грохот со стороны одного из огороженных высокими стенами и хитрыми формациями поместий в нижнем городе. Не потому, что стражники были ленивы и безразличны и даже не потому, что особняк принадлежал нехорошим людям и гуаям из Братства Трёх Опор, за всю жизнь не заработавшим честно ни единого гроша. А потому, что он принадлежал сильным практикам. Платили стражникам хорошо, но собственная голова дороже. Пока шум и гром не выходят за пределы поместья, это проблемы его обитателей. Или совета кланов, управляющего городом.

*****

Вален шагнул через разбитую стену приёмной во внутренний садик. В правой руке он держал прямой меч, а в левой – здоровенную тушу гуая-медведя в полузвериной форме. Весила туша, то есть тело – гуай был жив, только оглушён – не меньше полутора сотен килограммов, но Вален нёс её так же легко, как служанка могла бы нести поднос с чайными чашками. Лёгким движением отбросил могучего полузверя прочь, так что тот покатился по траве, сломав несколько карликовых деревьев.

— Аметистовый Саван Сумерек! — щеголеватый глава Братства уже успел вскочить на ноги после удара, вышвырнувшего его из собственной приёмной. Сложил бледные пальцы в печать, активируя технику. И в вечернем сумраке вспыхнули искры, а искры обратились в десятки крупных бабочек, сотканных из живого, пульсирующего фиолетового света. Каждый взмах их крыльев оставлял в воздухе мерцающий шлейф, когда они мчались на Валена.

Вален только хмыкнул и меч в его руке завертелся с такой скоростью, что казалось, обратился в сверкающий веер. Волшебные бабочки атаковали со всех сторон, но ни одна из них не смогла коснуться цели. Рассечённые на части, они распадались искрящейся фиолетовой пыльцой, окутавшей всю фигуру Валена. На смену уничтоженным летели всё новые.

— Довольно забавная техника, — спокойно заметил Вален, не прекращая махать мечом. — Если разрубить бабочку, она превращается в ядовитую пыль. А пыль теряет силу через пару секунд, так что опасность отравить своих же невелика. Но потребление духовной энергии кажется значительным.

Бледное лицо Феранто и вправду стало ещё бледнее обычного. Аметистовые бабочки заполонили весь внутренний дворик, вились над крышей и стеной, куда бы ни попытался отскочить враг, он всё равно наткнулся бы на них. Создание такого их количества обошлось недёшево.

— Так и будешь гадать, почему яд на меня не действует? Или всё же погово…

— Аметистовые Клинки! — в руке Феранто появилась пара кинжалов из затвердевшего, обратившегося в сияющие кристаллы, света и он бросился вперёд с проворством кошки. Одновременно к Валену устремилась новая волна бабочек. Глава Братства Трёх Опор был довольно опытным практиком. Он быстро понял: противник разгадал его технику и вовремя окружил

себя барьером воли, не дающим ядовитой пыльце коснуться кожи. Не всякому практику на внутреннем единстве под силу держать барьер долго, не всякому, но многим. А вот если удар при столкновении в рукопашную заставит барьер расколоться, то восстановить его мгновенно не сможет никто…

Вален едва не закатил глаза. Опять ему попались люди и гуаи, которые просто смерти ищут. Его левая рука выполнила стремительное движение – и внутренний дворик озарила вспышка от полудюжины взрывов, слившихся в один. Феранто рухнул на землю. Его богатое одеяние превратилось в дымящиеся лохмотья, из бедра торчал обломок летающего меча, другой меч полоснул по рёбрам. Глава Братства зашипел от боли, когда почувствовал, что по его венам словно расползается жидкий огонь – яд!

— Городской совет и род Эспеласа тебе этого не спустят с рук, чужеземный разбойник!

Вален засмеялся:

— Хехе. Как ты думаешь, зачем совет терпит ваше братство? Затем, чтобы жители не страдали от слишком строго соблюдаемых законов. И затем, чтобы иметь под рукой практиков для тёмных дел, от которых, если что, можно будет легко отречься. Разве станут они ссориться с могущественным старейшиной из-за какой-то сволочи?

Вален имел лишь самое общее представление о политической ситуации в Уотруме. Он выстрелил почти наугад, на основе собственных догадок. И попал в цель, судя по тому, как осёкся Феранто.

— Может, хоть теперь ты послушаешь? Мне ведь нужна только информация.

*****

— Прошу прощения, что не выслушал вас сразу, многоуважаемый господин Лотрек!

Так как приёмная превратилась в развалины, они сидели в столовой. Феранто успел сменить одежду и наглотаться исцеляющих пилюль. Как и его подручные. Вален не убил никого из них – чудо, возможное лишь за счёт превосходства в цветах.

— Прощаю, — отмахнулся Вален. — Как я уже говорил, мне не нужны твои богатства. Мне нужны сведения. О раскладе на соседних островах и на островах, соединённых с Уотрумом телепортационными формациями. О ваших кланах, сектах и школах. Об их реальном положении, не о том, которое обсуждают на каждом базаре, а о реальном. Кто враждует с кем, у кого дела идут плохо, а у кого хорошо. Человек твоих занятий должен быть неплохо осведомлён. Ты расскажешь мне всё, что знаешь — и я уйду навсегда. Ты попробуешь меня обмануть — и я ещё вернусь. Выбор простой, правда?

Феранто кивнул, изображая спокойствие:

— Поведать об этом несложно, многоуважаемый господин Лотрек. Я скажу всё, что могу сказать. Войдите в моё положение, если я разболтаю слишком многое…

Вален поглядел на него сурово:

— Едва мой клинок отодвинулся на палец от твоего горла, как ты уж торгуешься. Похоже, я вправду чересчур добр.

Он полюбовался пару секунд на замешательство главы Братства, прежде чем продолжить:

— Мне лень резать тебя на куски, чтобы вытрясти все грязные секреты, которыми ты надеешься воспользоваться для интриг и шантажа. Но чем менее полон твой рассказ – тем больше вероятность того, что я сочту тебя обманщиком. Понял? Вот и отлично. А теперь давай, описывай ваш змеиный клубок. Надеюсь, ты никого не послал за помощью к своим покровителям? А то неудобно выйдет. Для меня неудобно, для тебя печально.

Феранто потряс головой:

— Что вы, многоуважаемый господин Лотрек!

В его словах прозвучало искреннее чувство. Похоже, он обдумывал идею послать за помощью и теперь радовался, что ему не хватило на это смелости.

*****

Комната в дорогой гостинице встретила Валена мягким светом бумажных фонарей, в которые были помещены веточки лучезарного кедра. Наттар и Люме уже успели вернуться – и тоже с полезной информацией. А Сурэноха и не уходила – ждала старших и отсыпалась. Она пока уступала остальным на цвет, потому долгий и стремительный полёт над морем её сильно измотал.

— Что за глупый обычай – стягивать волосы в узел, — пожаловался Вален, после того, как они обменялись новостями, расселись вокруг низкого столика из тёмного лакированного дерева, на котором стояли маленькие блюдца с угощениями и приступили к ужину. — Да и вообще, от длинных волос одни хлопоты.

— Терпи, дорогой, — чуть улыбнулась Люме. — В конце концов, женатому мужчине уже должно быть стыдно стричься под мальчика. И скажи спасибо за то, что обычай даёт тебе простой способ изменить внешность.

С тех пор, как Вален сбежал из Секты Шести Печатей, он успел немного подрасти, его лицо повзрослело и огрубело, кожа покрылась бронзовым загаром. Оставалось лишь сменить одежду и причёску, чтобы утратить всякое сходство с иллюзорным образом на объявлениях о награде за его голову. К счастью, внешность Валена изначально была заурядной. Наттар и Люме пришлось трудиться над собой больше.

Вот и сейчас Наттар фыркнул, раздражённо провёл пальцами по ёжику коротко подстриженных волос на своей голове:

— Хмммммм. А мне, значит, не должно быть стыдно, сестра Люме?

Усмешка Люме стала шире:

— У тебя, младший, был способ сохранить твою шевелюру, ты сам отказался. А зря. Подобрать платье как следует, немного подкрасить лицо — и ты отлично сошёл бы за девушку.

Наттар лишь фыркнул. От этого предложения он и в самом деле отказался самым решительным образом. Разозлился так, что Вален решил не давить и не пытаться вместо предложения отдать сводному брату приказ.

А Люме вдруг посерьёзнела, провела пальцами по собственным волосам, потом поглядела на ладонь. Из троих разыскиваемых преступников, собравшихся в этой комнате, она могла похвастаться самой приметной внешностью. Дело тут было не в милом лице и не выдающихся деталях фигуры, а в том, что уши и хвост гуая-лисы спрятать слишком сложно. Опытных практиков точно не обманешь никакими юбками и шляпками. Пришлось воспользоваться средствами низшей алхимии, перекрасить волосы и шерсть из рыжего цвета в серый. Краска, изготовленная Валеном, оказалась надёжна, но Люме всё волновалась – не течёт ли она, не оставляет ли следов.

Одной лишь Сурэнохе не о чем было беспокоиться, она могла казаться той, кем и являлась: дикаркой-Недостойной, относительно недавно сменившей юбку с безрукавкой на халат практика.

Иллюзии и прочие волшебные способы сменить внешность им лишь повредили бы. Такое обманет простых смертных и жалких учеников, но при общении лицом к лицу с опытными практиками будет тут же замечено и привлечёт внимание.

— Ладно, — пожал плечами Вален. — Снявши голову, по волосам не плачут. Меня больше вот что беспокоит: ну почему всякий раз, как я честно пытаюсь решить дело миром, всё равно приходится браться за меч?

— Нуууууу, ты часто встречаешься с людьми и гуаями, которые добром не понимают? — предположил Наттар.

Вален фыркнул. Обратился к Сурэнохе, опять сидевшей тихо, как мышка, не решаясь вмешиваться в разговор старших, но слушавшей с любопытством:

— А ты что скажешь, Сурэ?

— Я? Ах, учитель, но какому же воину понравится, когда чужак без спроса входит в его палатку? Тут уж незваный гость должен быть большим и страшным, чтоб не вылететь прочь.

Вален покивал с одобрительным видом. Объяснил младшей:

— Я думал, что моё появление словно из ниоткуда достаточно напугает этого Феранто. Я был неправ.

Люме игриво хлестнула его хвостом:

— Раз уж ты, муженёк, не хотел показывать свою истинную ауру, следовало заходить к нему в приёмную, держа за шкирки оглушённых охранников.

— Ладно, ладно. Скажи ещё опять, что я слишком добр, — Вален покачал головой. Потом оглядел своих спутников. — Поболтали ни о чём и хватит. Пора думать, что делать дальше. Пока мы ели, я сравнил и проанализировал информацию, которую мы собрали сегодня.

Для Валена это теперь было сущими пустяками. Пока один поток его сознания управлял дружескими разговорами за ужином, в нескольких совершенно отдельных потоках шла напряжённая умственная работа.

— Нам нужна секта, школа, клан или город, у которых имеется собственная телепортационная формация. Они должны находиться в достаточно отчаянном положении, чтобы согласиться на полную зависимость от Секты Добродетельного Демона. Нам нужно обойтись без завоевания грубой силой, ведь оно привлечёт к нам враждебное внимание.

Вален поднял указательный палец, навёл на лицо выражение, исполненное мудрости:

— И я думаю, что у нас теперь есть пара вариантов.

Глава 2. Много незваных гостей.

Трое чужаков шли по внешнему двору клана Фориат с таким видом, словно владели всем вокруг. Их цветастые одежды стоили небольшого состояния, а их ауры, выставленные напоказ, сливались в золотисто-голубой вихрь духовной энергии.

Тот, что в середине, был человеком. Высокий, широкоплечий, с чёрными волосами, небрежно схваченными в пучок, он носил расшитую безрукавку и улыбался широко, как улыбаются только те, кому никогда в жизни ни в чём не отказывали.

За правым его плечом шагал гуай-ворон. Чёрная голова с длинным клювом сидела на получеловеческом теле, и взгляд его блестящих глаз был таков, словно он смотрел на чересчур медлительных червей. На поясе его висел изогнутый меч и его когтистая рука не отдалялась от рукояти.

А за левым плечом человека расположился гуай с маленькими, круглыми звериными ушами и чёрной полоской в седой шевелюре, невысокий, коренастый, с заметным брюшком. Он не выглядел весёлым, злым или, в отличие от ворона, напряжённым. Он выглядел скучающим — скукой того, который давно побил всех соперников, и не ожидает встретить серьёзный вызов сегодня.

— Где же задержался уважаемый глава? — поинтересовался человек у стражников, лихорадочно думавших, хотят ли они, в случае чего, преграждать дорогу этой тройке, или пожить ещё немного. — Довольно неучтиво с его стороны держать уважаемых гостей на пороге. Уж не хочет ли он намеренно…

— Там, где соблюдаются правила учтивости, — разнёсся усиленный духовной энергией голос от верха лестницы, ведущей ко внутреннему двору, — гости не приходят незваными!

Там стоял, заложив руки за спину и придав лицу холодное выражение, высокий и молодой с виду гуай-леопард в церемониальных белых одеждах главы клана Фориат. Его звериную природу – как и душевное напряжение – выдавал чуть подёргивающийся пушистый хвост. А неспособность полностью скрыть свои эмоции выдавала то, что он ещё не пробился даже на стадию внутреннего единства. Воистину, трудные времена настали для древнего рода, если его возглавлял столь неопытный практик.

Широкоплечий человек ничуть не смутился. Накрыл ладонью кулак, отвесил полупоклон и выкрикнул:

— Приветствую многоталантливого Вейраоля Фориата, главу клана Фориат по праву рождения!

Многоталантливый чуть зубами не заскрипел от вежливого приветствия, дважды намекнувшего всем в радиусе полукилометра на его недостаток цветов. А человек прошёл между стражников, так и не решившихся заступить ему путь, и зашагал вверх по лестнице.

— Гости, конечно, незваными не приходят. Но мы-то не совсем гости, а посланники Секты Весенней Бури. Посланникам приглашения не нужны. Ну, а ещё мы, в некотором роде, сваты.

Вейраоль подождал с ответом, пока собеседник не оказался рядом, так что слова уже не требовалось выкрикивать во всеуслышание. Заодно и успокоился немного.

— Кто же приходит сватом за самого себя, Бальтос?

— Я прихожу, — широкоплечий практик улыбнулся шире прежнего. Росту они с Вейраолем были одного, но ни по крепости тела, ни по ауре хозяин не мог равняться с гостем. — Считаю, незачем зря чужое время тратить и ходить вокруг да около. Выдавай Вейрану за меня. Вот моё официальное предложение, раз уж сказанное как практик практику тебе в одно ухо влетает, а из другого вылетает. Или считаешь, что я недостоин?

Хвост главы клана снова дёрнулся. Только глухой не услышал бы угрозы за простецкими словами.

— Обычай и законы требуют времени на то, чтобы обдумать и обсудить брачное предложение. Тем более, когда речь идёт о сестре главы клана.

Бальтос фыркнул, осклабился:

— Уважаемый Вейраоль, вам разве мать в детстве не читала сказок, в которых на попытку зря тянуть время слабейшему дают отсрочку в один час? Хммм?

Но затем он пожал мощными плечами:

— Впрочем, мы не сказочные злодеи. Пусть всё будет по самому строгому обычаю, собирай хоть совет всех стариков клана. Лунный месяц тебе времени, а потом назначай день свадьбы. И там уж не тяни. Привет твоей прекрасной сестре! — он помахал рукой кому-то позади Вейраоля.

Вейраоль не выдержал, повернулся к зданию центрального дворца. Успел увидеть, как девушка в белом платье поспешно отходит от окна.

— Жаль будет, если она ни за что, ни про что останется сиротой, — добавил Бальтос так тихо, что ни слуги во дворе, ни охранники, оставшиеся у подножия лестницы, их услышать не могли.

*****

Четвёртый глава клана Фориат глубоко почитал Древних Божеств и построил им богато украшенный храм, в котором некогда собиралось много людей. Сейчас храм почти опустел. Вейраоль, шестой глава клана, даже подумывал снять с довольствия троицу бритолобых монахов, присматривавших за ним, и навсегда закрыть на замок тяжёлые двери.

А сейчас вот, сам пришёл в полутёмный треугольный зал, чтобы… чтобы что? Даже покойный дед, даже монахи не утверждали, что молитвами можно выпросить у Древних материальную помощь. Он толком и не знал молитв. Чего он хотел? Понимания? Способности смириться с неизбежным?

Вейраоль огляделся вокруг. Три стены, три угла — и в каждом углу, едва проступая из мрака, стояла статуя. Статуя Владыки Даров — с золочёной бородой, на троне из красного дерева, покрытого узорами, напоминавшими языки пламени. Статуя Лунного Стража – из белого мрамора, на который бросало отблески тусклое пламя светильников. И статуя Отсутствующей, почти бесформенная, из угрюмого серого камня.

Предания и писания говорили, что когда-то, в незапамятной древности, богиня Ледяное Зеркало пожертвовала собственной свободой, чтобы на время запечатать одно из опустошительных зол – то ли сковала архидемонов в глубинах Реки Душ, то ли удержала Зеффара в пустоте между звёздами. Только Владыка Даров знал точно, а он не говорил. Лишь приказывал по-прежнему почитать её, хотя она даже не показывалась обитателям Нотеры.

Если уж даже могущественному божеству выпала участь потерять любимую сестру, на что мог надеяться он, Вейраоль?

Тут снаружи храма послышался топот бегущего человека. А вслед за тем от входа донёсся робкий голос слуги:

— Господин? Многоуважаемый господин? Тут у ворот появились какие-то незнакомые практики. Требу… просят встречи с вами.

*****

Сидевший в кресле главы клана гуай-леопард настороженно разглядывал стоявшую перед ним четвёрку в белых халатах с красными поясами. Вален отчётливо видел в движениях его лица и слышал в стуке его сердца опаску… но также и возбуждение, указывающее на отчаянную надежду. Конечно, хитросплетения чужой души нельзя в точности прочесть по одним лишь внешним призракам, какой бы ни была разница в культивации… но то, что он мог прочесть, выглядело многообещающе.

— Должен признаться, уважаемые, я никогда раньше не слыхал о Секте Добродетельного Демона.

— Если говорить откровенно, о нас пока слыхали немногие. Это потому, что я основал секту недавно. Зато я много слышал о клане Фориат и его незавидном нынешнем положении. После смерти вашего почтенного отца от старости и старшего брата от ошибки при культивации, вас осаждают соседи, наперебой предлагая своё покровительство. Вот и я хочу его предложить. С одним важным отличием. Покровительство моей секты действительно будет покровительством. А не тотальным подчинением. Видите ли, нам, по большому счёту, нужен лишь неограниченный доступ к древней телепортационной формации вашего клана. Пока он у нас будет – можете жить как хотите.

Глаза Вейраоля сузились. В этот момент Вален перестал скрывать свою ауру. И глава клана увидел перед собой практика четырёх цветов. А за ним стояли ещё трое, которые тоже могли лишь прикидываться двухцветными. Великая сила, по сравнению с его собственным кланом. Но даже если вся четвёрка достигла внешнего единства, смогут ли они потягаться с Сектой Весенней Бури? Ведь там имелся старейшина целых пяти цветов.

— Как мне убедиться, что ваше предложение – честное?

Говоря это, он не отвёл глаз от Валена, но его тело чуть дрогнуло, чуть подалось в сторону высокой и красивой девушки, стоявшей чуть позади его трона. Словно он хотел встать щитом между ней и чужаком. Её черты лица выдавали семейное сходство, а жёлтые глаза и хвост – их одинаковую природу гуаев-леопардов. Такой мелкой подсказки Валену хватило. Подсказки да ещё наблюдения: судя по реакции слуг, он и его спутники не были первыми могущественными и пугающими визитёрами за последние несколько дней.

— В общем-то, никак, вам остаётся лишь нам поверить. Но разве перед вашими воротами стоит очередь из желающих спасти вашу сестру?

По надежде, отразившейся на лице главы клана, Вален понял, что попал в самую точку.

А вот реакция самой сестры ему показалась какой-то странной. Определённо не той, которую он ожидал.

— Чтобы защитить мой клан и мою сестру, вам придётся столкнуться с грозными противниками, — заметил Вейраоль. — Я не уверен, хватит ли у Секты Добродетельного Демона сил.

Но Вален понимал, что как бы юнец ни сомневался для виду, на самом деле он уже принял решение.

*****

— Но хватит ли у нас сил? — спросила Люме той ночью, когда они сидели в покоях для гостей. Вейраоль передал ей достаточно контроля над формацией дворца, чтобы она могла убедиться – разговор не подслушивают. — Всё же, мы собираемся перейти дорогу секте, у которой есть старейшина пяти цветов. Даже не считая союзников и покровителей.

Вален некоторое время молчал, пока все остальные смотрели на него, ожидая ответа.

— Во-первых, поздно уже отыгрывать назад. Взялся – ходи. А во-вторых, я думаю, что именно в клане Фориат нам представляется прекрасная возможность получить желаемое, не ввязавшись в длинную цепочку распрей. Нет у меня никакого желания чувствовать себя персонажем героической легенды, который избавившись от одного врага, навлекает вражду ещё двух.

— А у нас есть возможность этого избежать, дорогой?

— Есть. Скорее всего. Чтобы узнать точно, тебе с Сурэнохой придётся для меня кое-что сделать.

*****

Общества практиков Срединных Островов и Перерождающегося Континента были во многом похожи. Ведь, последний сейчас заселяли в основном именно потомки островитян.

И всё же, за две с лишним тысячи лет обычаи не могли не разойтись. Пусть даже поколений сменилось в два раза меньше, чем сменилось бы за это время у простых смертных, а распространение телепортационных формаций почти исключило культурную изоляцию.

Язык остался одинаковым, но многое стало разным. От кухни – Люме как-то заявила, что здесь даже богатые практики едят всё, что не успело убежать, а для маскировки дрянного вкуса присыпают специями в три слоя – до правил наследования. Например, на континенте женщина могла стать главой рода или клана, на островах такое считалось грубым нарушением обычая, допустимым лишь для обладательниц великого таланта.

И в вопросах брака согласие женщины, лишённой такового таланта, не требовалось даже теоретически.

— А ещё говорят, что ни один клан или секта праведного пути не разрешают рабства, — прокомментировала, опять же, Люме. — Неудивительно, что у нас талантливая женщина может стать хоть Досточтимой, а тут – нет.

— Чем же деловой контракт между родами жениха и невесты, который я имел счастье изучить не так давно, настолько лучше местных обычаев? — механически поинтересовался Вален.

— Наверное, тем, что в нём молодожёны считаются подчинёнными, учениками, согласно их недостатку опыта и цветов. А не собственностью, — пояснила Люме таким тоном, словно разговаривала с наивным ребёнком. — Ученицу можно изгнать за неповиновение. Легко. Но вот заставить вступить в брак насильно – уже нельзя.

Вален подумал, потом хмыкнул:

— Обычай обычаем, а сила силой. В местные обычаи, кажется, не входит принуждение брата и опекуна невесты под угрозой смерти. Впрочем, я понимаю, с чего Бальтос сделался так дерзок и резок…

*****

Чтобы выполнить необходимую настройку телепортационной формации клана Фориат у Люме ушло дней десять. Чтобы справиться с другим поручением Валена – чуть дольше. Так что они успели даже вернуться на Остров Пяти Элементов, убедиться, что дома всё в порядке.

Вален воспользовался арсеналом клана Фориат для подготовки к возвращению сватов за окончательным ответом.

— Нам не следует раскрывать своих способностей раньше времени, — говорил он.

Люме только качала головой:

— По мне, так стоило бы раздавить их всей нашей силой. Если ты вправду не хочешь затягивать вражду.

— В обычной ситуации, я бы согласился. Но не сейчас. К счастью, Бальтос и его друзья – известные личности. Вейраоль в деталях описал нам их способности. Мы победим практиков Секты Весенней Бури, используя ровно те карты, которые для этого нужны.

— Ммммм, а я согласен с Люме, — заявил Наттар. — Что-то мало ты их уважаешь, брат Вален. У опытных практиков легко могут быть тайные козыри.

— Должны быть. Вот и я хочу, чтобы наши с вами тайные козыри остались тайными. Но уж если окажется, что мы их недооцениваем – у нас есть дар Люме как спасительное средство.

Почему Вален был так уверен в этом даре? Да потому, что надеялся вместо свалки всех против всех обойтись одним или несколькими поединками. Практики Срединных Островов любили решать проблемы на поединках ещё больше, чем практики Перерождающегося Континента.

Так или иначе, когда в небе показалась летучая колесница Бальтоса, Вален и его спутники уже ждали дорогих гостей. Стоя на том самом внешнем дворе перед дворцом, где они высадились в прошлый раз. А ещё их там ждали Вейраоль и дюжина практиков из мелких

кланов и сект, которых он пригласил засвидетельствовать происходящее. Пришла и Вейрана – брат хотел оставить её во дворце, но Вален его отговорил.

Летучая колесница слетела вниз точно так же, как и прежде — стремительно, только что не врезавшись в камни двора. Бальтос сошёл с неё первым, и улыбка его была шире прежнего.

— О, — протянул он, оглядывая Валена с ног до головы, как если бы не разглядел, кто ждёт у подножия лестницы, ещё за несколько километров. — Вейраоль всё же нашёл новых покровителей. С кем я имею счастье встретиться?

Гуай-ворон, соскочивший вниз вслед за ним, не то усмехнулся, не то каркнул — коротко, презрительно.

Вален накрыл ладонью кулак и поклонился ровно настолько, насколько положено кланяться равному.

— Приветствую Бальтоса из Секты Весенней Бури, — сказал он. — Я — Старейшина Добродетельный Демон, основатель Секты Добродетельного Демона. И я хочу сделать вам предложение. Можно даже сказать – предложить сделку.

— Сделку? — Бальтос расхохотался и не думая отвечать на поклон. — Никому не известный «старейшина-основатель», предлагает сделку Секте Весенней Бури? Впрочем, кое-какая духовная энергия у тебя есть, признаю. Ну, так скажи, что именно ты предлагаешь? Нам убраться восвояси, пока целы?

— Мы сойдёмся в трёх честных поединках, — сказал Вален. — Мои ученики против тебя и твоего чёрнопёрого спутника. Я сам против почтенного старейшины, которого секта приставила тебя охранять. Если мы проиграем хотя бы один поединок — Секта Добродетельного Демона покинет это место с позором и откажется от покровительства над кланом Фориат. Но если мы выиграем все три — вы покинете этот остров и поклянётесь не возвращаться, если вас самих не пригласят. А от покровительства откажется Секта Весенней Бури. Как тебе мои условия? Не боишься, что я наложил на нас недостаточно ограничений?

Несколько ударов сердца на дворе царила тишина. Потом Бальтос захохотал — громко, с наслаждением.

— Серия поединков! — он оглянулся на своих спутников. — Слышали? Пришелец неизвестно откуда по доброте душевной, предлагает нам щедрую сделку! Что ж, что ж. Обычаи островов мне дороги. Да и отказываться от выгодных условий недостойно, так и трусом недолго прослыть.

Его глаза вдруг сузились, а веселье пропало с лица:

— Хитрый ублюдок, тебе, или тому, кто тебя нанял, ведь плевать и на клан Фориат, и на Вейрану, так? Ты здесь, чтобы унизить Секту Весенней Бури. А твои «ученики» – специально подобранные поединщики. Что ж, тем больше будет наша слава, когда мы победим. Я принимаю условия! — он поднял руку со сжатым кулаком. — Пусть будут три поединка!

— Верь мне или нет, я не питаю вражды к Секте Весенней Бури, — покачал головой Вален. — Впрочем, словами тебя не переубедить.

Он обернулся:

— Наттар? Не желаешь выйти первым?

— А тоооо, — Наттар с улыбкой шагнул вперёд, поигрывая кистью на рукояти меча.

Гуай-ворон поглядел на него, склонив голову набок.

— Собрат Бальтос? Я думаю, этот юнец нарывается на меня.

— Да? Ну как скажешь, Коратис. Первый поединок – твой.

Глава 3. Три поединка: начало.

— Уважаемый Вейраоль, — попросил Вален, не оборачиваясь. — Будьте, пожалуйста, бдительны, чтобы никого из дорогих гостей не убило случайной атакой.

Защитную формацию клана Фориат всё ещё контролировал глава клана, хотя он и передал Люме часть прав. Кстати, Люме успела прожужжать Валену все уши рассказами об этой формации – древней, изощрённой, во многом устаревшей, но всё же далеко превосходившей те, с которыми ей приходилось работать до сих пор. По её мнению, даже такой слабый практик как Вейраоль смог бы, сидя внутри неё, защищаться от нескольких нападающих четырёх цветов – именно потому с ним до сих пор вообще разговаривали.

Вот и сейчас Вейраоль поспешно сложил пальцы в замок, приказывая формации создать незримый барьер перед теми, кто пришёл посмотреть на столкновение.

Меж тем, Наттар достал Меч Красной Кисти из ножен. И гуай-ворон достал свой кривой клинок. Наттар поглядел на противника. И тот поглядел на него, по-птичьи наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Наттар ослабил сокрытие ауры и позволил ей засиять ярче, как у практика трёх цветов. А у ворона она и так была на этом уровне.

— Кхах. Неплохое управления аурой для юнца. А всё же, зря ты вышел. Кхм. Судя по глазам, ты – гуай-кот. У тебя, случаем, нет дара на лишние жизни? Пригодится. Я Коратис, не умею щадить тех, кто встретил мой меч своим.

Наттар пожал плечами, улыбнулся, и по его коже поползла чешуя, подобная серебристой воде или полупрозрачной ртути:

— Эээ, это ничего. Меня учитель тоже учил относиться к любому противнику с уважением и бить его сразу со всей силы.

Они замерли в дюжине шагов друг от друга. Наттар принял оборонительную стойку, нацелив остриё меча в узкую грудь ворона. Коратис же стоял почти расслабленно.

— Защитная техника. Кхе-хе-хе. Против моего дара бесполезны даже защитные техники практиков на цвет выше, — он снова крутанул головой, указал когтистым пальцем левой руки на блестящий чёрный глаз. — Как бы ты ни скрывал свою ауру, намерения и умения, я безошибочно вижу путь удара, который придётся в твоё слабое место и убьёт тебя. Собрат Бальтос, неправ, кхе-хе. Вы – просто выползшие из какой-то дыры деревенщины. Если б вас подослали враги Секты Весенней Бури, ты ни за что не вышел бы первым. Ведь перед вами я – Коратис, Птица Смерти, в бою и на мечах мне нет равных на моей стадии!

Наттар чуть пожал плечами и ответил с оттенком скуки:

— Нуууу, если твой дар такой крутой, так чего ж ты стоишь и болтаешь. Нападай уже.

— Ах ты червяк!

Некоторые из практиков, собранных Вейраолем, чтобы служить свидетелями, дружно ахнули. Их глаза были прикованы к противникам – и всё же они упустили момент, когда Коратис сорвался с места, замахиваясь для удара.

А миг спустя ахнули уже все. Бальтос, отступивший к дальнему краю двора, выкрикнул с тревогой:

— Что такое, Коратис?

Нет, зрителей не потряс вид великолепного столкновения двух грозных противников. В том-то и дело, что столкновения не произошло. В последний момент Коратис отскочил назад, чуть не вылетев за пределы вымощённой площадки двора и не скатившись по склону внизу. Птичьи когти его ноги проделали три параллельные царапины на камнях, когда он тормозил – настолько резким оказался прыжок прочь. Вален, Бальтос и все остальные обладатели достаточно острого зрения, увидели и нечто ещё более удивительное – руки Коратиса дрожат мелкой дрожью. Невиданное зрелище: практик внутреннего единства потерял самоконтроль!

— Мммм, вправду, что такое? — недовольно спросил Наттар. — Ты тут хвастался своим даром. Если он так хорош, зачем убегать?

Наттар не знал, что всё дело было как раз в даре, которому гуай-ворон был обязан его прозвищем, в даре Глаз Птицы Смерти. Немногие понимали, что у этого дара есть ещё и защитная, предупреждающая функция – если пути к смертельному удару не существует, если этот путь вдруг пропал, владелец дара увидит это. И поймёт, что столкнулся с противником, который ему не по зубам.

Но ещё ни разу Коратис не испытывал этого ощущения настолько внезапно, при встрече лицом к лицу с настолько молодым – с виду – практиком, а не с могущественным старейшиной!

— Аххах! Подлая мразь! Прикинулся простым учеником! Придётся взяться за тебя всерьёз.

И аура Коратиса вдруг вспыхнула куда ярче – он тоже снял сокрытие. Любой обладатель духовного зрения теперь безошибочно определил бы его как практика четырёх цветов.

Наттар, однако, не смутился. С чего смущаться, если это не стало для него сюрпризом? Ещё когда Вейраоль рассказывал о противниках, с которыми им предстоит столкнуться, он предположил, что Коратис давно прорвался на стадию внешнего единства, просто скрывает это.

— Ты не сражался всерьёз с самого начала? Эээээтто плохо. Кто ж тебя учил?

Коратис сжал кулак левой руки с такой силой, что птичьи когти вонзились в ладонь. Это помогло. Дрожь унялась, глаза перестали быстро моргать, сосредоточенность восстановилась. Он принял атакующую стойку. И его аура вдруг расширилась, распространилась вокруг ровной, прозрачной золотистой полусферой, охватила всё на полтора десятка шагов от хозяина. Коратис не просто достиг стадии внешнего единства, а освоил, как минимум, средний этап. Теперь он ощущал всё, охваченное его аурой, как если бы касался существ и предметов своими пальцами. И это давало заметный выигрыш в скорости реакции, в уровне предвидения, выигрыш, часто решавший исход ближнего боя.

— Вооот. Сразу бы так, — Наттар улыбнулся и двинулся вперёд размеренным шагом, не меняя защитной стойки.

Из глотки Коратиса вырвался звук, больше напоминающий птичье карканье, чем человеческий клич. Он взмахнул мечом – и полдюжины приглашённых практиков дружно ахнули, когда в камнях двора вдруг появился глубокий разрез, а незримый барьер прямо перед ними задрожал и загудел от мощного удара. А Наттар даже не сбился с шага, просто сдвинулся чуть в сторону, пропустив невидимый клинок так близко, что он зацепил ткань халата на локте. Его аура не стала сильнее, не распространилась, чтобы вступить в противоборство с аурой противника.

Наоборот. В тот момент, когда остриё меча Наттара почти коснулось края золотистой сферы, его аура исчезла вообще. Как если бы он превратился даже не в смертного, а в неодушевлённый предмет.

Звон и скрежет! Золотые и белые искры разлетелись на полдвора, когда клинки столкнулись с пронзительным металлическим звуком. Пара самых слабых среди зрителей схватилась за уши. Коратис перекатился, отскочил прочь. А его правая рука до локтя, ещё сжимающая клинок, осталась лежать на камнях, потрескавшихся в момент столкновения двух практиков.

— Кхах! Тринадцать и Зеффар! У тебя не три цвета!

Наттар поглядел на него, как змея, рассматривающая выпавшего из гнезда птенца. Поднял меч, меняя стойку. А затем на лицо молодого гуая снова вернулось выражение. Он пожал плечами, приложил палец к подбородку, вознёс глаза к небу, словно в глубоком раздумье:

— Нуууу, а почему у меня их должно быть только три?

В этот миг Коратис подумал, что мальчишка потерял бдительность. Решил, что без одной руки противник уже неопасен. Если выхватить из пространственного кольца запасной меч и броситься вперёд…

Нет. Его дар не видел пути к смерти противника. А значит, умрёт он сам.

Коратис нажал когтем на нервный узел, снимая боль. Кровотечение из культи уже остановилось само собой. Чем меньше времени теряешь, тем меньше риск при восстановлении руки с помощью пилюль. Прямо сейчас отрубленную часть ещё можно прирастить обратно. Он поклонился противнику:

— Я проиграл. Сдаюсь.

Наттар секунду разглядывал его с беззаботным видом. Только Вален, да ещё Люме, осознавали, что с ровно таким же видом он может зарубить гуая-ворона к Зеффару. Вален только сегодня утром в очередной раз повторил названному брату, что их задача – разрешить конфликт без ненужного кровопролития, но…

— Ты хорошо владеешь мечом, — заметил, наконец, Наттар, убирая собственный меч в ножны. — Но слишком много молотишь языком. Смотри, как бы не лишиться его вместе с головой.

Вален не был уверен в правдивости первого утверждения. Он видел ясно: сверхъестественные преимущества и врождённые таланты противников примерно уравновесили друг друга… но лишь до момента, когда Наттар отвёл первый удар. Дальше обнуление мыслей гарантировало, что он пробьёт контратаку прежде, чем Коратис успеет среагировать. Или Наттар имел в виду чисто фехтовальные навыки?

Так или иначе, победа теперь была у них почти что в кармане. Умения Коратиса вполне соответствовали рассказанному Вейраолем и другими. Он был бы весьма неприятным противником для Валена или Люме. А вот Наттар одолел его даже не использовав своей новой техники.

— Отличная работа, — сказал ему Вален. И выступил вперёд сам, выпятив грудь, напустив на себя гордый вид.— Первый поединок за нами! Кто из вас готов сразиться со мной самим?

Двое оставшихся практиков Секты Весенней Бури обменялись парой фраз, повернувшись спиной к Валену и наблюдателям, чтобы их слова нельзя было прочитать по губам. Как Вален и ожидал, Бальтос отправился помочь раненому товарищу. А вперёд выступил его упитанный спутник, окружённый аурой четырёх цветов. Он остановился шагах в тридцати от Валена.

— Я, Рауншейн, готов сразиться. Старейшина Добродетельный Демон, значит? Молодой господин, и твоё имя, и твои слова – это одна сплошная дерзость. Вызов обычаям и приличиям. Пожалуй, сегодня мне, старику, придётся вбить в тебя немного уважения.

Вален улыбнулся и покачал головой:

— Почтенный Рауншейн, заверяю вас, я и так уже исполнен самого почтительного уважения и к обычаям, и к достойным противникам, и даже к некоторым недостойным. Боюсь, это мне придётся вбить в вас немного благоразумия.

Губы старого гуая растянулись в ответной улыбке, такой широкой, что встопорщилась его короткая борода:

— Ну, попробуй, юнец.

Стремительным движением он вскинул обе руки, сложив пальцы в печати:

— Ранняя Весна!

Секта Весенней Бури, как и большинство сект средней руки, поднявшихся над незначительными провинциальными сектами и кланами, но ещё не достигших уровня великой секты, специализировалась на двух смежных элементах. В их случае – Воды и Дерева. Рауншейн был мастером техник Воды. И начал именно с той техники, которая считалась его любимой.

Из ноздрей старого гуая вырвались струйки пара, пар в мгновение ока расползся густым туманом, а туман сконцентрировался в острые ледяные шипы, вроде блестящих сосулек. Не успело сердце ударить один раз, как десяток этих шипов уже устремился к Валену.

А тот времени не терял. Пока Рауншейн призывал свою технику, Вален успел извлечь из пространственных колец пару дюжин летающих мечей. Не тех мечей, которые делала для него Люме, а самых обычных, позаимствованных в арсенале клана Фориат. Ледяные шипы старика летели стремительно, их пробивная сила была велика. Казалось, что они просто отшвырнут прочь летающие мечи, столкнувшись с ними в воздухе. Так бы и случилось, если б этими мечами управлял заурядный практик. Но контроль Валена теперь сделался настолько точен и тонок, что они били смертоносные шипы в бок, сбивая с курса. Два-три меча, ударившись о шип, отклоняли его в сторону. Куски волшебного льда с треском раскалывали камень, с гулом врезались в барьер позади Валена. От одного пришлось уклониться, сделав шаг вправо – но его не зацепил ни один.

Ни один из первого роя. Всё новые и новые шипы появлялись вокруг Рауншейна. Но число летающих мечей, серебряными сполохами разлетавшихся от Валена, росло куда быстрее, чем старый практик создавал новые шипы. Часть мечей разбивалась или гнулась при столкновении, но лишь часть, а Вален призывал всё новые и новые. Не прошло и нескольких секунд, как сразу десяток клинков устремился к Рауншейну со всех сторон, пока другие продолжали отражать смертоносный ледяной дождь.

Горячий и неосторожный практик четырёх цветов положился бы на прочность своего тела, которое обычный летающий меч мог только оцарапать. Рауншейн был не из таких. Ему не хотелось получать точные удары в глаз, горло или пах, возможные при столь невероятном контроле над летающими мечами. Или быть оцарапанным отравленным клинком. Он сложил пальцы левой руки в новую печать, щепотью вверх – и перед мчащимися к нему клинками сформировались из воздуха щиты из мягкого льда. Мечи глубоко уходили в них – и тут же вмерзали, бессильно падали на землю под их тяжестью.

Вален только усмехнулся. А Рауншейн нахмурился. И скорость формирования его ледяных шипов вдруг возросла. Их удары о барьер слились в непрерывный гул. На некоторое время Валену пришлось забыть об атаке. Камень, которым был вымощен двор, обратился в сплошное крошево шагов на пятнадцать вокруг него. Несколько раз он выхватывал бумажные талисманы и создавал барьер воли, чтобы избежать ранения не до конца отклоненным шипом. Двое из числа зрителей позорно бежали прочь, опасаясь, что перед такой яростной бомбардировкой не устоит даже формация.

Но Вален продолжал безмятежно улыбаться. И только потому, что это давило на нервы противника. Несведущему могло бы показаться, что он в невыгодном положении, загнан в глухую оборону. Но искушённый практик тут же заметил бы, что атака Рауншейна требует постоянно создавать лёд из ничего, тогда как Вален лишь управляет летающими мечами. Расход духовной энергии несравним. Старый гуай видел, что пальцы Валена унизаны пространственными кольцами, должен был считаться с возможностью, что в этих кольцах находятся все запасы клана Фориат. Что, кстати говоря, находилось недалеко от истины. В общем, простым измором Валена не взять. Сейчас старику придётся продемонстрировать какой-то из секретов, секретов секты или его собственных, технику, которую он не показывал случайным противникам в заурядных стычках…

Рауншейн вдруг резко хлопнул в ладоши:

— Весеннее Пробуждение!

И в тот же миг осколки льда, усеивавшие всё вокруг Валена, вперемешку с обломками камня, мгновенно растеклись водой, смешались с землёй. А из земли с невероятной скоростью вырвались острые зелёные стебли, устремились к Валену подобно клыкам гигантской смыкающейся пасти.

Вода питает Дерево, духовная энергия, вложенная в волшебный лёд, не пропадает, а становится основой для следующей атаки. Рауншейн не обладал большим талантом, но за свою долгую жизнь глубоко постиг учение Секты Весенней Бури. Как и тактику поединков. Подобные площадные техники, когда опасность грозит сразу отовсюду, часто смущают предвидение противника, даже опытный боец может среагировать с задержкой, а неопытный так и вовсе запаникует. Уклониться Лёгким Шагом в сторону – уже невозможно, Вален напорется на один или несколько стеблей, получит жуткие раны. Спасения он может искать лишь в воздухе.

В тот момент, когда Вален исчез, чтобы появиться высоко над землёй, к месту его появления, указанному предвидением, уже неслось с полдюжины ледяных шипов, которые Рауншейн придержал именно для этого.

Глава 4. Три поединка: завершение.

Для практика четырёх цветов полёт – дело нехитрое. Способов есть много. Однако большинство даже на этой стадии предпочитали летать на мечах. Это соответствовало обычаю. Это было просто – управлять одним летающим мечом умел любой, а способность твёрдо стоять на нём приходила автоматически на стадии формирования воли. Это не требовало особых усилий или значимых затрат духовной энергии, как специальные техники полёта, доступные четырёхцветным. В общем, с точки зрения большинства, недостатки были не столь значительны, чтобы искать лучшие варианты.

С точки зрения Валена, чьё умение управлять летающими мечами было несравненным, недостатки должны были бы быть ещё менее значительными. А всё же они сохранялись. Например, недостаток, за счёт которого Рауншейн сейчас надеялся его убить. Задержка с переходом от падения к полёту. Сейчас Вален оказался метрах в двадцати над землёй. Если направить один из мелькающих вокруг мечей к месту завершения своего Лёгкого Шага – он не успеет долететь. Если извлечь новый меч из кольца – чтобы встать на него уйдёт доля секунды. За эту долю секунды стремительные ледяные шипы достигнут цели.

Вот только они её не достигли. Вален скользнул по воздуху с проворством рыбы в воде, без малейшей задержки, уклонившись и от ледяных шипов, и от устремившихся к нему острых стеблей. А все мечи, которые в этот момент были в воздухе, разом понеслись к старому гуаю, вместо того, чтобы защищать своего хозяина. И число их вдруг увеличилось впятеро – вокруг настоящих клинков возникли иллюзии. Кантос правильно говорил в своё время: сражение на техниках во многом напоминает фехтование. Если твой размашистый удар отбит, либо пришёлся по воздуху, то считай, что ты открыл себя для контратаки.

Рауншейн, однако, был старым бойцом – и никогда не оставлял себя полностью раскрытым. Он взмахнул левой рукой, пальцы которой всё ещё были сжаты щепотью – и его окружила сразу дюжина ледяных щитов, готовых отразить атаки с самых неожиданных углов.

Вот только и Вален давно уже не был учеником с неглубокими способностями. Он сжал пальцы правой руки в кулак:

— Осколочный Разрыв!

Со невыносимым скрежетом и визгом, десятки летающих мечей – включая те, что уже некоторое время валялись обледеневшими вокруг Рауншейна – разом лопнули, разлетевшись вихрем зазубренных кусков металла. Ледяные щиты разлетелись сверкающим крошевом под таким натиском. Почти любого практика ниже четырёх цветов он превратил бы в кровавое ошмётки, на четырёх цветах многие лишились бы и одежды, и кожи. Но Рауншейн, с его опытом, с его почётным положением в значимой секте, обладал спасительным средством, на случай неожиданных атак. Висящий на его поясе золотой амулет вдруг засиял ослепительным светом – и аура старого гуая на миг стала видимой, плотной. Осколки застряли в ней, как вязкой грязи, бессильно осыпались на землю.

Глаза старика свирепо блеснули, губы растянулись в оскале. Давненько ему уже не приходилось полагаться на защитное сокровище в поединке с равным по цветам. Теперь сокровищу потребуется не меньше суток на перезарядку, его собственная духовная энергия на полпути к истощению, а на противнике ещё ни царапины. Пусть он пользуется какой-то техникой полёта, которая должна быть довольно затратной для стадии внешнего единства, пусть он, похоже, уступает в потенциале меридианов, пусть он только что использовал технику, которая, вероятно, является его главным козырем… Слишком много «должна», «похоже» и «вероятно». Ускорение внутреннего времени позволило Рауншейну стремительно обдумать ситуацию и прийти к однозначному выводу – этот Старейшина Добродетельный Демон слишком опасен, его нужно сокрушить следующей техникой.

Рауншейн выбросил перед собой руки крест-накрест, сложив пальцы в новую печать:

— Вылупление Древесного Дракона!

И тут же стебли, проросшие среди разбитых камней двора всего пару секунд назад, претерпели устрашающее изменение. Их рост разом ускорился и в один миг они переплелись, словно невидимый,чудовищно проворный канатчик свивал из них тросы, а из тросов — длинное, гибкое тело. Не прошло и полсекунды, как оно стало длиннее летающей корабля, и всё тянулось, тянулось, бесконечно вырастая их земли. По бокам его проросла чешуёй твёрдая кора; по хребту вздыбился гребень из шипов. Острые концы стеблей сделались частоколом зубов в распахнувшейся пасти. Пустые глазницы растительной головы уставились прямо на Валена.

И древесный дракон устремился в атаку, намного проворнее всякой атакующей змеи. Так быстро, что свист и гул рассекаемого воздуха смешались с его яростным рёвом.

— Долетался, птенец! — выкрикнул старый гуай. Эту технику он не мог поддерживать дольше нескольких секунд… но дольше и не нужно. Сейчас Старейшина Добродетельный Демон попытается уклониться, поднявшись повыше – и непременно будет пойман огромной пастью.

Вот только Вален не попытался взлететь к небу, как инстинктивно сделали бы многие практики. Он спикировал к земле. В тот момент, когда тень древесного дракона уже почти накрыла его, а зелёные зубы уже были готовы сомкнуться, его нога достала до камня. И он активировал Лёгкий шаг. Осколки камня, клочья земли и растительные ошмётки разлетелись взрывом, когда древесный дракон ударил в место, где Валена уже не было, оставив там немаленький кратер. Инерция волшебного создания была слишком велика, чтобы изменить направление атаки в последний момент. А контроль его создателя был слишком слаб – и в момент удара исчез окончательно. Древесный дракон начал оседать на землю бесформенной, рассыпающейся массой.

Рауншейн успел прочитать намерение Валена. Он уже не успевал применить новую технику. Но он взмахнул рукой – и в то место, где Вален собирался выйти из Лёгкого Шага помчался короткий летающий меч, голубой как лёд и очень быстрый. В руке Валена уже был собственный клинок – но он не успех замахнуться им, чтобы отбить атаку. В последний миг отвёл остриё, нацеленное ему в грудь, ребром ладони. Вместо того, чтобы распороть кожу и мясо, летающий меч скользнул по его руке со скрежетом, словно сталь скользнула по стали. Тело-Клинок всё же пригодилось.

Старый гуай повёл пальцем по воздуху – и отлетевший в сторону от Валена летающий меч тут же развернулся в воздухе, ударил в спину – но пронзил лишь иллюзию Остаточного Образа. А сам Вален уже был рядом с противником, замахиваясь, чтобы срубить ему голову. И срубил бы – если б всё упитанное тёло Рауншейна вдруг не взорвалось вихрем лепестков. Ещё одно спасительное средство!

Вален шагнул назад, снова взмахнул мечом, да не просто взмахнул, а использовал Рассечение Ветра – лепестки разом осыпались на землю. И одежда старика осела вслед за ними. Может, это было не средство побега, а какая-то хитрая самоубийственная атака? Вален пригляделся, напрягая духовное зрение. Усмехнулся, увидев едва заметное движение под разбитыми камнями двора в нескольких шагах. Достал из пространственного кольца оружие, напоминавшее больше колышек, чем кинжал. Вся рукоять, к которой крепился стальной шип, была одной большой бомбой. Бросок – и взрыв разметал обломки камня вместе с клочьями земли. Вален подошёл и выдернул из получившейся воронки за шкирку старого гуая-барсука в звериной форме. Помятого, дымящегося, оглушённого, но определённо живого.

— Так себе способ побега. Надеюсь, ни у кого нет сомнений, что победил тут я, Старейшина Добродетельный Демон?

— Сомнений нет, — сказал Бальтос, подходя к Валену. Если он сейчас испытывал уныние, то на лице это не отразилось. Вален почувствовал некоторый укол раздражения. Они ведь не оговаривали условий поединков, и ничего не мешало ему сейчас прикончить старого гуая… ну, кроме здравого смысла.

— Твой телохранитель неплохо сражался, — заметил Вален, передавая кашляющего зверька в руки Бальтосу. — Заставил меня раскрыть добрую половину моих способностей. Но… может, хватит уже? Ты слабее практиков, которых приставил тебя охранять твой дядя. Пока слабее. На что ты надеешься, если они проиграли с таким треском? Ни меня, ни моего младшего брата даже оцарапать не смогли.

Бальтос лишь усмехнулся, пожал широкими плечами. Подобрал одежду Рауншейна:

— С каких это пор практики и мужчины отказываются от драки лишь потому, что боятся быть битыми? Погодите только пять минут, надо позаботиться о старике.

Вален усмехнулся в ответ и зашагал к своим спутникам.

— Я гляжу, ты неплохо научился бахвалиться, дорогой, — сообщила ему Люме. — А как же уважение к противнику?

— Я? Бахвалиться? — притворно удивился Вален. — Да я сказал чистую правду. Ну, может две трети своих способностей я раскрыл.

Они обсуждали этот вопрос заранее. Если бы им пришлось сражаться с неизвестными практиками равных цветов, то использовать сразу все имеющиеся силы, чтобы стремительно сокрушить противников было бы единственным верным решением. Вален настаивал на этом. Но именно сейчас им они знали большую часть способностей противников заранее. Этим следовало воспользоваться, чтобы с одной стороны произвести глубокое впечатление на местных практиков, а с другой стороны скрыть часть своих способностей. Так, на всяких случай.

Вален решил, что лучше скрывать его арсенал сокровищ, не расходовать особые летающие мечи, на которые Люме потратила столько сил и времени. Единственным необычным волшебным предметом, который он применил в бою, стали его туфли. Тоже работа Люме. Очень простая пара волшебных предметов. Помимо обычных узоров, делавших их прочными и непачкающимися, в их подошвы были вложены два лезвия, подобные клинкам летающих кинжалов. Так что теперь для полёта Валену было достаточно мысленной команды. Когда он только выдвинул эту идею, он не понимал, почему зачарователи не пришли к ней раньше… пока Люме не напомнила, что его умение управлять доброй сотней летающих клинков разом весьма неординарно. Для разума заурядного практика, особенно практика ниже завершённости внутреннего единства управление двумя эквивалентами летающего меча, пригодными только для полёта, стало бы серьёзной нагрузкой.

Так или иначе, всё прошло почти по плану. В сражении с Рауншейном единственной неожиданностью стал защитный талисман… Вот только благодаря ему Вален чуть не лишился головы. Для виду он говорил браво и самоуверенно, а на деле до сих пор дрожал бы от близкой разминки со смертью, если б не мог полностью держать себя в руках.

— С другой стороны, ты права, Люме, — добавил он. — Что-то мы становимся слишком наглыми. Против Бальтоса лучше выйти тебе. У тебя преимущество на цвет.

— Но господин учитель! — воскликнула Сурэноха. — Вы же обещали оставить Бальтоса мне! И ещё, выставить бойца на цвет выше будет нечестно!

Вален строго посмотрел на девушку и та осеклась. Покачал головой:

— Чего же тут нечестного? Мы просто показываем друг другу свои силы. Лучше будет показать их выставив сильнейшую.

Если бы дикарка, неожиданно ставшая воинственной, продолжила упрямиться, то Вален непременно настоял бы на своём. Но она лишь смотрела. Такими умоляющими глазами, что волей-неволей пришлось смягчиться:

— Но раз уж я обещал, то ладно. Слово старейшины – закон. Иди. Ты будешь сражаться с нашими наилучшими пожеланиями.

Последние слова означали – Люме поддержит тебя Красной Нитью Жизни, передаст часть духовной энергии от остальных.

— О, учитель, это меня окрылит лучше любых превращений! — Сурэноха поклонилась и зашагала прочь, выйдя за барьер, который был проницаем лишь изнутри, прежде чем Вален успел сказать что-то ещё.

Хм. Похоже, он и вправду слишком добр. И этой добротой кое-кто злоупотребляет.

Наттар хихикнул, словно прочитав его мысль. А Люме сказала:

— Не волнуйся. Возможно, у младшей таланта больше, чем у любого из нас.

Впрочем, Вален подозревал, что сказано это было не столько для него, сколько для слушателей – Вейраоля и собранных им свидетелей.

А Бальтос уже шёл навстречу Сурэнохе. В храбрости ему не откажешь – видел ведь, что его телохранителей разделали под орех, а всё же шёл с таким видом, будто всё вокруг принадлежало ему.

— Доспех Растущего Леса! — произнёс он на ходу, не останавливаясь и не складывая пальцев в печать.

И тут же по его коже слой за слоем начал расползаться панцирь из коры, сперва светлой, а затем темнеющей и твердеющей на глазах. Пластины закрыли грудь и спину, легли одна на другую; по ногам побежали поножи; наплечники с сучьями-шипами, скрыв под собой широкие плечи. Одежда исчезла под деревянной бронёй, словно впиталась в неё. Полоски коры оплели голову и срослись в шлем, украшенный ветвистыми рогами.

Насколько Вален знал из записей клана Фориат и мог видеть теперь, во многих отношениях эта техника была сопоставима с Чешуёй Морской Твари Наттара. Одновременно защитная и усиливающая. Но у Сурэнохи будет преимущество по двум причинам. Во-первых, Доспех Растущего Леса не увеличивал скорости владельца. А во-вторых, он был техникой элемента Дерева. Металл рубит Дерево.

Как бы она не перестаралась… Участь телохранителей была не слишком важна, а вот Бальтос непременно должен остаться в живых. Может, всё-таки стоило выпустить Люме?

Лицо Валена превратилось в бесстрастную маску, когда он глядел как сближаются противники. Девушка не приняла формы человекоподобной стрекозы. Лишь достала из пространственных колец два своих любимых прямых меча.

— Пусть победит достойный! — прогудел Бальтос из-под деревянного шлема.

— Пусть победит сильнейшая! — отпарировала Сурэноха. И сорвалась с места в стремительном рывке. Грохот раскатился над горами, сверкнула яркая молния – сила её Громового Клинка намного возросла с прорывом на внутреннее единство.

По двору разлетелись мелкие угольки, когда Бальтос успел заблокировать удар, приняв его на покрытое толстой деревянной бронёй предплечье. Успел заблокировать первый удар. Два раската грома слились в один, когда второй меч Сурэнохи попал ему прямо в бок. Панцирь из коры лопнул. Сталь и электрический разряд достигли тела.

Вален стиснул зубы, когда увидел – этого не хватило, чтобы отключить или парализовать здоровяка. А вот Сурэноха, которая ещё даже не достигла завершённости внутреннего единства, не успела увидеть это вовремя. Потеряла миг выдёргивая застрявший в обугленном дереве клинок. Отскочила лишь после того, как удар могучей руки с хрустом раздробил ей кисть.

Но её правая рука оставалась целой. Дар Ненасытной Охотницы, ускорявший её движения, ещё действовал. Едва успев отскочить, она тут же вновь шагнула вперёд, навстречу отчаянному броску Бальтоса, легко нырнула под его кулак. И третий Громовой Клинок врезался ему поперёк живота. На этот раз удар оказался таким страшным, что деревянный панцирь

лопнул, разлетелся пылающими углями. А всё же спас хозяина – без него клинок дошёл бы до позвоночника. А так могучего практика просто оторвало от земли, отбросило на дюжину шагов и швырнуло на камни – в последний миг он успел отменить устойчивость.

Даже так ранение выглядело довольно пугающим.

— Бальтос! — едва лишь утих громовой раскат, как тишину нарушил испуганный женский голос.

И на развороченный техниками двор вдруг выскочила Вейрана, всё это время безмолвно и неподвижно стоявшая за плечом своего брата.

Глава 5. Горячая любовь и холодный расчёт.

Вейрана не то, что подбежала к Бальтосу — она подлетела, будто земля жгла ей подошвы, и опустилась на колени рядом с раненым богатырём, безуспешно пытавшимся подняться.

— Не вставай! Не надо больше! Погоди, вот… — в её руке появилась исцеляющая пилюля.

Она не добавила «дорогой», но её тон был яснее любых слов.

Вейраоль первую секунду тупо смотрел вслед сестре. А потом рванулся остановить её. Но Вален ухватил его за плечо. И сказал громко, так, чтобы слышали все:

— Погоди, ты в самом деле не знал, что твоя сестра от ушей до хвоста влюблена в Бальтоса?

Вейраоль попытался сбросить руку с плеча – вот только при разнице в два цвета проще было бы сдвинуть гору. Уставился на Валена, зло оскалившись, его зрачки сузились в ниточки. Потом обернулся к сестре.

А та уже успела осмотреть рану Бальтоса:

— Ничего страшного, просто лежи пока.

Деревянный доспех могучего практика истаял, частью растворился в воздухе, частью рассыпался в пыль. Он скрипел зубами от боли, но теперь вдруг улыбнулся — своей прежней широкой улыбкой, которая в его положении выглядела скорее комично:

— Боюсь, любимая, моё сватовство прошло не совсем удачно…

— Молча лежи, — оборвала его Вейрана, но её щёки чуть порозовели, вместе с кончиками её круглых, как у леопарда, ушей.

Вейраоль снова повернулся, на этот раз, чтобы поглядеть на собранных им свидетелей. Те, кто не сбежал, испугавшись, что прикрывавший их барьер может рухнуть в любой момент, видели и слышали всё.

Тут молодой гуай-леопард понял, что его завлекли в ловушку. Возможно, что все поединки, всё, только что произошедшее, было спектаклем, разыгранным по нотам. А если даже нет – как минимум, этот Старейшина Добродетельный Демон узнал об истинных чувствах Вейраны. Недаром его спутницы с ней общались. С самого начала надо было догадаться, что могущественные старейшины ничего не делают задаром и без тайного умысла!

Да, Вейраолю не хватало опыта и самоконтроля. Но ни один практик не протянет и месяца на месте главы клана без хитрости и сообразительности. Вот и сейчас он быстро понял: Добродетельный Демон предоставляет ему возможность выйти из довольно-таки неудобного положения без потери лица.

— Я… я всегда мечтал найти сестре достойного мужа, — заявил он во всеуслышание, зло глядя в её сторону. — Который обращался бы с ней как подобает. Если б Вейрана прямо сказала, что у них с Бальтосом уже… полное согласие, разве стал бы я намеренно делать её несчастной?

Вален разжал свою хватку и поглядел на влюблённых:

— А если б ты, Бальтос, поступил как настоящий мужчина и практик, предложил бы брату своей любимой достойный выкуп, такой, чтобы клан Фориат мог бы разобраться со своими проблемами – так ты и твои телохранители не оказались бы сегодня битыми.

— Достойный выкуп, ха! — даже лёжа на камнях с дырой в животе, Бальтос не лишился дерзости. — Если б кое-кто сразу заговорил о таких вещах, как практик с практиком, так до драки и вправду не дошло бы.

—Несомненно, уважаемый Вейраоль считал, что ты отвратителен его сестре. Так что всё происходящее можно счесть одним большим недоразумением. Ведь так?

Вален помолчал, убедился, что возражений не будет:

— Но недоразумение, или нет, а всё же ты, Бальтос, поклялся покинуть этот остров вместе с твоими спутниками. И не возвращаться, если вас самих не пригласят. Я думаю, когда твои раны немного исцелятся, вы с Вейраолем сможете обсудить, во что тебе обойдётся приглашение на помолвку с прекрасной Вейраной. Это, конечно, вдобавок к выкупу. Всё же, клан под покровительством Секты Добродетельного Демона надо уважать. Понимаешь? Ну и отлично.

Убедившись, что конфликт разрешён к взаимному неудовольствию, как и положено при компромиссе, Вален обратил внимание на собственную ученицу. Сурэноха уже проглотила исцеляющую пилюлю, но сложные переломы не заживали мгновенно, даже на трёх цветах и с сильной пилюлей. Пока Вален улаживал брачные проблемы, Люме успела осмотреть её руку:

— Всё будет в порядке, — заверила она его.

— Вот и отлично. Проследите, пожалуйста, чтобы гости с хозяевами случайно не поубивали друг друга. А мне надо поговорить с младшей Сурэ наедине, как учителю с ученицей.

*****

Если учитель желает поговорить с тобой наедине – значит, либо собирается посвятить в некий секрет, либо не желает унижать тебя на людях. Время для посвящения в секреты было неподходящее. Так что Сурэноха шла за Валеном с опаской. Когда дверь его покоев закрылась за ними, он, первым делом, снова изучил пострадавшую руку. Покачал головой, с глубоко разочарованным видом:

— Скажи, младшая, как ты ухитрилась пропустить удар, несмотря на всё преимущество в скорости? Как можно посреди боя забыть, что у тебя, вообще-то, есть предвидение? А что будешь делать, когда столкнёшься с противником похитрее?

Сурэноха посмотрела ему в глаза с очень честным видом:

— Ах, господин учитель, я просто вдруг подумала – мы же хотим свести Вейрану и Бальтоса, чтоб и клан не обидеть, и вражды большой секты не навлекать. Плохо было бы, если б я просто избила жениха! Вдруг бы Вейрана подумала, что он слабак? Вот и я пропустила…

Она осеклась, увидев, как Вален нахмурился и погрозил ей пальцем:

— Ученица, если ты освоила начальную стадию внутреннего единства, это ещё не значит, что ты научилась врать достаточно хорошо, чтобы обмануть меня.

Сурэноха опустила глаза, уставилась в пол. Секунду набиралась смелости, прежде чем сказать:

— Господин учитель, вас вправду не обманешь. Я просто не хотела бросать меч, который вы подарили. Я думала, вот-вот уже его выдерну из панциря. Но ведь всё получилось как лучше, правда?

Вален нахмурился ещё сильнее:

— "Как лучше"? Ты потеряла контроль над схваткой, пусть и на миг. Ты получила ранение. А это значит – была на волосок от смерти! Ты посеяла сомнения в безусловном превосходстве Секты Добродетельного Демона, да ещё и попыталась мне соврать. По мне, в этом нет ничего хорошего.

Сурэноха уже выглядела так, будто сейчас расплачется. Учитывая, что по росту и ширине плеч она мало уступала Валену, это смотрелось почти комично. А всё же Валену потребовалось усилие воли, чтобы преодолеть порыв её утешить и сохранить суровое молчание:

Наконец, она моргнула пару раз и поглядела ему в лицо:

— Младшая вправду виновата, господин учитель. Я… Ох, я приму моё заслуженное наказание.

— Посиди и помедитируй над тем, почему оно заслужено. И над тем, почему практики не позволяют врагам бить себя, если хотят жить долго. Продолжай, пока я не скажу.

*****

Вейраоль вернулся в свои покои лишь под вечер. И чувства он испытывал смешанные. Вроде бы, та причина его нежелания выдавать сестру за Бальтоса, которую он полагал главной

в собственных мыслях, была устранена. Ему теперь обещана более чем достойная компенсация за потерю одной из горстки оставшихся в клане талантливых практиков. Волшебные сокровища, нужные материалы и пилюли, близкий союз с Сектой Весенней Бури, включая обмен учениками. Если Бальтос уговорит своего дядю-старейшину на такие условия, это проложит путь к возрождению клана. Возможно, даже путь к избавлению от зависимости, в которой он сейчас оказался.

Так почему же он чувствует себя настолько погано? Ну не потому же, что его обвели вокруг пальца? Ему не привыкать к унижениям.

От попыток найти ответы на эти вопросы, Вейраоля отвлекло осознание, что в покоях он не один. Что у стены сидит, скрестив ноги, змееглазый ученик Старейшины Добродетельного Демона.

Как ни странно, молодой глава клана нисколько не испугался. Учитывая разницу в цветах, если бы его хотели убить, он уже был бы убит. Если бы его хотели оглушить, он уже был бы оглушён.

— Что так скромно сидишь в уголке, уважаемый? Мог бы уж прямо разлечься на моей постели, или хотя бы на моём кресле.

Наттар встал и отвесил лёгкий поклон:

— Извини за дерзость. Просто хотел сказать тебе кое-что. У нашего старейшины… нуууу, в общем, сложно у него с сестрой. А вот у меня их целых три, правда. Эх, давно мы не видались… Тааак я вот подумал: если б мне их пришлось воспитывать без родителей, да ещё как практиков учить, я бы тоже не хотел с ними так просто расставаться. Но не держать же их при себе служанками до скончания веков! Так что ты бы радовался тому, как старший Добродетельный Демон для тебя всё ловко устроил.

— О, благодарю за наставление. Может быть, у старшего припасена для меня ещё какая-то житейская мудрость?

— Хмммм, да, есть, пожалуй, ещё одна небольшая мудрость. Знаешь, нашего старейшину некоторые считают добрым и мягким человеком. Но я служу ему с ученичества, так что поверь мне: никаким он местом не мягкий. С тех пор, как он сделался старейшиной секты, ещё никому не удалось и дорогу ему перейти, и голову сохранить. Людей с гуаями он насквозь видит. Тебе ведь Бальтос рассказал уже, что никто с ним не сговаривался? Старейшина Добродетельный Демон просто почуял в чём у вас с сестрой дело, при первой же встрече. Тааааак что вот тебе эта самая мудрость: если вдруг мелькнёт мысль ударить его в спину, или обмануть, так лучше сам к нему приди и повинись. А если злость сейчас мучит – просто скажи мне, я тебя потренирую немного, погоняю так, что вся дурь с потом выйдет.

К тому времени, как Наттар закончил говорить, пушистый хвост Вейраоля так и подёргивался от бурных чувств:

— Значит, обманывать других только ему самому позволено?

— Эээээ, где же тут обман? Старейшина, если хочешь знать, честно сделал бы всё потвоему, если б Вейрана не бросилась к Бальтосу. Если б оказалось, что она просто увлеклась первым же попавшимся видным практиком. А раз уж она вправду любит, тооо сам понимаешь – какие бы планы ты с её браком ни строил, она их расстроит, просто назло. Практик, всётаки, не смертная наложница

— Где любовь и прочие женские капризы, а где дела клана! — воскликнул Вейраоль. Потом выдохнул, покачал головой. — «Потренирую немного», говоришь, старший? Как насчёт начать завтра?

*****

— Ты его не запугивал напрямую? — поинтересовался Вален, когда Наттар сообщил ему о результатах разговора.

— Да нееет, что ты, брат, — с невинным видом пожал плечами молодой гуай. — Так, почесал языком, поделился опытом.

Вален посмотрел на него без выражения, потом кивнул:

— Ну и отлично. Если я правильно оценил положение Бальтоса в Секте Весенней Бури, как восходящей звезды и любимого племянника правящего сектой дяди – ему будет под силу выполнить свои обещания. Вейраоль, я полагаю, искренне желает счастья сестре, просто думает, что сами женщины своего счастья не знают. Когда её замужество окажется удачным, он перестанет питать к нам злобу. В результате клан Фориат будет полностью у нас в руках, а Секта Весенней Бури сделается союзником. И всё это, заметь, без кровопролития.

— Стаааарший, ты сказал «без кровопролития» прям с гордостью. Я так скоро начну верить сестре Люме, когда она говорит про твою чрезмерную доброту.

Вален скрестил руки на груди:

— Причём тут вообще доброта? Я просто увидел прекрасную возможность получить доступ к большой телепортационной формации, не влезая в бесконечную цепочку распрей. Распрей, которые мы себе позволить не можем, потому, что на Срединных Островах мы чужаки взявшиеся неизвестно откуда. Если мы начнём действовать грубой силой, то каждый наш успех будет создавать нам врага, а каждый уничтоженный враг – двух новых. Пока круги от камня, который мы бросили в этот омут, не дойдут до Храма Восточного Неба — и там во мне не узнают архидемона. Нет и не было тут ничего, кроме холодного расчёта.

— Ладно, ладно, понял. Значит, теперь формация Секты Добродетельного Демона связана с формацией клана Фориат, которая связана с формациями многих важных мест на Срединных Островах? И мы можем в один миг перелетать через полмира? Тааак?

— Так.

— И ты, старший, уже придумал, куда мы направимся дальше?

Вален улыбнулся:

— Само собой. Скоро ты увидишь, что такое настоящий великий город.

Глава 6. Город Башен.

— Мы показали себя в бою не так хорошо, как я надеялся, — заметил Вален на следующее утро, когда он и его спутники собрались за завтраком. — Один практик из заурядной секты, равный по цветам, может создать для любого среди нас опасные моменты. Значит, двое таких противников заставят биться не на жизнь, а на смерть, а трое непременно победят. К тому же, в сектах средней руки, которые контролируют один большой остров или несколько маленьких, обычно есть ещё и старейшина пяти цветов. Часто несколько. Поединок с практиком, превосходящим на цвет, будет очень рискованным. Если нет возможности напасть хотя бы вдвоём на одного – лучше не связываться.

Он отпил ещё чаю – по крайней мере, чай тут был вкуснее, чем в дикой прибрежной глуши – и обратился к Наттару:

— Насколько я мог увидеть, искусство оставления тела тебе пока не даётся.

«Оставление тела» здесь было образным, а не буквальным. Согласно описаниям, практик, сумевший его культивировать, обретал способность смотреть на самого себя и на своих противников, словно наблюдатель со стороны. Тело продолжало двигаться на чистых рефлексах, пользуясь всеми преимуществами обнуления мыслей – но разум оставался ясен и мог отдавать ему команды, как боевой кукле. Завершить культивацию оставления тела можно было лишь на внешнем единстве. И по силам это было немногим. Но тот, кто преуспевал, превращался в бойца, почти лишённого слабостей. Противники, обладавшие простым сердцем воина, вроде Валена, уже не могли с ним сравниться.

— Пока не даётся, — покачал головой Наттар.

Вален задумчиво глядел на него. Оставление тела было не только чрезвычайно полезным искусством. Оно, вероятно, содержало подсказки для раннего начала культивации души. Хотелось бы надеяться, что Наттар поймёт его и сможет передавать своё понимание другим. Ну а пока остаётся лишь ждать от него результатов.

Вален перевёл взгляд на свою ученицу:

— Как и у тебя, Сурэ, успехов в обнулении мыслей нет.

Тут Наттар счёл нужным возразить:

— Возможно, дело в моих наставлениях. Сложно учить тому, что едва постиг сам.

— Или в моих. Моё понимание боевых искусств недостаточно.

Услышав это, Сурэноха замерла, сидя так прямо, словно проглотила меч и не решаясь слова вымолвить.

— К каждой ученице нужен особый подход, — мягко заметила Люме. — Если, конечно, нас устраивают лишь исключительные результаты. Но ты, как обычно, ни на что меньшее не согласен, дорогой.

— Если кто-то может предложить такой особый подход, я всегда рад его выслушать, — ответил Вален.

Не дождавшись предложений, он продолжил:

— Пока можно считать, что Секта Добродетельного Демона примерно равна Секте Весенней Бури. Или иной средней секте. Если же секта поднялась на следующую ступень и у них есть хотя бы один старейшина шести цветов – в лучшем случае, у нас будут шансы защититься на своей территории. Да и то немного. Ну а великая секта, где имеются семицветные практики, раздавит нас как перезрелый персик, если наша покровительница не сочтёт нужным вмешаться. Вот потому-то нам и надо продолжать накопление сил втихую, под покровом тайны.

— Хорошо вам, младшие, — Вален поглядел на Сурэноху с Наттаром. — Для вас «накопление сил» означает личное совершенствование. И ничего больше.

Это было так. А вот им, с Люме, требовались инструменты. Требовались ресурсы – редкие материалы и алхимические компоненты. Ресурсы, которые контролировались различными сектами, школами и кланами. В их распоряжении теперь находилась сокровищница древней Секты Преобразования Пяти Элементов. Плюс крохи, которые Вален скопил или награбил раньше. В итоге получалось около сорока тысяч духовных нефритов на руках. Эта сумма увеличится, пожалуй, до шестидесяти, если удачно продать всё ненужное.

Огромное богатство с точки зрения рядового практика. Но Вален уже давно подозревал, что с точки зрения старейшины секты, который хочет, чтобы его секта всерьёз занималась алхимией и зачарованием, это негусто. А побывав в клане Фориат и ознакомившись с ценами на некоторые вещи, убедился в этом окончательно. Набор качественных инструментов для Люме, нужные ей редкие материалы, ингредиенты для ключевых пилюль четвёртого и пятого ранга… Уже это с лёгкостью может сожрать полсотни тысяч нефритовых пластин.

Более того, подтвердилось и другое его подозрение: действительно ценные сокровища и материалы нельзя было купить, попросту вывалив гору нефрита. Которой у него всё равно не было. В лучшем случае потребуется ещё пропуск на аукцион для почтенных людей и гуаев. Такой пропуск не выдаётся без серьёзной проверки. Да, можно рискнуть, отправить за покупками доверенное… условно-доверенное лицо, того же Вейраоля. И понадеяться, что никого особенно не заинтересует происхождение его денег.

Но это лучший случай. А действительно ценные товары – это случай худший. Их просто не продадут за одни лишь деньги! Только через обмен на нечто столь же ценное, либо как часть политического соглашения. Обменивать им нечего, а при попытке влезть в серьёзную политику их очень быстро опознают.

И алхимическая печь такого качества, которое устроило бы Валена, печь достойная его умений, определённо попадала в категорию «действительно ценных товаров».

Удовлетвориться адекватной-но-не-лучшей печью? Это сильно задержит его. Возможно, на годы. А время идёт. У него остаётся лишь четырнадцать с небольшим лет, срок ничтожный. В составленных им планах самосовершенствования многое зависит от выплавки определённых пилюль. Причём эти пилюли должны быть высшего качества. Если это окажется невозможным, его планы будут отброшены на годы назад!

— Да, — повторил Вален. — Хорошо вам, младшие.

Впрочем, надо смотреть на вещи позитивно. Он успешно сделал огромный шаг к достижению своих целей. А что до следующего шага… Сперва проведём разведку, а там уже будет видно, оказалась ли перед ним непреодолимая стена – или очередная ступень.

— Ну, да не важно. Готовьтесь. Завтра мы отправляемся в великий город Раушрам.

*****

Древний Раушрам был полон жизни – бурлящей, хаотичной жизни. Тот, кто приравнивал древность к дряхлости оказался бы крайне удивлён, посетив его.

Раушрам звали Городом Башен. Башен в нём действительно было без счёта: островерхие и с вершинами, срезанными под площадки для летающих колесниц и лодок; бронзовые и стеклянные, в которых полуденное солнце зажигало странные, невиданные цвета; башни-деревья с кронами из живой листвы и башни-свечи, над которыми мерцало и трепетало вечное пламя. Большинство стояло прямо и гордо, другие клонились друг к другу под пугающими углами; одна, белоснежно-белая спираль, и вовсе не касалась земли — висела в воздухе, привязанная к небу невидимыми нитями формаций, и медленно вращалась вокруг своей оси.

Да, башни попадались в Раушраме на каждом шагу, а вот стены не было вовсе. Город стоял на неровном холме из тёмных каменных плит, которые когда-то, наверное, высились ярусами, а сейчас превратились в почти бесформенную, источенную туннелями и шахтами массу. Но самые нижние плиты, столь огромные, что слон показался бы маленьким на их фоне, не

то обветренные на протяжении тысячелетий, не то оплавленные когда-то чудовищным жаром, всё ещё поднимались метров на пять над равниной. Зачем тут стена?

Жители Раушрама говорили, что камень, на котором выстроен город, помнит забытые людьми и гуями эпохи. Что его сложили в незапамятные времена Двенадцать Прародителей. Что он пережил все три Опустошения. Хвастали, наверное. Правды не знал никто.

Впрочем, сразу после выхода на улицу из здания, где помещалась телепортационная формация, Валена и его спутников поразил не столько город, сколько его жители.

Люди, гуаи всех мастей — мохнатые, пернатые, чешуйчатые, панцирные. Простые носильщики, разодетые в цветастые шелка. Практики, идущие по своим делам, выставляя ауры напоказ: здесь два цвета духовного ядра встречались на каждом шагу, а три — не были диковинкой. На уши, привыкшие к молчаливому покою сект и тишине дикой природы, давил гул множества голосов, болтающих, спорящих, расхваливающих товары. Воздух был пропитан бесчисленными оттенками запахов, от духов и специй до гнили.

Сурэноха просто застыла в изумлении, не успев сделать и десятка шагов. Она выросла в местах, где один цветной пояс считался сокровищем, а пять человек – толпой. Увиденное ею с тех пор не подготовило её к месту, где шелка, драгоценности и фарфоровые флаконы с пилюлями развешаны в витринах лавок, как вяленая рыба. Где люди и гуаи многочисленны, как муравьи. Но, в отличие от муравьёв, совершенно не похожи друг на друга. Вот мимо протопал получеловек-полуносорог в шёлках, унизанных жемчугом размером с орех. Вот её голову чуть не зацепила крыльями гуай-сова, летящая по своим делам в птичьей форме.

Наттар тоже глазел по сторонам – не от изумления, а просто потому, что не считал нужным скрывать любопытство.

Да и Люме с Наттаром, хоть и вели себя с достоинством, а всё же приглядывались к окружающим их чудесам: вот лавка, где светящаяся формация взвешивает товар без весов; вот над площадью, не касаясь земли, плывёт квадратное здание склада, и практик направляет его, помахивая волшебным жезлом.

Раушрам, древний, чудесный — и при этом до невозможного деловитый.

— Ну что ж, — произнёс, наконец, Вален. — Одно я могу сказать точно: ненужного внимания мы здесь не привлечём. И отлично. Остаётся лишь привлечь внимание нужное.

Глава 7. Странные встречи.

Королева Мёртвых Хель глядела в зеркало с недовольством, вызванным двумя причинами.

Во-первых, зеркало было листом полированного серебра, пусть и зачарованного серебра. Отражение в нём было не идеально чётким. Всё же, странно: говорящее зверьё Нотеры достигло несомненного прогресса в духовных искусствах, придумало массу волшебных способов улучшения жизни, но когда речь шла про обычные вещи, оставалось крайне консервативным. До сих пор пользовалось мечами, причём той же формы, что и тысячи лет назад. И зеркалами из полированного металла, хотя им давно уже были известны стеклянные.

Ну да чёрт с ними и их странностями. Куда сильнее Королеву Мёртвых раздражало тело, которое отражалось в зеркале. Слишком худое, с узким лицом и узкими бёдрами. Достаточно лишь потянуться – и ясно видны рёбра. Грудь, как у малолетки. Кукольное лицо классической красавицы. Убожество. Неудивительно, что прежнюю его хозяйку родня мужа довела до самоубийства – жалкая была женщина.

Пришлось напомнить себе, что какое угодно тело лучше пребывания в Преддверии Перерождений. Да и меридианы у этого не так уж плохи. Культивация продвигалась довольно быстро. Можно рассчитывать достигнуть пяти цветов за год и шести – за два-три. Путь к этим вершинам она знала прекрасно, потому и проходить его заново было несложно, если тело хоть на что-то годилось.

А до семи цветов ещё никто из Тринадцати подняться не смог. Кроме, возможно, отступника Тифона, да и то вряд ли. То ли методы культивации зверья вообще плохо подходили их природе. То ли проблема состояла конкретно в прорыве с постижения пределов. Три с половиной тысячи лет назад их власть пала во второй раз не из-за какой-то там порочности или взаимной вражды, а просто потому, что у мятежников появилось сразу трое практиков семи цветов. Во всяком случае, таково было мнение Королевы Мёртвых.

Она подняла длинный, тонкий палец, почти коснувшись зеркала ногтем. Серебряная поверхность потемнела, когда её коснулся незримый вихрь некротической энергии. Да, личные техники Тринадцати чрезвычайно сильны и необычны. Но если бы не талант Премудрого Анубиса к изобретению новых техник, она, Хель, уже вернулась бы в заточение. И даже Побег Души не даст им решительного преимущества. И Премудрый, и Неназываемый Повелитель в один голос утверждали, что Побег Души не идеален, что к нему можно найти противоядие.

Нет, наилучший их шанс восстановить господство, утраченное тысячелетия назад, стать правителями чужого мира в третий раз и уже навсегда – это замысел Неназываемого. Да, если честно, правителем станет он, а остальные Повелители Душ – слугами. Но кто знает, как дело обернётся потом, когда он оставит ледяную бездну и снизойдёт в мир, впервые за эпохи станет уязвимым…

Бесшумный сигнал прозвучал в её голове, сообщая о появлении постороннего. Да не просто о появлении – кто-то воспользовался телепортационным кругом в её убежище. Может Неназываемый и сделал вид, что она достаточно наказана, но его нерасположение продолжало висеть над ней тёмной тучей. Благодаря этому, её секреты стали известны другим Повелителям Душ.

Она едва успела накинуть мягкий халат и выйти в приёмную, прежде, чем там появился тот, кого она и ожидала.

Анубис был отвратителен, как обычно, с его полузвериной формой и наглым оскалом. Нет, даже больше обычного – он всем своим видом выражал счастье, казавшееся сейчас насмешкой.

— Я не помешал?

— Никоим образом. Чем обязана нежданным визитом?

— Что, на этот раз никаких любезностей? Даже чаю не прикажешь налить? Ладно, к делу. Судя по твоему усталому и недовольному виду, ты ещё не забыла неприятностей, которые причинил тебе самим твоим существованием бывший «неизвестный четырнадцатый», он же Вален Вен.

— Если сказал «к делу», то не играй тут в Наставника Очевидность.

— Хехе, ладно, ладно, — оскал на волчьей морде стал ещё шире. — Я подумал о том, что, возможно, ты не отказалась бы близко пообщаться с ним.

— Мало ли от чего я не отказалась бы! Он под защитой Досточтимой. К тому же, наверняка сейчас закопался и спрятался. Моё тело слабо, почти все мертвецы, которых я копила десять лет, уничтожены. Что я могу сделать?

— В твоих рассуждениях есть ошибочка. Судя по его психологическому профилю из прошлой жизни и тому, что он уже успел натворить в этой… Не такой это человек, чтобы прятаться в тайной пещере и там культивировать, годами созерцая свой пупок. Я думаю, очень скоро он отправится за приключениями. Возможно, уже отправился. И даже Тысяча Уловок вряд ли сможет стоять у него за спиной, куда бы он ни пошёл. Шансы изловить его есть… но найти его под силу лишь той, кто командует армией шпионов. Да, ты потратила своих мертвецов… но набрать новых будет не так сложно, если они нужны для сбора информации, а не сражения. К тому же, на твоих ниточках пляшут несколько тёмных сект. А вот у меня, увы, рабов мало. Слишком я занят удовлетворением моего любопытства, как исследователя.

Хель фыркнула:

— Ну, положим, я смогу его найти, хотя это будет зависеть больше от удачи. А ты его захватишь, прямо под носом у Досточтимой. Но зачем тебе всё это нужно.

— Зачем? — Повелитель Душ сложил пальцы домиком. — Странный вопрос. Конечно ради удовлетворения моего любопытства, как исследователя.

*****

Клан Фориат даже в лучшие времена был слишком незначителен, чтобы владеть собственным особняком в Раушраме. Вместо этого, они платили небольшую сумму Школе Безликих, поддерживающей порядок в древнем городе, за право пользоваться одним из кругов их телепортационной формации.

При появлении в городе они представились практикам из числа Безликих, караулящим телепортационный круг. Строгой проверки личности приезжих Безликие не проводили — слишком много хлопот и помех для торговли. Просто записывали имена и то, откуда те прибыли – за серьёзные преступления отвечать будут не только они сами, но и практики, которые позволили им попасть в город.

Вален назвался Лотреком, дальним родичем и другом Вейраоля Фориата, практиком трёх цветов. Раскрывать свою полную силу было глупо, но и занижать её слишком сильно – нежелательно. Он не искал приключений на свою голову, а компания слабых практиков с большими деньгами в своих пространственных кольцах рисковала их найти. Три цвета – в самый раз. Слишком мало, чтобы немедленно привлечь внимание правителей города, слишком много, чтобы показаться лёгкой добычей. Вален и его спутники получили, на время пребывания в Раушраме, по нефритовому медальону, указывающему их имена и то, что они прибыли сюда как честные люди и гуаи. Вален, конечно, заподозрил, что в медальонах есть и функция слежки. Но Люме быстро исследовала узоры внутри и заявила, что ничего подобного в них нет. Ну, или над ними работал какой-то мастер уровнем повыше Наставника Оритилла, способный её обмануть – весьма сомнительное предположение.

Они устроились в гостинице, показавшейся им местом для состоятельных, но не желающих сорить деньгами напоказ, торговцев. Возможно, стоило поискать место поскромнее. Такая гостиница, как раз годящаяся для молодых талантов и восходящих звёзд мира культивации,

может быть под постоянным наблюдением. Но и попытки забраться в дыру, явно не соответствующую статусу, тоже привлекут внимание. Лучше не выделываться… то есть, не выделяться.

Первые четыре дня прошли не то чтобы спокойно, а ровно так, как предполагалось: Вален и компания вставали поутру, завтракали и приступали к обходу торговцев интересующими их товарами. Наттар отправлялся с Люме, играя роль её телохранителя, а Сурэноха хвостиком ходила за Валеном. Вечером они встречались за ужином, измотанные торговлей или неустанной бдительностью, обсуждали, что уже приобретено, и что ещё надо приобрести. Запасы духовного нефрита таяли, запасы ингредиентов пополнялись. Будь у Валена лишний месяц, чтобы изучить состояние рынка, он смог бы покупать нужное дешевле и продавать ненужное дороже…Но месяца у него не было. Ему в голову приходили различные схемы быстрого обогащения – но он отметал их как слишком ненадёжные и рискованные.

Так что сбывался его первоначальный прогноз: они смогут приобрести всё необходимое, кроме качественной алхимической печи. Люме видела, что Вален мрачнеет с каждым днём, знала, что он собирается отказаться от того, что нужно именно ему и торговалась всё яростнее.

Вот как сейчас — в «Корнях Тишины», торговом доме, специализирующемся на ядах и ядовитых ингредиентах.

— Шестьдесят духовных нефритов за эссенцию новолунного цветка? Вам, почтенный, стоило бы податься в грабители!

Однако Люме уже завершила и формирование чувств, и внутреннее единство. Как бы бурно она ни спорила с хозяином, она не забывала следить за происходящим вокруг. И сразу заметила, как скучающая маска безразличия на лице Наттара сменилась напряжённой маской безразличия. И как он вдруг уставился куда-то за окно.

— Что такое, младший?

— Не знаю… Думаю, ничего. Показалось, увидел знакомую морду снаружи, но как такое…

— И чего ты ждёшь? Выйди на улицу и убедись, обознался ты или нет.

Уговаривать Наттара не пришлось. В один миг он подбежал к двери. Но вернулся быстро:

— Нееееет, никого там не видно. Обознался. Да и то сказать, откуда ему здесь взяться?..

Люме уже успела возобновить обсуждение цен на эссенцию новолунного цветка и не стала его расспрашивать.

Следующее необычное происшествие случилось вечером. Вален и компания как раз сидели за ужином, доедая пельмени с четырьмя видами начинки, когда молодая служанка постучала в дверь его комнат, многозначительно подмигнула Наттару, а потом сообщила, что к уважаемым гостям пришёл какой-то странный человек, не понять даже – смертный или практик.

— Пришёл, так впускай, — пожал плечами Вален. — Не знаю, кто это может быть такой, но какой вред от того, чтобы узнать?

Потом у Валена несколько раз возникала мысль, что он это сказал не подумав.

Глава 8. «С кем это я связался?»

Человек, стоявший на пороге, был практиком, это Вален, способный видеть меридианы и циркуляцию, мог сказать безошибочно. Ключевое слово здесь – «был». Когда-то его стати завидовали многие, но сейчас плечи его сгорбились, спина согнулась, кожа стала бледной и землистой, коричневые глаза помутнели, веки набрякли, под ними залегли тени, рядом появились морщинки, в тёмных волосах – первая седина, на руках, с аккуратно подстриженными ногтями, выступили синие вены. Дышал он тяжело, с присвистом, каждый вдох давался ему с заметным усилием, а движения его были скованы, словно неосторожный жест мог причинить боль.

Практики даже те, кто не вышел за смертный предел в два цвета, выглядели так лишь в последние месяцы жизни. Всё же, их тела проходили полноценную закалку. Даже те, кто из эстетических соображений позволял возрасту отразиться на своём лице, сохраняли железное здоровье почти до конца. Служанка не усомнилась бы в том, что перед ней простой старик, если б не его одежда: длиннополая куртка из драгоценного ярко-синего шёлка, расшитый серебром пояс на котором висел короткий меч, блестящие кольца на пальцах. Куртка и широкие штаны были дорогими, чистыми и тщательно выглаженными, но потёртыми.

Вален же видел, что этот человек достиг трёх цветов – вот только на стадии внутреннего единства что-то пошло с ним не так, катастрофически не так. И жить ему оставалось недолго – несколько лет, если повезёт.

В Секте Шести Печатей смерти от ошибок и несчастных случаев при культивации были скорее исключением, чем правилом. Пока что и Секте Добродетельного Демона удавалось их избегать, во многом потому, что Вален просто скопировал методы Секты Шести Печатей. Но щадящими методами пользовались далеко не везде. Кантос пару раз говорил, что сама культивация убивает больше практикующих её людей и гуаев, чем любые сражения.

Войдя внутрь, человек глубоко поклонился, что стоило ему усилия:

— Приветствую многоуважаемых и просвещённых господ. Вы ведь господин Лотрек, не так ли? Моё имя – Изарит, Изарит Фориат, из раушрамских Фориатов, вы, может быть, слышали, побочная ветвь клана. Мне давеча сказали, что четыре дня назад некие практики прибыли в город, воспользовавшись телепортационным кругом основного клана, моё почтение старшим родичам. И когда сказали, я поспешил найти вас, чтобы пригласить в наш скромный дом. Я понимаю, что вряд ли смогу принять вас достойным вашего уровня самосовершенствования образом, но мне всё же хотелось бы выказать уважение клану…

— …и связать нас обязательствами гостеприимства, так что нам придётся выполнить некую просьбу в ответ, — оборвал Вален. Его начал раздражать этот человек, с его угодливой манерой речи и кислым запахом изо рта, который он безуспешно пытался перебить полосканиями. — Мы друзья клана Фориат, говори свою просьбу прямо сейчас, не отнимай у нас времени зря. И, кстати, садись, угощайся.

Изарит осторожно сел, когда Наттар подал ему низкий стульчик. Но не придвинулся к столу, не говоря уж о том, чтобы угощаться.

— Боюсь, господа, что просьба моя очень заурядная и банальная. Когда-то я надеялся сделать нашу ветвь клана поддержкой и опорой для основной ветви, ради этого усердно совершенствовался, и достиг трёх цветов. Но вы, без сомнения, уже догадались: Вечное Небо не было ко мне милосердно, а мои собственные скромные таланты оказались не соответствующими моим стремлениям. Мои меридианы подверглись разложению, и моё тело превратилось в развалину, которую вы видите перед собой. Но я никак не посмел бы беспокоить вас своими жалобами, если б этим всё и ограничивалось…

— Дай, угадаю, — сказал Вален. — Ты набрал долгов в надежде на прорыв к стадии внешнего единства. Древний Раушрам стоит на благословенной земле, но бесчисленные формации множества башен распределяют между собой почти весь поток энергии земли и небес. Тем, кому не хватает денег и положения, остаётся немногим больше, чем обитателям обычного города. Чтобы достигнуть четырёх цветов, требовались дорогие пилюли. И сейчас тебе нечем возвращать долг.

Изарит почтительно склонил голову:

— Многоуважаемый господин чрезвычайно проницателен. Но прошу вас, войдите в моё положение. Мои дочери от первой жены давно вышли замуж, их семьи не так уж богаты. Как я могу просить их обездолить собственных детей ради отца? Мой Кериан, мой единственный сын от младшей жены, талантлив от природы, но ещё слишком мал. Кто может мне помочь? Вся надежда оставалась лишь на дальнюю родню, а у меня не было денег даже чтобы подать им весть.

— Рассказывай по порядку, — потребовал Вален. — Хочу знать, как ваша ветвь дошла до жизни такой.

Рассказ мало что дал Валену.

—…поймите, я бы выкрутился, уговорил бы часть заимодавцев подождать, потихоньку расплатился бы, у меня ещё есть время до могилы и силы. Но вышло так, что мои долги скупил ростовщик Сейрос. Только просроченных у него накопилось на две тысячи пластин духовного нефрита. Что я могу поделать с таким гуаем?

Вален пожал плечами:

— Вероятно, ничего. Но причём здесь мы?

За время разговора с Изаритом он так и этак крутил ситуацию в голове. Но как ни поверни – выходило, что калека бесполезен. На жизнь он зарабатывал торговлей — не слишком успешно. Никакими иными навыками, которые можно было бы использовать, несмотря на отказывающее тело, не владел. Даже основной ветви клана Фориат побочная сейчас стала настолько безразлична, что Вейраоль едва упомянул о её существовании.

— Многоуважаемый и просвещённый господин, — Изарит весь вздрогнул, — поймите, Сейрос не просто хочет отобрать у нас крышу над головой. Он сказал, что готов простить долг, если я отдам ему сына.

— Эээээ, а в Раушраме что, позволено так вот продавать детей в рабство? — поинтересовался Наттар.

Люме вздохнула:

— Ты же сам должен знать, как это работает. Продавать-то, может, и запрещено. А вот отдавать детей в долговую кабалу, считай, на всю жизнь… Или в ученики, в приёмные сыновья даже, если сын очень талантлив. Название покрасивее, а вот суть быть оказаться похожей.

— Вот оно как… — Наттар кивнул.

А Изарит взмолился:

— Многоуважаемый и просвещённый господин! Репутация у ростовщика Сейроса самая зловещая. Я скорее потеряю дом и отдам последнюю одежду, чем отправлю к нему моего мальчика. Но какие в Раушраме права у нищих? Если мы лишимся всего, он скоро…

— Я повторюсь, — Вален злился всё больше и больше. — Причём тут мы? Уважаемый, я сочувствую вашему горю. Но вы нам не родич, не друг и не союзник. В главном клане с трудом помнят, что вы ещё существуете. Я не думаю, что Вейраоль Фориат обрадуется, если я начну раскидываться духовными нефритами от его имени. Скажем прямо, я уверен в обратном.

Говоря это, Вален украдкой следил за реакцией остальных. Впрочем, он теперь постоянно отслеживал реакции окружающих. Сейчас Сурэноха выглядела скучающей, Люме одобрительно кивнула при его словах, а Наттар внимательно слушал, не выражая никаких эмоций. Могли бы и сказать чего-нибудь, в конце концов!

Изарит сжал пальцы почти что в молитвенном жесте, но Вален решительно повёл рукой:

— Я могу сообщить о вашем положении Вейраолю, но не более. По-прежнему не желаете отведать нашего угощения? Ну тогда напомните, где живёте, на всякий случай и уходите.

*****

Изарит ковылял домой ещё медленнее, чем шёл к гостинице, где остановился Вален. Потому Наттар сумел догнать его вовремя и он не успел затеряться в лабиринте улиц – не пришлось ждать у дома.

— Молодому господину что-то угодно? — безжизненным голосом поинтересовался калека.

— Нууууу, да. Я, в общем, хотел попросить прощения за старшего брата Лотрека. Он добрый человек, просто у него есть два маааааленьких недостатка. С тех пор, как он стал старейшиной, он слишком беспокоится за нас и всю свою секту, слишком боится оторвать от своих кусок ради чужих, это первый. А второй в том, что уж очень он осторожен, потому как возвысился недавно. Собственной силы до конца не знает. Вот из-за этих недостатков он и не решился тебе помочь.

— Почтенный молодой господин очень проницателен. И должен понимать, что такие слова — слабое утешение для беспомощного отца.

— Верно! А если вот мы сейчас пойдём и я растолкую этому Сейросу, или как там его, что плохо душить долгами калек и детей – это тебя утешит?

Изарит вздрогнул, остановился, глядя Наттару в глаза:

— Вы что, думаете в великом Раушраме дела делаются так просто? Здесь вам не захолустье откуда вы вылезли, здесь долги не выплачивают кулаком!

— Воооот старший брат как раз и думает, что у вас всё сложно. Безликие, старейшины, то-сё. Иначе он бы сразу согласился тебе помочь. А я думаю, что и здесь можно делать дела кулаком. Потрясти им перед носом у кого надо, для начала. Я думаю, этот Сейрос пойдёт на попятный, едва сообразит, что ты теперь не случайный человек, а человек из клана, которому покровительствует могущественная секта.

— Погоди, — Изарит сделал шаг назад. — Так ты здесь не потому, что господин Лотрек послал тебя?

— Нууууу, да, а что? Если б я у него отпрашивался, то вышел бы долгий спор, а ты бы тем временем ушёл далеко. Не задавай глупых вопросов, старший. Если твоё положение на самом деле не отчаянное и сына спасать тебе не надо – то так и скажи. Не трать зря времени, мне ещё отсыпаться. А если всё же надо – то показывай, где там живёт ваш ростовщик.

*****

Ростовщик Сейрос жил в доме, сделанном из остатков давно разрушенной каменной башни, от которой осталось только два этажа. Не так престижно, как полноценная башня, но тоже признак богатого гуая. Дом, понятное дело, окружала охранная формация. Окна его были узкими, как бойницы, а дверь тяжёлой, железной.

— Погоди, — Изарит совсем выбился из сил по пути, но всё же заметил, что его юный спутник прикидывает, как бы ловчее попасть внутрь. — Я… ффух. Я, сейчас скажу, что пришёл согласиться на условия Сейроса. А ты при мне — свидетелем. Если спросят, отвечай, что ты племянник… племянник почтенного Грайта.

Дверь им открыла пара практиков. Ни размерами, ни оружием они особо не выделялись, но было в их лицах что-то неуловимое, от чего здравомыслящий человек или гуай предпочёл бы обойти их стороной. Наттар сказал бы, что у них взгляды существ, способных родную мать пустить на пилюли. Но они не заподозрили ничего неладного и после краткого спора провели визитёров внутрь. Аура Наттара не вызвала испуга, так как сейчас была ослаблена ещё больше, и соответствовала двум цветам.

Сейрос оказался невысоким, упитанным, круглолицым. Как и попадает жадине-богачу, у которого даже домашний халат расшит золотом. Антенны на лбу и тёмные, нечеловеческие глаза, словно две крупные бусины, выдавали в нём гуая-жука. На Срединных Островах предрассудки против гуаев-насекомых никогда не были так сильны, как на Перерождающемся Континенте. А Раушрам в особенности был городом, который ценил силу, ум и деньги, не особо интересуясь происхождением тех, кто обладал ими.

— Ты выдернул меня из постели, старик, — недовольно обратился он к Изариту. — И я очень надеюсь, что не зазря. Что тебе надоело упрямиться. Можешь не волноваться, ничего страшного с твоим котёнком не сделается.

— Значит, вот это и есть ростовщик, которому ты должен? — поинтересовался Наттар. Так непринуждённо, словно в приёмной и не было никого, кроме них с Изаритом.

— Как разговариваешь, при старших! — прорычал один из охранников. — Придержи язык.

Он схватил Наттара сзади за шею. Ну, попытался схватить. Сложно кого-то хватать, когда твоя кисть вдруг оказывается не то что вывернутой, а выкрученной как тряпка.

— Зря ты так, — покачал головой Наттар.

А дальше всё произошло настолько быстро, что искалеченный охранник не успел даже заорать. Изарит ещё сохранил большую часть чувств практика трёх цветов – но и он толком ничего не заметил. Словно незримый взрыв прокатился по комнате, охранники свалились без сознания, тяжёлый стол разлетелся щепками, с треском и звоном разбилась пара шкафчиков, а Сейрос вдруг оказался на одном колене. А Наттар позади него, заламывая руку ростовщика назад таким образом, что малейшее движение – и она выйдет из плеча. Отполированный паркет под их ногами пошёл трещинами и вздыбился от передающегося ему усилия – но вывернуться Сейрос не мог.

— Я-то пришёл сюда любезно попросить тебя дать почтенному Изариту отсрочку, — Сейрос попытался что-то выкрикнуть, но Наттар выкрутил его кисть ещё жестче, так что слова превратились в шипение сквозь зубы. — Лет на десять. Только плохие люди и гуаи пользуются чужим несчастьем, или пытаются отнять сына у отца. Я думаю, что плохих людей и гуаев надо убивать. Но боюсь, что старшие меня заругают, если я опять кого-нибудь пришибу. Таааак что… Может мы, того, притворимся, что случилось большое недоразумение? Что на самом деле ты хотел заручиться дружбой этого почтенного человека, сделать так, чтобы ему было легче расплатиться? Как думаешь?

Наттар немного ослабил хватку, давая Сейросу возможность ответить. А тот оскалился, как безумный:

— Мальчишка, ты хоть понимаешь, что творишь? С кем связался?

— Нууууу, я понимаю. Я понимаю, что если ты пойдёшь к Безликим, то сам же окажешься виноват. А то совсем озверел, оскорблять клан Фориат и покровительствующую ему Секту Добродетельного Демона. Мой старший брат – могущественный и богатый старейшина, а ты – жук подколодный, которому только простых смертных пугать. Да ещё кровопийца и чуть ли не торговец людьми. Что тут непонятного?

Говоря это, Наттар выкручивал руку Сейроса сильнее прежнего, для пущей назидательности. Потом, вдруг, задумался на пару секунд. И снова ослабил хватку:

— Кстати, а с кем это я связался?

Глава 9. Безумие или расчёт?

Наттар не сразу, но всё же задумался над тем, что ростовщик особо надавил на слова «с кем связался»? И решил уточнить.

Ростовщик Сейрос оскалился:

— Червяк, мой господин и учитель – это сам Могильный Музыкант.

Ростовщик ожидал, что эти слова изумят Наттара хотя бы на миг. И тем замедлят его реакцию. В его свободной руке вдруг появился предмет, похожий больше всего на засушенную чёрную пиявку. Миг — и стена позади него вдруг исчезла, словно огромная, круглая пасть, окружённая острыми зубами, вырвала из неё кусок от пола до потолка.

Смогла бы атака, даже не продырявившая внешнюю каменную стену бывшей башни, серьёзно повредить практику четырёх цветов – вопрос отдельный. В любом случае, она даже не коснулась Наттара: тот вовремя оттолкнулся от пола, взлетел в воздух, сделав пируэт над головой Сейроса и приземлился перед ним. Руку ростовщика он, при этом, не отпустил. Изарит дёрнулся всем телом и отступил на шаг, когда по комнате разнёсся отвратительный хруст. А Сейрос заорал не своим голосом, извиваясь на полу: его рука сломалась в таком количестве мест, что сразу и не сосчитаешь. Крики перебудили бы весь район – если б не его же собственная формация, благодаря которой никакие подозрительные звуки наружу из его жилища не просачивались.

— Что такое? — поморщился Наттар. — Это всего-то рука. Ты вообще практик, или кто? Да заткнись уже, кому сказано!

Сейрос и вправду замолчал, с трудом поднялся на колени, дрожа, сжимая зубы чуть ли не до треска.

— А теперь рассказывай, кто такой Могильный Музыкант. Хмммм. И зачем ты ополчился на почтенного Изарита тоже рассказывай. Что-то мне теперь кажется, ты это сделал не просто так. Даваааай, шевели языком, пока ещё чего-нибудь не выкрутил.

*****

Новый набор деревянных колец, изготовленных Люме, обладал куда большим набором свойств, чем старый. Во-первых, через вплетённые в них волосы она могла использовать не только Красную Нить Жизни, но и Кровавый Обмен. А во-вторых, теперь они не только указывали хозяевам направление друг на друга, но и передавали сигналы, незаметно для посторонних. Простые сигналы – короткие и длинные пульсации духовной энергии. Но, как научил Валена в своё время Кантос, этого вполне хватало для обмена важными сообщениями. Особенно когда сразу знаешь, от кого исходит сигнал.

Повторяющаяся серия из трёх длинных сигналов подряд была, возможно, самым важным сообщением из всех: «Мне нужна помощь!»

Вален уже начал засыпать, когда получил его от Наттара. Он резко сел на постели, проверил местоположение названного брата по кольцу. И, почему-то, не удивился, когда понял, что тот находится не в соседних покоях гостиницы, а на некотором расстоянии.

А вот Люме, принявшая сигналы одновременно с Валеном, удивилась:

— Ты его ни за чем не посылал? Нет? Тогда какого Зеффара?

— Есть у меня подозрение... Ладно, одевайся, скоро узнаем, во что младший вляпался.

*****

Летать ниже уровня крыш башен в Раушраме не полагалось, если ты не гуай-птица в пернатой форме. Зато Валену, Люме и Сурэнохе не было нужды примеряться к скорости ходьбы умирающего калеки. Так что не прошло и пяти минут, как они уже стояли в развороченной до неузнаваемости приёмной Сейроса. Слушая подробности о том, во что вляпался Наттар.

Когда Вален дослушал их, ему захотелось схватиться за голову. Вот только ситуация была неподходящая, чтобы тратить время на такие вещи.

— Наттар, я пока не буду спрашивать в подробностях, какое безумие привело тебя сюда. Мы ещё поговорим об этом всерьёз, но позже. Если останемся в живых. Уважаемые Изарит, не надо дрожать, на вас-то никакой вины нет.

Вален замолчал на секунду. Мозг его сейчас работал быстрее, чем когда бы то ни было. Взгляд его остановился на Сейросе, дрожавшем пуще прежнего:

— Дайте ему исцеляющую пилюлю. С его способностями он всё равно не угроза.

Ещё секунда напряжённых размышлений:

— Могильный Музыкант, — сказал он, словно подумал вслух. — Практик пяти цветов. Большая шишка. На пяти цветах ему мало равных, так?

Сейрос поспешно кивнул – и при этом чуть не подавился пилюлей, брошенной Наттаром.

— Живёт в поместье за пределами Раушрама. Занимается торговлей и зачарованием. Полгода назад начал вдруг интересоваться детьми, да не всякими, а обладающими определёнными качествами. Маленькие гуаи, только мальчики, только с теплокровными звериными природами, строго определённого возраста, с потенциалом меридианов не ниже девяти звёзд. Что и говорить, подобных детишек не наловишь на улице. Даже если такой родится в нищей семье, его возьмёт в ученики секта или усыновит клан, едва потенциал хоть кто-то заметит. Теперь понятно, почему они нацелились именно на твоего сына, Изарит. Судя по их подходу, речь тут идёт не об ученичестве. Какой бы пугающей ни была репутация практика, с такой культивацией и такими деньгами, как у Могильного Музыканта, набрать воспитанников несложно. Но если набирать их в открытую, то возникнут вопросы, если они вдруг перемрут или пропадут без следа.

Взгляд Валена стал жёстче прежнего:

— Для чего твоему учителю понадобились дети, за которых потом некому будет спросить, Сейрос?

Ростовщик яростно затряс головой:

— Не знаю! Понятия не имею!

— Правда? Звучит сомнительно.

— Клянусь всеми поколениями моих предков и Прародителями! Да подумайте сами: где я, а где учитель? С чего ему посвящать меня в свои замыслы?

Вален медленно кивнул:

— И то верно. Сын уважаемого Изарита – это первый ребёнок, которого вы нашли?

— Да!

Поспешность ответа Сейроса чуть изменилась на этот раз. Он выпалил это «да», словно вдвое сильнее прежнего боялся промедлить.

— Не верю. Наттар, его рука исцеляется слишком быстро, переломай её получше.

— Погодите! Да, был уже один мальчишка раньше! Может и больше – я не единственный, кто работает на Могильного Музыканта! Он многих держит в кулаке, четверть, нет, треть нашего брата под ним ходит. С ним из кого угодно можно выколотить долг! Он не грозит зазря. Да ещё он торгует редкими материалами для сокровищ, многие ему обязаны! Никогда не убивает своими руками, в доле со всеми, с кем надо. В общем, к нему не подкопаться. Во Раушраме не наберётся и дюжины практиков могущественнее его!

Сейрос зло зыркнул на Валена, но не стал прямо добавлять нечто вроде: «Так что теперь вам крышка, деревенщины, едва новости дойдут до учителя».

— Понятно, — невозмутимо кивнул Вален. Он снова погрузился в размышления на пару секунд.

И этого времени Наттару хватило:

— Ээээй, Сейрос, есть ещё вопрос. Как ты связываешься со своим учителем, если тебе нужно срочно его посетить? Например, чтобы доставить ему очередного ребёнка?

Секунду в разгромленном помещении царило молчание. Затем Сейрос с Изаритом осознали смысл слов Наттара и выкрикнули почти одновременно:

— Ты совсем рехнулся?

— Многоуважаемый господин, мой сын…

Вален не обратил внимания на слова Сейроса, а Изарита прервал, поведя ладонью по воздуху:

— Уважаемый, мой младший брат, конечно, подумал о том, чтобы подобраться к Могильному Музыканту под прикрытием доставки ему ценного приза. Подобраться и убить его.

— Агааа, — радостно подтвердил Наттар.

— И, если говорить начистоту, ни за жизнь вашего сына, ни за вашу собственную никто теперь не даст даже дырявой бронзовой монеты, если только мы вас не спасём.

— Погоди, — нахмурилась Люме. — Ну ладно, Наттар. У него соображения немногим больше, чем у обычного аспида, которому наступили на хвост. Но не говори мне, что ты, мой почтенный супруг, хотя бы на секунду задумался о том, чтобы ввязаться в драку с местным старейшиной, вместо того, чтобы уносить хвост из Раушрама. Мы можем запросто прихватить этого калеку и его семью с собой в основной клан, если уж вы решили поиграть в героев. Неужто кто-то здесь вправду рехнулся? Или я чего-то не понимаю?

Вален не стал отвечать ей сразу. Поглядел на неё, на Наттара, на Сурэноху, которая молчала, но слушала теперь внимательно. Снова перевёл взгляд на Сейроса:

— Слушай меня очень внимательно, мразь. Если я сейчас решу уходить из города, то убью всех в этом доме. Чем позже Безликие начнут выяснять, что здесь случилось, тем лучше. К тому же, ты и твои подручные это заслужили. А если я решу остаться, и ты попытаешься хоть в чём-то меня обмануть, то я тебя не просто убью. Ты у меня перед смертью поймёшь, что брат Наттар – он у нас ещё добрый. Ты только на формировании воли, любую твою ложь я сразу замечу. Всё понял?

— Да понял я, понял! Многоува…

— Тогда слушай мой вопрос, — оборвал его Вален. — Предположим, ты сидишь пленником в своём доме. Один из нас постоянно тебя караулит и разговаривать тебе с кем-то позволено лишь через дверь. Сколько дней ты сможешь убеждать людей и гуаев, что с тобой всё в порядке. Сколько дней пройдёт, прежде чем твоё поведение найдут подозрительным?

По круглому лицу Сейроса градом катился пот. Он пару раз открывал рот и тут же закрывал его, как рыба. Наконец, сказал:

— Дня два точно. Скорее, больше. Но за два дня поручусь, точно поручусь. Скажу, что съел не ту пилюлю и болен, если вдруг кто придёт. А встреч ни с кем до третьего дня не назначено.

Вален задумчиво потёр подбородок, повернулся к Люме:

— По-твоему, он говорит правду?

Люме фыркнула, хвост её хлестнул из стороны в сторону:

— Да. И ты за эти два дня надеешься выяснить, есть ли у нас шансы пристукнуть Могильного Музыканта? А о том, что нам эта битва нужна, как лисе пятая нога, ты подумал, безумный ты мой?

— Ты угадала моё намерение. Но в одном ты ошибаешься. Холодный расчёт показывает, что эта битва нам может быть очень полезна. Если мы сбежим сейчас, прихватив с собой всю местную ветвь клана Фориат, мы приобретём довольно опасного врага. Думаю, Могильный Музыкант догадается, кто убил его слуг. Вполне возможно, что ваш сын, уважаемый Изарит, ему нужен позарез. Настолько, что он нанесёт визит Вейраолю. А мы не можем постоянно караулить резиденцию клана.

Вален развёл руками:

— А главное, если этот жук сейчас нам не соврал, Могильный Музыкант в грязи тёмного пути замазан по самую макушку. Да, я знаю, что могущественные старейшины Раушрама об этом наверняка знают. Но если мы вытащим на белый свет доказательства – они скорее воспользуются случаем поделить его достояние, чем бросят вызов практикам, отправившим его к демонам. И к слову о достоянии. В Раушраме, вроде как, действует тот же обычай, что и почти в любой земле: тому, кто вскрыл или уничтожил порчу тёмного пути полагается награда из имущества злодея.

Глава 10. Сила и репутация.

— Всё как-то не находилось времени спросить за эти два дня.

Вален сидел на низкой табуретке в своей комнате гостиницы, сгорбившись, положив руки на колени. Они с Наттаром заскочили сюда поесть и взять еды с собой, пока была очередь девушек караулить ростовщика и его подручных.

— Почему ты вдруг решил, что нам не хватает приключений и нужно срочно найти их в доме Сейроса?

Наттар посмотрел на него с некоторым недоумением:

— Но разве ты сам не пошёл искать приключений, когда мы были в Уотруме, старший брат?

Вален тяжко и демонстративно вздохнул:

— Тогда мы пару дней выясняли ситуацию. Я не знал точно заранее, но догадывался, что Братство Трёх Опор – это тряпка для собирания грязи. Что ради них никто не будет связываться с практиком четырёх цветов — наоборот, их же самих проучат за то, что недостаточно бодро вылизывали ему туфли. К тому же, я не намеревался требовать от них никаких уступок и расходов и надеялся, что до драки не дойдёт. Вот потому-то тогда мы и не попали в такую переделку, как сейчас.

Вален покачал головой:

— Могильный Музыкант – городской старейшина. Не слишком уважаемый, насколько можно судить, но всё же. Чтобы остальные старейшины позволили кому попало убить того, кто сидит рядом с ними в совете? Только если он стал угрозой или помехой для большинства из них. Не похоже на то.

Практику четырёх цветов несложно собирать информацию, даже там, где его сверхострые чувства принимают во внимание, и защита от подслушивания имеется в каждом богатом доме. Вален, к тому же, учился у старшей Хунбиш, она же частичка Досточтимой Тысяча Уловок. Его способность проникать в чужие мысли, как бы хорошо их ни скрывала внешня невозмутимость, была незаурядной. И он начал собирать информацию о том, как управляется торговый город Раушрам, ещё до их прибытия сюда. Двух неполных дней ему вполне хватило, чтобы составить суждение о ситуации, в которой они оказались сейчас.

— Вдобавок, даётся мне, что все старейшины Раушрама представляют значимые силы вне города. Ты помнишь, я с самого начала это подозревал и чем дальше, тем больше убеждаюсь. В городе есть лишь два практика шести цветов, оба уже на пороге естественной смерти, он полон богатств, способных соблазнить даже великую секту, а всё же он ещё не завоёван. Почему? Да потому что всем полезна нейтральная территория, на которой можно заключать сделки, не опасаясь, что тебя просто ограбят. Могильный Музыкант когда-то был учеником в Секте Зимних Плодов. И хотя самон говорит, что секта изгнала его, в городе многие убеждены, что он обосновался здесь как их представитель. Рассказы об этой секте, кстати, ходят пугающие. Как и о нём самом. Говорят, что он мстителен и держит целый шкафчик с нефритовыми табличками, на которые записывает обиды и оскорбления. Говорят, что он убил свою единственную жену вместе с сыном, потому, что заподозрил её в измене. Хотя, конечно, официальная версия – это алхимический взрыв. В общем, такой гуай не спустит нападения на одного из своих подручных. Нападём ли мы на него первыми или будем ждать его удара – мы втянемся в ту самую бесконечную вражду, которой я не хотел!

Пока Вален говорил, Наттар продолжал жевать булочки с мясом, приготовленные на пару. Но слушал внимательно. Заметив, что Вален, вроде как, выговорился, он проглотил кусок и сказал:

— Старший, я вижу, ты даже не думаешь о том, чтобы помириться с Могильным Музыкантом. Почему?

— Потому, что у нас нет лишнего нефрита для приличного отступного. Потому, что он наверняка потребует мальчишку Изарита, как часть этого отступного. Вероятно и голову самого Изарита теперь уже.

— Но ведь про побочную ветвь клана Фориат основная ветвь совсем забыла. Никто и не узнает, что с ними случилось.

Вален смерил Наттара взглядом:

— Ты надо мной издеваться задумал? Насчёт того, что не узнают – это ещё старейшина надвое сказала. Слабину перед негодяем и подонком показывать нельзя, ведь он непременно ею воспользуется, будет давить до предела. Или ты хочешь мне сообщить, что я не собираюсь бросать калеку с его отродьем на произвол судьбы чисто по доброте моего сердца? А потому ты ни в чём не виноват, ведь ты сделал лишь то, что хотел сделать я сам, но не решился из осторожности?

Наттар аккуратно вытер пальцы полотенцем и уставился Валену в глаза:

— Нет, я виноват, старший брат Вален. Я о тебе слишком плохо подумал, да вдобавок ещё чужому об этом сказал. Теперь вижу – ты просто хотел сперва всё обмозговать, ведь дело было не таким срочным, чтоб не отложить до утра.

— И это лишь потому, что я не желаю отступать, раз уж мы, по твоей милости, влезли в драку?

— Нееееет, не только. Ещё потому, что когда-то ты меня спас. Случайного ученика, увидев первый раз в жизни.

«Мне просто нужен был ученик, обязанный мне лично, чтобы узнать побольше о мире, в котором я очутился,» подумал Вален. А вслух сказал:

— Теперь ты сам знаешь, что я тогда едва лишь переродился. Вот потому я и не понимал опасности.

— А потом ты, брат, спорил со старшими и влез в огромные долги, ради пилюли для меня.

«Я уже понял, что ты силён и хотел сковать тебя обязательствами».

— Теперь ты сам знаешь, что я тогда боялся оказаться разоблачённым в любой момент. А ты был единственным, с кем я мог поговорить, не дрожа от страха. Кто же будет думать о необходимости отдавать долги через несколько лет, когда не знает, доживёт ли он до завтра?

Наттар слегка пожал плечами:

— А потом ты почти сразу простил и Люме, и её старую лису-мать, хотя из-за них у тебя зубы хрустели, без шуток. Что там простил, ты всему роду попытался жизнь устроить.

«Я почувствовал, что Люме будет очень полезной».

— Всё-таки, мы вместе сражались за наши жизни. Как там говорится в «Семидесяти двух сверкающих звёздах»: боевое братство дороже кровного?

— Нууу, а потом, едва нам стоило разлучиться, как ты взвалил на себя целую кучу бесполезных учеников, просто потому, что без тебя они погибли бы.

— Так уж получилось, — ответил Вален. На этот раз никаких мысленных отговорок в голову не пришло. — А кроме того, я сразу понял, как положение старейшины секты, слава о котором разносится по всему краю, можно выгодно использовать. Если бы не это, мы бы с вами до сих пор искали друг друга.

— Возмоооожно, — Наттар улыбнулся краешками губ. — А что, старого Изарита нельзя, это, выгодно использовать?

Вален распрямился, развёл руками:

— Но как? Просвети же меня, младший брат. Какую выгоду мы можем от него получить?

Наттар словно удивился:

— Ну стааарший. А ещё говоришь, что это я над тобой издеваюсь. Даже мальчишкам, до ученичества не доросшим, понятно, что одно дело отделать кого-то просто так – а другое дело — защищая слабого, малолетку или девчонку. Когда я в Секту Шести Печатей попал, там вообще бывало так, что сильные ученики выпускали вперёд мелкого новичка, задираться.

— Старейшины не мальчишки, — пробурчал Вален. — А тебя, с твоим знанием ученических обычаев, забили б насмерть, если бы меня не оказалось поблизости.

Однако, слова Наттара послужили толчком, заставившим колёсики в его мозгу завертеться вновь. Он потёр подбородок, не скрывая задумчивости. Его взгляд ненадолго сделался отсутствующим.

В историях, вроде тех же легенд из только что упомянутого сборника «Семьдесят две сверкающие звёзды» некоторые персонажи любили говорить, что миром практиков правит сила. Валену этот тезис казался подобным утверждению «масло является масляным». Чтобы достаточно большое число людей и гуаев могли жить вместе, всегда необходима сила, сила, позволяющая карать нарушителей закона и обычая. Важно то, откуда эта сила берётся! Только лишь из индивидуальной мощи практиков? Из их способности навязывать миру свою волю? Но ведь даже Досточтимый Грозовой Пик, с его несравненным талантом, не может воротить всё, что хочет. Даже практики из легенд и сказок почти все умерли бы молодыми, если б не помощь и покровительство, которые им повезло получить. Нет, личное могущество – лишь одно из слагаемых силы, а второе, не менее важное – ум и хитрость, умение предугадывать и направлять в нужную тебе сторону поступки людей и гуаев. Каким бы одарённым ни был практик, он, без сомнения, погибнет, если попытается решать все проблемы кулаком и духовной энергией. Отважным героям сказок и то рано или поздно требовалась защита могучих старших, чтобы не поплатиться за свою отвагу. А некоторые в итоге поплатились. Неприкрытое насилие порождает страх, страх умножает число врагов быстрее, чем ты успеваешь их уничтожать.

Вален и сейчас ни секунды не сомневался в этом. Но разговор заставил его лишний раз задуматься об ещё одном слагаемом силы – о репутации. Вален гордился стремлением оценивать практиков объективно – а всё же репутация Могильного Музыканта внушила ему опасения. Такие серьёзные, что он взялся упрекать Наттара, вместо того, чтобы потратить каждую свободную секунду на хладнокровное обдумывание плана действий! Репутация – репутация в глазах Наттара – сейчас связывала его, не давала говорить откровенно, заставляла подыгрывать представлениям о нём.

Но репутация могла стать и его оружием. Страх лишь умножает число врагов, когда в тебе видят хищника, атакующего уже оттого, что ему хочется кушать. Но не может ли всё повернуться иначе, если выставить себя защитником справедливости? Готовым ввязаться в неравный бой, когда речь идёт о защите людей и гуаев из клана, принявшего твоё покровительство. Конечно, красивые принципы ещё никогда и ни разу не помогли бессильному. Но если речь идёт о сильном, о практике, победа над которым возможна, но обойдётся дорого… Тогда Наттар в чём-то прав. Тогда репутация практика принципиального, не бросающего даже очень-условно-своих, может стать прочным щитом. Она до некоторой степени успокоит опасения старейшин за собственные шкуры, продемонстрировав: он не нападает без повода. Что не менее важно, у них появится ещё один удобный предлог избежать столкновения, не теряя лица. В дополнение к доказательствам того, что Могильный Музыкант идёт тёмным путём, которые почти наверняка найдутся.

Наконец, Вейраоль, остатки клана Фориат и его соседи, включая Секту Весенней Бури, получат наглядную демонстрацию, как Старейшина Добродетельный Демон готов на безумные риски, чтобы защищать своих друзей и причинять зло своим врагам. Такого человека лучше не предавать.

Да уж, если по-хорошему, то он, Вален, изначально глядел слишком поверхностно.

Но все возможные выгоды, все способы обратить ситуацию себе на пользу вертелись вокруг предположения о том, что они вчетвером могут убить старейшину пяти цветов и его телохранителей. Причём выйти из битвы как герои, на своих ногах, а не выползти, глотая пилюли.

Вален поглядел за окно. Этим вечером город и окрестности накрыл проливной зимний дождь.

Хватит ли у них сил для уверенной победы? Теоретически, да, учитывая, что они уже кое-что узнали о способностях Могильного Музыканта, а вот он о них не знает ровно ничего, но это теоретически.

— Надо мыслить позитивно, — сказал Вален вслух. Его долгие размышления заняли едва ли пару секунд. — Если пасовать перед каким-то торгашом и вымогателем – как можно надеяться совершить невозможное?

— Что, старший, мы дерёмся сегодня? — Наттар не смог сдержать улыбки.

— Да. Надеюсь, ты понимаешь, что именно тебе придётся ловить лицом удары практика на цвет выше.

— А тоооо!

— Ещё тебе придётся на время расстаться с одним из своих волшебных сокровищ.

Энтузиазма у Наттара чуть поубавилось, но всё же он решительно кивнул. В душе Валена шевельнулось застарелое подозрение. Если молодой гуай – тот простак, каким кажется, то почему разговор в итоге пришёл ровно к тому, к чему он хотел? Кстати, а в первый ли раз так получилось?

Нет, не время сейчас. Подумаем об этом позже.

— И главное, Наттар. Я, конечно, понимаю, что братья – это не хозяин и раб. Но если тебе в будущем покажется, что я где-то не прав, или что мои истинные желания не совпадают с моими словами — давай ты скажешь мне об этом прямо, прежде чем прыгать вниз головой в омут, ладно?

Наттар мгновенно посерьёзнел:

— Ладно, старший брат.

— Я запомню твоё обещание. Пошли, нам ещё нужно объяснить всем мой план до заката.

Глава 11. Старейшина Могильный Музыкант.

Поместье Могильного Музыканта стояло на обширном лугу посреди тёмного леса, там, где не были видны огни города. Большинство старейшин предпочитали жить на некотором удалении от городской суеты. Не из соображений комфорта, а потому, что так было проще обезопасить себя от внезапного нападения.

Приземистый особняк в центре поместья напоминал укреплённый замок, с прочными стенами и маленькими окнами. В этот полночный час лишь пара окон мерцали тусклым светом. Вместо деревьев, там и здесь на просторном дворе поднимались высокие и прямые стелы — разной высоты, из разных пород камня. Все они, однако, напоминали вытянутые надгробия. Трёхметровую стену украшали шипы и узоры из переплетающихся символов. Дождь тут лил гуще и злее — и скатывающиеся по незримому барьеру струи воды обрисовывали купол защитной формации. Формации надёжной — чтобы пробить такую быстро, за один или несколько ударов, понадобился бы, наверное, практик всех семи цветов.

Потому-то план Валена, основанный на допросах Сейроса и том, что он успел узнать в городе, целиком полагался на хитрость, чтобы попасть внутрь формации. Вален отказался бы от нападения и предпочёл бы бежать из Раушрама, если б ростовщик не клялся всеми предками: Могильный Музыкант прямо сказал, что если удастся заполучить соответствующего требованиям ребёнка, то его следует доставить в поместье немедленно. В любое время дня и ночи. Сейрос даже заявил, что господин приказывал ему не упускать из виду подходящих детей, даже если у тех имелись надёжные воспитатели и защитники. Вален был уверен, что это не ложь. Как видно Могильный Музыкант всерьёз обдумывал похищение. Значит, его поджимали сроки.

Значит, можно надеяться, что явившихся к нему с желаемым ребёнком пустят внутрь без тщательной проверки. Особенно если возглавлять их будет знакомый охранникам поместья Сейрос.

Вален оглядел поместье из снижающейся летающей лодки — обшарпанной, взятой напрокат. Протянул руку, чтобы ощутить капли дождя.

Дождь сейчас — подарок Вечного Неба. Он и Наттар играли двух подручных ростовщика. Кто-то из охранников мог помнить лица этих двух. Другие могли бы озадачиться, опознав в охранниках чужестранцев по какому-нибудь мелкому, настолько мелкому, что его замечаешь не сознательно, а на уровне интуиции, признаку. Тяжёлые плащи и широкополые шляпы от дождя сводили к минимуму вероятность этого.

А Люме выступала в роли няньки, держащей на коленях ребёнка. Кериан, сын Изарита, был гуайчиком-леопардом лет восьми от роду, пухлым и симпатичным, состоявшим, казалось, на треть из пушистого хвоста. Сейчас он молчал, объятия Люме подействовали на него умиротворяюще, но лицо его было достаточно заплаканным, чтобы никто не подумал — уж как-то слишком спокоен этот ребёнок.

Отец плакал чуть ли не больше сына, когда Вален объяснил ему свой план. Но что он мог поделать? Вален заявил в самых недвусмысленных выражениях: нельзя победить практика более высоких цветов, ничем не рискуя. Но обещал, что скорее сам погибнет, чем позволит мальчику пострадать.

Самым слабым местом в плане был гуай, затылок которого сейчас неотступно сверлил взглядом Наттар. Они пообещали Сейросу мучительную смерть при малейшей попытке предупредить охрану. Вален лично повторил пять раз, что единственный шанс ростовщика на спасение — это убедительная актёрская игра. Умом тот определённо понимал, что не успеет спастись. Но вот хватит ли ему самообладания, чтобы не запаниковать, чтобы выдать эту самую игру?

Летающая лодка коснулась земли.

— Открывайте проход! — крикнул Сейрос паре охранников в серых куртках и шароварах, скучавших под навесом у резных каменных ворот. — Я привёз наставнику самое ценное — ученика!

Охранники, насторожившиеся, едва лодка незваных гостей показалась над лесом, переглянулись. Один из них спросил:

— Сейрос? Ты? А какого демона ты приволок сюда всех своих домочадцев?

— Чтобы многоуважаемый Могильный Музыкант не отпилил мне голову ржавым кухонным ножом, если с мальчишкой что-нибудь случится! Мозгами уже подумай, Ламдо! Открывай скорее, сам видишь — льёт как из ведра!

Знакомый Сейросу охранник пожал плечами, затем сложил пальцы рук и начал формировать заученную серию колдовских печатей:

— Ладно. Но за ворота пойдёшь ты и котёнок с его нянькой. А то уже мне голову отпилят, за то, что пускаю внутрь кого ни попадя.

Едва в барьере появился двухметровый проём, как Вален и Наттар сорвались с места — лишь два размытых пятна мелькнули в тусклом свете зачарованного узора над воротами. Охранники не успели даже охнуть — рухнули на землю мешками, оглушённые в один миг. Они были неплохо подготовлены, но при разнице на два цвета защититься от внезапного нападения вряд ли смог бы даже несравненный гений.

Люме аккуратно усадила ребёнка на скамью лодки. А тот сперва ахнул, когда двое практиков свалились, словно заколдованные, потом собрался было расплакаться вновь, но Люме приложила ему палец к губам:

— Не бойся, всё самое страшное уже позади. Ты же у нас смелый боевой кот, так? Просто сиди в лодке, как сейчас. Сестра Сурэ тебя подберёт, не успеешь и до деревьев долететь.

Сурэноха только что вышла на край леса. Пару часов назад она чуть сама не расплакалась, когда Вален обрисовал свой план и оказалось, что её роль, возможно, сведётся к присмотру за ребёнком. Но Вален остался непреклонен. Ни при каких обстоятельствах он не собирался позволять девушке трёх цветов выйти в первом ряду на сражение с пятицветным практиком. Слишком велика разница в духовной энергии, в скорости движений и реакции.

— Ещё повезёт, если никому не придётся ловить лицом атаку, направленную в тебя, — сказал он тогда.

А сейчас Вален улыбнулся, увидев, как Люме толкнула лодку с сидящим в ней Керианом и та поплыла обратно к лесу, оставаясь в полшаге над землёй.

Наттар уже распахнул ворота. Ещё миг — и они втроём зашагали по дорожке к дому. Пейзаж за стеной открывался угрюмый. Вместо обычного сада Могильный Музыкант держал сад камней. Узоры, в которые он их выкладывал, наводили на мысли о древних и странных чудовищах, которые таятся в глубинах океана или о безжизненных горах, источенных ветром. Мельком оглядевшись, Вален не заметил никаких волшебных ловушек или предупреждающих заклинаний.

«Плохо смотрел», подумал он несколько секунд спустя, когда они уже почти подошли к дверям. Потому что двери вдруг распахнулись настежь с грохотом. И перед незваными гостями предстал сам Могильный Музыкант. Его ни с кем было не спутать. Даже в поспешно наброшенном на плечи, не подпоясанном халате, он выглядел впечатляюще.

Из человеческой его головы росли оленьи рога: ветвистые, широкие и неестественно белые, словно кость, украшенные нефритовыми подвесками-талисманами. Такими же белыми были волосы, тяжёлыми прядями спадавшие на спину. А вот кожа была землисто-серой — но в нём это не казалось признаком нездоровья. Тёмные, слегка навыкате глаза не отражали света. Аура его вместо привычной лазури горела бледно-голубым, почти белым цветом — но от этого не выглядела слабее. Даже по высоким стандартам пяти цветов духовная энергия Могильного Музыканта была незаурядна.

Вален, привычно скользнул по нему своим особым зрением и увидел примерно то, чего ожидал. Меридианы старейшины походили на переплетающийся лабиринт подземных ходов — тёмно-синие, почти чёрные, не толстые, но очень плотные. Культивация этого практика определённо была глубока. Глубока и необычна.

— Сейрос, — произнёс Могильный Музыкант, и голос его оказался тихим и ровным, как шелест осыпающегося песка. — Я велел тебе как можно скорее найти и доставить подходящий сосуд. Я не велел приводить в мой дворец подлых убийц, которые закололи бы меня прямо в постели, если б не мой дар. Обычно я не истребляю родню тех, кто разочаровал меня своей глупостью, но для тебя сделаю исключение.

— Пощадите, учитель! — Сейрос хлопнулся на колени, ударился лбом о камень дорожки, не меняя позы, начал пятится назад, — Они вынудили меня!

Гуай-олень уже не обращал на него внимания. Сложив руки за спиной, он обвёл взглядом Валена и его соратников. Из дома у него за спиной слышались мягкие шаги. Вален уже заметил пару аур трёх цветов позади могучей ауры Могильного Музыканта — телохранители сбегались на помощь господину. Вроде бы не стоит тратить время на разговоры, пора подавать неслышимый сигнал к атаке. Но сейчас Валена беспокоило нечто странное и незаурядное в ауре старейшины.

— Наёмные убийцы не стали бы тратить время на разговоры. И вы молоды, я чую это. Что вам нужно? Табличка Нефритового Кулака? Или вы пришли мстить?

— Стольких обидел, что даже мстителей узнать не можешь? — ехидно поинтересовался Наттар.

Вален же тем временем задумался: что ещё за «Табличка Нефритового Кулака»?

— Поживи с моё, у тебя столько же врагов будет, — чуть пожал плечами Могильный Музыкант. — Впрочем, пожить с моё тебе не удастся.

Тон его совершенно не изменился. Он убрал руки за спину, чтобы под халатом не было видно, как он складывает пальцы в замок. Но разве таких мелочей хватит, чтобы спрятать намерение от действительно опытных бойцов? Наттар, Вален и Люме отскочили прочь, уклоняясь от вырвавшихся из земли зазубренных стрел из белого как кость мрамора. Сейрос уклониться не успел — сразу две стрелы пронзили его с такой силой, что тело подбросило шагов на двадцать в воздух, а брызги крови мелким дождём разлетелись во все стороны.

— Танец Смерти! — на этот раз Могильный Музыкант сложил пальцы обеих рук перед собой. И земля на многие десятки шагов перед фасадом особняка вскипела. Прочную каменную дорожку и замысловатые фигуры сада камней разметало во все стороны. Из-под них вырвались кости. Не настоящие — Вален понял это с первого же взгляда. От них веяло не тленом, а пылью и холодом глубокой шахты. Да и не бывает у людей с гуаями столь огромных костей: рук длиной в три человеческих роста, рёбер, изгибающихся как слоновьи бивни, змеящихся позвоночников, толщиной со стволы деревьев. И не ведут себя кости, даже кости оживших мертвецов, словно когти и щупальца одного колоссального, бесформенного зверя, пытающегося схватить и разорвать врагов. Это был камень, всё тот же белый мрамор. Повинующийся воле опытного мастера элемента Земли, способного плести немыслимо — немыслимо для низких цветов — сложную технику, одновременно атакуя многих противников.

Взмывая в небо, чтобы уклониться от скелетной руки, способной раздавить в пыль валун из обычного гранита, Вален позволил себе усмехнуться. Могильный Музыкант не мог видеть их настоящие ауры. Сейчас все трое ослабили их до предела, как и уговаривались. Он знал, что перед ним совсем не одноцветные, но об их истинной силе мог лишь гадать. И пусть даже практик вроде него в принципе не будет начинать битву со своих самых сильных техник, похоже, что старейшина критически недооценил эту силу.

Глава 12. Танец Смерти и Призрачная Музыка.

Если один практик сталкивается в бою с тремя, и они не настолько уступают ему по духовной энергии, чтобы просто раздавить их как мух, его оценка соотношения сил видна сразу. Тот, кто думает, что каждый из противников по отдельности не уступает ему, сразу попытается сбежать. Тот, кто считает врагов не такими сильными, как он сам, но всё же сильными, кто думает, что его жизнь в реальной опасности – или тот, кто привык уважать своих противников – вложит почти все силы в первый удар, чтобы немедленно уложить одного из них. Попытается сократить численное преимущество. И лишь тот, кто весьма уверен в своих силах воспользуется атакой, действующей на большую площадь, чтобы закончить бой как можно быстрее, разом истребив всех врагов.

Потому-то Вален и решил, что Могильный Музыкант их критически недооценивает. Вероятно, он угадал их число цветов. И решил, что имеет дело с тройкой талантливых, но слишком наглых юнцов, считающих, что им поре по колено.

В определённом смысле он был прав. Но разница между наглостью и энергичной напористостью, как известно, определяется лишь способностями обладателя этих качеств.

В первую секунду боя Люме отскочила далеко назад, дважды воспользовавшись Лёгким Шагом. Ей нужно было хотя бы ненадолго разорвать дистанцию, так как её древесные техники требовали неподвижности. А затем она простёрла руки перед собой. И тут же от её ладоней, вперёд рванулись тонкие зелёные побеги. За долю секунды они разрослись обращаясь щупальцами толщиной в руку, разветвились, устремились навстречу каменным костям, извиваясь как щупальца взбешенного спрута. Несведущему могло бы показаться, что они всё ещё слишком малы и слабы, чтобы остановить настоящую лавину белого камня. Но стоило лишь каменным скелетным рукам, тянущимся к Люме, столкнуться с побегами, как они обвили белые пальцы, остановив их атаку. По двору прокатился звук, похожий на скрип корабельных снастей в бурю, только намного громче. А затем треск и хруст ломающегося мрамора.

Корни Дерева, как известно, выжимают досуха Землю. В духовной энергии Люме не могла не уступать практику пяти цветов, как не могла и равняться с ним в управлении техниками, ей просто не хватало опыта, но её родной элемент давал ей большое преимущество. Могильный Музыкант повёл бровью, призывая острые мраморные кости, чтобы проткнуть Люме ударом прямо у неё из-под ног – но часть созданных ею побегов уже коснулась земли, закопалась в неё, обернулась могучими корнями, и остановила невидимую простому глазу атаку.

Старейшина чуть нахмурился. Откуда у лисы настолько сильная техника? В его саду камней почти не было растений, лишь немного росло прямо под стенами, он вырубил лес вокруг поместья именно для того, чтобы не давать практикам элемента, подавляющего его собственный, слишком много материала для работы. Как девчонка, едва достигшая внешнего единства, способная создавать из ничего такое растительное буйство?

Он изумился бы до глубины души, если б ему сказали, что Люме использует одну из самых базовых техник элемента Дерева: Лесного Повелителя.

Ещё во время путешествия через Перерождающийся Континент она научилась быстро применять её много раз подряд, накладывая эффекты. Ведь Лесной Повелитель требовал лишь касаться растений, которыми ты желаешь управлять, для него не нужны были заклинания или печати – если можешь «дотянуться» до целой рощи через корневую систему, то знай, создавай мысленные образы. Это, конечно, требовало сильной воли и яркого пространственного воображения, но Люме обладала этими качествами в должной мере. Когда же она завершила культивацию стадии внутреннего единства на основе понимания, созданного Валеном, она научилась использовать множество слабых техник почти без усилий и расщеплять сознание на потоки.

Это возвело мощь, скорость и гибкость её Лесного Повелителя в квадрат, даже ещё не считая естественного роста с четвёртым цветом.

Загвоздка была лишь в том, что без уже имеющейся растительности под рукой потребление духовной энергии всё же было высоко. Могло быстро истощить её силы. Вот потому-то Люме и носила теперь два особых пространственных кольца, которые перед сражением наполнила свежими ростками и ветками из ближайшего леса. Жаль, нельзя было пользоваться растениями в горшках – предметы не могли оставаться наполовину во внутреннем пространстве кольца, а наполовину снаружи. Таким-то образом она могла творить волшебство, сравнимое с мощной техникой четырёх цветов, почти не напрягая меридианы.

«Сравнимое», не значит «равное». Сражайся Люме с Могильным Музыкантом один на один, столкновение техник закончилось бы очень быстро и не в её пользу, несмотря на естественное преимущество её элемента. Не прошло и секунды, как осколок мрамора, напоминавший острый зуб, едва не пробил ей грудь – в последний миг один из ростков отвёл удар в сторону. Решающая разница заключалась в тонкости их контроля над волшебством, порождённой опытом и тем, что одной сложной техникой управлять проще, чем десятками простых одновременно.

Но они сражались не один на один. И Могильный Музыкант допустил ошибку, когда обратил основное внимание на Люме, решив, что она станет самой лёгкой добычей. Рой летающих мечей Валена уже устремился к нему и его телохранителям со всех сторон. Каменные рёбра поднялись из земли и сомкнулись огромной грудной клеткой вокруг старейшины, разворотив при этом всю переднюю стену особняка. Щели между ними должны были остаться слишком маленькими для летающего меча – вот только мечи Валена были слишком быстры, слишком проворно маневрировали на лету. Дюжина взорвалась, ударившись о белый мрамор, но ещё больше успело пролететь внутрь. Телохранители Могильного Музыканта, обученные защищать хозяина в ближнем бою, попытались отбить их. Они уже заметили, что летающие мечи дерзкого практика в белом взрываются, но думали, что их закалённые тела выдержат удар. Но…

— Осколочный Разрыв!

В тот самый момент, когда Люме едва не проткнуло острым куском мрамора, пространство внутри сомкнувшихся «рёбер» превратилось в кромешный ад из огня, осколков и ядовитого дыма.

Но спустя секунду настоящая буря прокатилась по полю боя, развеяв этот дым. И среди выщербленных, распадающихся каменных костей обнаружился Могильный Музыкант. От чего телохранителей остались одни ошмётки, но сам он был совершенно невредим, даже одежда не закоптилась. Потратил одноразовое защитное сокровище? Зря.

Ведь в этот момент рядом с ним как из ниоткуда появился Наттар.

Земля впитывает Воду. Если бы не этот факт, можно было бы рискнуть, попытаться завершить сражение одним ударом, вложив в Наттара духовную энергию трёх остальных обладателей колец Красной Нити. Но Вален решил, что риск слишком велик. Любая техника Могильного Музыканта продырявит водяную чешую гуая-аспида как бумагу. А знали о его техниках они слишком мало.

Потому в первые моменты боя Наттар лишь уклонялся от атак, танцуя по извивающимся каменным хребтам и пытающимся хватить его скелетным рукам. Выжидал момента, когда внимание врага на миг отвлечёт пропущенный удар. Их совместные тренировки с Валеном дали результат: он атаковал как раз в тот момент, когда к Могильному Музыканту приблизился новый рой летающих мечей.

Скелетные руки поднялись навстречу мечам, заслоняя своего хозяина. Острый обломок каменной кости вдруг вырос из земли, целясь Наттару в живот. Но змеиные глаза вдруг стали

пустыми, с лица пропало выражение, и гуай-аспид легко увернулся. Его меч сверкнул сине-серебряной дугой, обрушившись на врага.

Если бы Могильный Музыкант попытался сбежать Лёгким Шагом, ему пришлось бы остановить Танец Смерти. Многие техники элемента Земли требовали постоянного контакта с землёй под ногами. Вместо этого он взмахнул правой рукой, пытаясь блокировать удар. Серый цвет его кожи вдруг стал темнее. Искры брызнули, когда клинок Наттара столкнулся с его кожей, сделавшейся твёрже любого гранита.

И рука старейшины пяти цветов отлетела прочь. Мастер ближнего боя, вроде Иншаня, инстинктивно понял бы, что нельзя подставляться под рубящий удар Наттара с замаха. Могильный Музыкант не понял.

Вслед за рукой он лишился бы головы – но в тот момент, когда молодой гуай ударил ему в шею, свисавший с его рога нефритовый талисман вдруг вспыхнул странным светом, прежде, чем рассыпаться на куски. И удар не достиг цели. Не появилось никакого видимого защитного барьера. Валену, который уже направлял в цель новые летающие мечи, показалось, что движение клинка вдруг замедлилось странным образом. В следующий миг все каменные кости вдруг хаотично забились, круша друг друга и всё вокруг – особняк, остатки сада камней. А Могильный Музыкант вдруг пропал. Не «как сквозь землю провалился», а вполне буквально провалился под землю. Земной Шаг! Где сейчас появится старейшина? Попытается сбежать? Нет!

Взгляд Валена обратился к Люме. Но это было ошибкой. За Наттара он не побеспокоился. Пусть аспид оказался в самом сердце бушующего каменного хаоса, где большинство практиков размолол бы в муку – он летучей тенью запрыгал по бьющимся вокруг костям из белого мрамора, без труда находя путь к спасению. С очищенным разумом и не такое под силу.

Вот только не под силу предугадать коварную уловку, о которой не подумал даже Вален.

Могильный Музыкант появился не из земли. А изо лба громадного мраморного черепа, вызванного его же техникой. В паре десятков шагов позади Наттара. Потеря правой руки ничуть не замедлила его движений. Ну, практик преобразования тела всё-таки – рука уже начала отрастать. Его аура вдруг полыхнула огненным шаром, не дающим тепла, почти незримым для смертных, но ослепительным для практиков. Левой рукой он сделал странное движение, словно подносил к губам незримый инструмент.

— Призрачная Музыка!

Наттар бросился к нему, стремительнее любой атакующей змеи. Но старейшина успел дунуть – словно бы в воздух. По двору разнеслась пронзительная, дрожащая трель. По его ауре пробежали волны колебаний. И ударили в Наттара, отшвырнув его прочь. Не просто отшвырнув – гуай-аспид вдруг содрогнулся в судороге, теряя контроль над собственным телом.

Вален подозревал, что у старого, опытного практика должны быть припрятаны свои козыри. Потому и планировал убить его за один обмен ударами, в первые же секунды боя – между прочим, всё столкновение техник заняло так мало времени, что тело Сейроса едва успело упасть на землю.

Похоже, что его план провалился.

— Думали, всё будет так просто?!? — выкрикнул Могильный Музыкант. Он топнул ногой и вслед Наттару помчалось острое лезвие, сформировавшееся из мрамора.

Глава 13. Коварные уловки старейшины.

Старейшине пришлось остановить Танец Смерти в тот момент, когда он воспользовался Земным Шагом. Несмотря на все усилия, он пока не умел безупречно сочетать эти две техники: использование второй прерывало первую. Сейчас каменные кости зря тратили остатки истраченной на них духовной энергии, с диким грохотом кроша друг друга и оседая на землю обломками. А энергии этой ушло много. Второй Танец Смерти за одну ночь заставил бы Могильного Музыканта ощутить первые признаки усталости.

Потому он и воспользовался простенькой техникой, чтобы атаковать Наттара, а не раздавил его ближайшей скелетной рукой.

Но на это ушла лишняя доля секунды. Лезвие из белого мрамора со звоном отлетело прочь, отбитое мечом Валена. А левой рукой Вален поймал Наттара, не давая ему упасть в хаос дробящегося камня.

Вален и Могильный Музыкант замерли, мрачно глядя друг на друга. Один висел в воздухе, второй так и стоял на вершине покосившегося каменного черепа. Вален сразу заметил, что Наттар получил удар по ауре и меридианам, заставивший колебаться его циркуляцию. Однако, повреждения не выглядели тяжёлыми – скоро молодой гуай восстановится. А Могильный Музыкант лишился правой руки. Конечно, любой практик, достигший стадии преобразования тела, обретал способность к быстрой регенерации, вот только «быстрой» она была лишь по сравнению с природным лечением. Без особых техник на восстановление кисти руки может уйти полминуты. По стандартам боя практиков высоких цветов – всё равно, что вечность.

Потому оба противника чувствовали настоятельную необходимость в передышке. Гул треск и грохот постепенно затихали. Вокруг облаками плыла раздражающая нос пыль, но глазам опытных практиков она почти не мешала.

— Нет, на шайку мстителей вы не похожи, — завязал разговор Могильный Музыкант. — Слишком слаженно и хладнокровно действуете. Вы – трое опытных убийц, настоящих экспертов. Кто заплатил вам за мою голову? Сколько бы вы с него не взяли – продешевили всё равно.

— Мы здесь не ради нефрита, — покачал головой Вален. Его ответ был искренним на две трети.

— О? И ради чего же вы здесь.

— Так уж вышло, что моя секта взяла под покровительство клан, на потомка которого ты нацелился. Так уж вышло, что я не одобряю практиков тёмного пути. Так уж вышло, что твоя, старейшина, репутация слишком зловещая и потому мы решили ударить первыми, а не ожидать твоего удара.

Могильный Музыкант фыркнул:

— Моя репутация оказалась недостаточно зловещей, если младшие решили использовать меня как ступеньку для своего восхождения. Что, внучок, думаешь прославиться как безумный практик, который ради даже своих слуг кому угодно голову снесёт?

Вален знал, что старейшина пяти цветов, не одно десятилетие занимающий важное положение в Раушраме должен быть проницательным старым ублюдком, а всё же изумился тому, как легко тот просчитал его логику. Изумление не помешал ему ответить с лёгкой улыбкой:

— Конечно. Но знаешь, я и в самом деле не одобряю практиков, использующих детей для тёмного волшебства.

Старейшина рассмеялся так, что зазвенели ещё оставшиеся на его рогах талисманы:

— Я верю, хаха. Это ожидаемо от юного таланта, которому море по колено, а небо по плечо. Но знаешь, на этом свете есть три вида практиков. Первые идут тёмным путём. Вторые тоже им идут, но осмотрительно, ибо в приличном обществе все пьют вино, но никто не любит буйных пьяниц. А третьи ещё слишком молоды и неопытны, так что думают, будто

техники тёмного пути им никогда не пригодятся. Внучок, ты только что прихлопнул четырёх моих телохранителей как мух, просто потому, что они служили злому практику. Допустим, ты переживёшь эту ночь и достигнешь положения, о котором мечтаешь, сделаешься главой секты и владыкой своего края. Смешная шутка, но допустим, просто ради рассуждения. Скоро ты столкнёшься, скажем, с каким-нибудь разбойным кланом, промышляющим продажей молодых девушек в рабство, а детей на кровавые пилюли. И твоё сердце не дрогнет, когда ты спалишь их поселение вместе с жителями, чтобы другим неповадно было. А потом, рано или поздно, «так уж выйдет», что для исполнения твоего истинного желания – не мелкого желания вроде богатства и власти, а того, к чему ты будешь стремиться всем сердцем – понадобятся тёмные искусства. И вот тогда ты поймёшь, что и так уже убивал чужих детей, чтобы жили твои. В чём разница между смертью от огненного дождя и от заклинаний, исторгающих душу?

Пока Могильный Музыкант смеялся, Вален сместился чуть в сторону. Он видел, что регенерация старейшины идёт быстро – разбухающая как тесто плоть уже почти сформировала кисть руки, осталось отрастить пальцы. Наттар по-прежнему висел мешком, но Вален чувствовал, что он уже почти восстановился. Молодой гуай успел обменяться с ним сигналами через деревянное кольцо.

— Старик, я тебя огорчу, но я не тот наивный молодой господин, которого ты видишь перед собой. Моя жизнь была довольно насыщенной. Насыщенной, среди прочего, всякими выродками, которых даже Зеффар жрать не стал бы. Может моё сердце и привычно к убийству врагов, но ни разу я не опустился до безудержной резни.

Слова Валена были исполнены безмятежного самодовольства. Однако же, речь старейшины уязвила его глубоко, неожиданно глубоко. Именно потому, что Вален успел навидаться всякого, он заранее задумывался даже о тех вещах, думать о которых было неприятно. Включая и то, допустимо ли связывать себя правилами в борьбе с противником, который их не признаёт. И то, насколько лично он, как глава секты, готов пользоваться принципом коллективной ответственности. Но задавать вопросы – не значит прийти к устраивающему самого себя ответу…

Вален резко отбросил эти мысли, выкинул их из всех потоков сознания до единого и сосредоточился. Регистрируя новый поток слов неприятеля, но не вслушиваясь. Похоже, он и в самом деле ещё остаётся неопытным внучком. Начал обдумывать слова старейшины тёмного пути, как если бы тот вправду пытался донести до него какую-то мысль! Могильный Музыкант не общается с ним, он пытается нащупать слабое место, через которую можно внести в его разум хотя бы малую толику разлада! Как подобает практику тёмного пути, да и просто опытному старейшине, которого выдернула из постели тройка убийц.

Значит он пытаются его отвлечь… отвлечь от чего? До полного восстановления пальцев правой руки ещё несколько секунд…

Могильный Музыкант атакует, не дожидаясь полного восстановления! Именно в этом его замысел – отвлечь, заговорить зубы, и ударить, пока враги этого не ожидают. Понятно, в кого.

Если бы Вален не сосредоточился вовремя, если бы не обладал он обостренным духовным зрением, то наверняка пропустил бы эту атаку. Ведь она оказалась такой быстрой, что лишь предвидение давало практику четырёх цветов какой-то шанс среагировать. Ещё одна из нефритовых подвесок на рогах гуая-старейшины вдруг сверкнула ярким светом и обратилась в блестящую иглу, изумрудным лучом помчалась прямо туда, где за горами битого мрамора стояла Люме. Могильный Музыкант был опытным бойцом. Он или заметил ростки Паразитического Плюща, что вились среди камней и уже окружали его, или догадался, что они должны там быть.

Вален, заранее вместившийся так, чтобы защитить Люме, успел взмахнуть мечом, но не успел ничего выкрикнуть, так что его техника Рассечения Ветра оказалась вдвое слабее обычного. Впрочем, полноценная техника всё равно не остановила бы нефритовую иглу.

Половина меча Валена даже не разлетелась осколками — она просто исчезла, будто её стёрли невидимым ластиком, мгновенно превратилась в пар. Мраморные обломки, которых касалась игла не просто были пробиты. Те, что помельче, взорвались огненными шарами и дождями раскалённых докрасна каменных капель, в тех, что покрупнее, появились оплавленные воронки с рваными краями. Звук атаки — гулкий, низкий многократный удар — настиг Валена мгновением позже. Вместе с ударной волной, швырнувшей его в сторону, словно удар колоссальным мешком.

Это одноразовое сокровище, способное серьёзно ранить, а то и убить даже практика шести цветов, вряд ли обошлось старейшине дёшево. Но какой бы ужасающей не была разрушительная сила нефритовой иглы, всё же пролёт через технику, развеивающую волшебство и много метров твёрдого камня, ослабили её. И ударив в несколько слоёв защитных талисманов, которые Люме повесила перед собой как щиты, прежде чем использовать Паразитический Плющ, она раскололась, взорвалась самым ярким огненным шаром, превратившим ночь в день. На миг сердце Валена сжалось, но через деревянное кольцо он тут же почувствовал: Люме лишь отброшена прочь, её техника сбита, но она не получила серьёзных ранений.

В тот самый момент, как Вален почувствовал атаку и замахнулся мечом, пытаясь остановить её, он швырнул Наттара прочь. Молодой гуай уже почти полностью вернул себе контроль над собственным телом. Едва коснувшись торчащего из месива обломков каменного ребра, он обернулся летящей тенью, размытым пятном, Текучим Шагом обогнавшим ударную волну. Могильный Музыкант метнул в него серый летающий меч, появившийся из пространственного кольца на левой руке – но меч пролетел мимо. В следующий миг Наттар уже был рядом с ним. Меч Красной Кисти сверкнул в воздухе – и кулак Могильного Музыканта с громким хлопком устремился ему навстречу. Брызнули искры – но на этот раз рука старейшины не пострадала, а Наттара отбросило назад. Он тут же атаковал снова и снова, то справа, то слева. Раздирающие воздух удары Могильного Музыканта были быстрее, но слишком предсказуемы. Он не мог прочитать текучих движений Наттара и раз за разом не поспевал за ними. Дважды Наттар проводил чистый рубящий удар – и оба раза клинок отскочил от кожи, вдруг ставшей непробиваемой.

Вален, уже успевший выровняться в полёте, поглядел вверх – и почувствовал холодок, когда вместо прозрачного купола увидел лишь приближающиеся к земле капли дождя.

— Вы вправду решили бросить мне вызов посреди моей собственной формации? Птенцы!

Могильный Музыкант топнул ногой – и весь мраморный череп, на котором от только что стоял, с грохотом раскрошился. Наттар прыгнул прочь – слишком поздно, уходящая из-под ног опора замедлила его движения. Мечи Валена уже мчались к старейшине – но они не успевали! Как не успевал и сам Вален. Ведь мрамор не просто раскрошился под ногой Могильного Музыканта – часть осколков острыми ножами брызнула во все стороны!

Глава 14. Истинная Призрачная Музыка.

Хотя Могильный Музыкант и пустил в ход всю свою хитрость, хотя в этом бою ему он и расходовал сокровища, которые собирал десятилетиями, а всё же высокомерие давно въелось в его кости. Он был практиком, прожившим полтора столетия и привыкшим смотреть сверху вниз на талантливых юнцов. Он не усомнился, что лиса убита его разрушительной нефритовой иглой, когда плющ, создаваемый её техникой, перестал расти. И он был совершенно уверен, что сейчас вихрь из каменных ножей изрешетит наглого мальчишку, решившего сражаться с ним, несмотря на невыгодное сочетание элементов.

Мальчишка, конечно, был очень странным противником. Самым странным и самым опасным из тройки. Он явно не достиг стадии преобразования тела, но его сила, скорость и реакция были сравнимы со средним практиком этой стадии. И он специализировался на ближнем бое, с наибольшей выгодой используя свою физическую мощь. Если бы Могильный Музыкант не переключил формацию поместья с барьера на усиление собственной техники Адамантового Тела – совершенно неэффективное использование формации, годящееся только для крайних случаев – то уже был бы на полпути к смерти. Как такое возможно? Исключительный потенциал меридианов? Необычное сочетание техник физического усиления? Тайная техника, покупающая боевую мощь за счёт сжигания жизненного срока или духовной энергии, накапливающейся в ядре для будущего прорыва? Всё вместе?

Пользуясь ментальным ускорением, старейшина перебрал в уме много вариантов, общих и конкретных. Но не предположил всерьёз, что зелёный юнец, от которого ещё материнским молоком пахло, может полноценно владеть очищением разума. Не предположил, что он просто неспособен растеряться и даже в самой отчаянной ситуации сможет заметить возможность для контратаки. Могильный Музыкант не то что бы расслабился, но на миг подумал, что ситуация теперь под контролем.

Это определило исход. Перехватив меч левой рукой, Наттар на лету отбил полдюжины острых мраморных осколков, инстинктивно выбрав те, которые могли попасть в жизненно важные органы. Ещё пара вонзились ему в ноги, третий рассёк кожу на голове и вырвал клок волос, четвёртый резанул по плечу. Но одновременно с этим Укротительница Чудовищ золотой вспышкой вырвалась из его правого запястья и устремилась к противнику.

Будь Могильный Музыкант более бдительным, он не позволил бы атаке коснуться себя. А так он позволил цепи крепко намотаться на свежевосстановленую правую руку, ухватился за неё, чтобы потянуть глупого мальчишку к себе – и обнаружил, свою духовную энергию развеивающейся, вытекающей, как из пробитого сосуда.

Ровно в этот момент его пятка коснулась усыпанной обломками мрамора земли. Ровно в этот момент его поразил и вбил в землю сразу десяток летающих мечей Валена. Эти не взорвались и не лопнули от Осколочного Разрыва – Наттар был слишком близко. Но их клинки были тёмными от яда. На миг показалось, будто бой окончен, но нет – Могильный Музыкант тут же вскочил на ноги. Каменная кожа всё ещё оставалась слишком прочной.

— Ах ты!..

И тут в голове у старейшины зазвенело от ужасающего удара мечом. Наттар налетел на него, не давая шансов сорвать цепь с руки. Ударил во второй раз, в третий – на шее Могильного Музыканта выступила капля тёмной крови. Но тут он улучил момент и рванул золотую цепь, выбив Наттара из равновесия. Кулак, способный пробить звуковой барьер устремился к груди молодого гуая. И тут летающий меч ударил старейшину прямо в лицо, чуть не выбив глаз, а ещё пара – под колени, заставив его пошатнуться и упустить момент. Пусть Вален не мог сейчас использовать свои мечи в полную силу, чтобы взрывы и осколки не зацепили друга — он искал всякой возможности вмешаться в бой.

— Мелкие мрази! — лицо Могильного Музыканта было искажено гневом. Неужто неприторным? Но яростный бросок оказался обманным движением. В тот момент, когда Наттар отскочил в сторону, старейшина пнул осколок мрамора, высоко торчащий среди прочих превратив его в разлетающуюся широким веером каменную дробь. Не техника – просто коварный приём, чтобы хоть на миг сбить движения врага. И Наттар в самом деле покачнулся, когда кусочек камня попал ему под рёбра со скоростью пули. Могильный Музыкант пригнул голову, так что очередной меч Валена бессильно отскочил ото лба, замахнулся – и в этот момент почувствовал угрозу сзади. Попытался отскочить, но слишком поздно. Наттар снова налетел на него, а зелёные лозы как хлысты обвились вокруг его шеи и рук.

Люме поняла, что бой решится прежде, чем она успеет снова воспользоваться Паразитическим Плющом или Древесным Повелителем. Лёгким Шагом она поспешила на помощь – и подоспела как раз вовремя.

Впервые за весь бой Могильный Музыкант почувствовал реальный страх за свою жизнь. Сегодня всё шло наперекосяк! Ни один из противников ещё не получил серьёзных ранений, а сам он расходовал одно спасительное средство за другим. Зеффарова золотая цепь нарушала его контроль над духовной энергией, вытягивала силы. Если этот контроль ослабеет ещё хоть немного, золотоглазый мальчишка тут же снесёт ему голову!

Серое лицо старейшины вновь стало бесстрастной маской:

— Сами напросились.

Его свободная левая рука сложилась в печать – и тут же во все стороны от него ударила волна незримой силы. Наттара и Люме отшвырнуло прочь. Лозы Удушающего Плюща разорвались. Укротительница Чудовищ соскользнула с руки Могильного музыканта. Пыль взметнулась волной, ветер разметал обломки помельче и сорвал черепицу с той части поместья, что ещё уцелела. Мечи Валена зашвырнуло высоко в небо, один из них чуть не попал в хозяина.

Могильный Музыкант, оставшийся стоять в центре этого опустошения, поспешно сплюнул кровь. Грубое и торопливое обращение с силой собственной формации, причинило ему больше урона, чем его противникам. Он знал, что так и выйдет. Он лишь хотел отбросить их на секунду-другую, чтобы воспользоваться своим финальным волшебством.

Висевшего в воздухе Валена тоже отбросило назад сверхъестественным ветром. Он машинально вскинул руку, прикрывая лицо. Но чётко увидел, как аура Могильного Музыканта вновь вспыхнула, расширилась, пришла в необычайное волнение. Как он сложил руки странным образом, словно поднося ко рту флейту. На этот раз Вален увидел и бледное свечение самой нематериальной флейты, появившейся в пальцах старейшины.

— Призрачная Музыка: Призыв Духа.

На этот раз вместо режущей уши и заставляющей болеть зубы трели над полем боя разнеслась мягкая, заунывная мелодия. Повинуясь ей бледно-голубая аура над головой Могильного Музыканта сгустилась в призрака, от одного вида которого многие смертные лишились бы рассудка. Впрочем, смертные увидели бы на его месте разве что еле заметное свечение.

А вот зрению Валена он предстал совершенно ясно. Это был совсем ещё ребёнок, гуайолень, лет девяти или десяти, не больше. Его рожки едва начали расти, а уцелевшие волосы были тёмными, а не седыми, но семейное сходство с отцом было очевидно по его лицу. По уцелевшей части лица. Призрачное тело было покрыто ужасающими ожогами. Половина лица спеклась в тёмную корку, левая рука застыла скрюченной чёрной птичьей лапой, остатки халата пригорели к рёбрам, единственный уцелевший глаз — тёмный, слегка навыкате, как у отца — помутнел, словно от вечной боли.

Едва призрак обрёл форму, как аура Могильного Музыканта вспыхнула втрое ярче прежнего. Наттар уже вскочил, уже мчался к нему, но ни он, ни Люме не успевали.

— Назад!!! — заорал Вален.

Но куда бежать уже не имело значения. Рот мёртвого ребёнка раскрылся и над поместьем разнёсся неслышный крик. В тот же миг замогильная аура словно взорвалась, на миг достигнув стен. В тот момент, когда она соприкоснулась с аурой Валена, он испытал такое ощущение, словно все его меридианы разом пронзила вибрация, от которой ныли кости, болели зубы, мутилось в глазах, а циркуляция приходила в хаос. Вален уже видел эту атаку прежде и успел заметить, что она действует за счёт передачи странных колебаний ауры Могильного Музыканта ауре жертвы. Но как перейти от настолько общего понимания к эффективной защите, если ты ещё не освоил управления собственной аурой?

То ли твёрдая воля Валена позволила ему протолкнуть немного духовной энергии по меридианам и отчасти нейтрализовать эффект техники, то ли ему просто повезло, но он не свалился мешком, как Наттар и Люме. Просто слетел вниз и приземлился на торчащее вверх мраморное ребро. С трудом устоял на нём.

Но и Могильному Музыканту использование настолько могучей техники далось плохо. Призрачный образ его сына поблёк, вновь слился с его аурой, втянулся под одежду на груди. Сама аура развеялась почти полностью, лишь вокруг кожи остались дрожащие языки бледного свечения. Он снова сплюнул кровь, едва не упал – в последний момент успел опереться на появившийся из пространственного кольца меч, как на палочку.

— Ну и мразь же ты, — выдохнул Вален. — Превратил собственного сына в часть техники? В сокровище?

— Заткнись! — заорал Могильный Музыкант нечеловеческим голосом и все оставшиеся талисманы на его рогах затряслись. — Я спас моего сына! И я найду ему новое тело, после того, как отрублю ваши головы.

Вален уже успел убедиться, что практику перед ним несложно разыграть гнев. Ничего иного и нельзя ожидать от старейшины тёмного пути. Его слова – это острые ножи, направленные в сердце собеседника. Сейчас, когда исход зависит от силы воли и решимости, он говорит то, что может поколебать боевой дух…

…но почему тогда именно эту технику, способную мгновенно обезвредить всех противников, он не желал применять, пока не оказался в отчаянной ситуации?

— Ещё скажи, что он вправду погиб от несчастного случая.

— Несчастного случая?!? Эта шлюха сожгла моего сына живьём, прежде чем покончить с собой! И почему? Ради чего? Ради мести за того мерзавца! Но я сумел сохранить душу моего бедного мальчика, и я найду ему новое тело! Какой отец не пожертвует чужим ребёнком ради своего?

Вален покачал головой:

— То, что ты пытаешься сделать – невозможно. Это всё равно, что породить нового архидемона. У тебя выйдет лишь простой демон, одержи…

— Разве трактаты и наставления не гласят, что культивация духовной энергии бросает вызов самому небу и совершает невозможное?

Старейшина взмахнул мечом. Силы возвращались к нему – по заваленному битым камнем полю битвы пробежал ветерок:

— Хватит заговаривать друг другу зубы. Мы оба знаем, что нам не договориться. Я, Тайр из рода Элл, прозванный Могильным Музыкантом, решу исход нашей битвы следующим ударом.

— Я, Лотрек, Старейшина Добродетельный Демон, встречу твой клинок своими.

Вален ответил в точности скопировав тон противника. И на миг тот поверил его словам. А потом оказалось слишком поздно. Убийственное намерение было слишком хорошо скрыто. Аура, которую он обычно почувствовал бы, стёрта волшебным поясом, одолженным у Наттара.

Четыре удара грома слившихся в один раздались над развалинами, разом сверкнули четыре молнии. В последний миг Могильный Музыкант почувствовал угрозу со спины, начал Земной Шаг – но вся верхняя половина его тела разлетелась на куски, не успев уйти в землю.

«Я запрещаю тебе вступать в бой,» говорил Вален Сурэнохе в начале этой ночи, «пока не будут выполнены два условия. Во-первых, пока ты не спрячешь ребёнка в лесу. Во-вторых, пока не станет ясно, что Могильный Музыкант выложил все свои козыри. Надеюсь, мы убьём его гораздо раньше. Но если сражение затянется, сделается битвой на истощение… Хммм, думаю, верным признаком этого будет исчезновение барьера формации. Пока он существует – не смей даже приближаться к внешней стене. Даже если он исчезнет – двигайся осторожно и незаметно. Ты в первую очередь охотница, а уж потом фехтовальщица. Выискивай возможность для внезапного удара в спину!»

Сурэноха определённо приняла слова Валена близко к сердцу!

Глава 15. Табличка Нефритового Кулака.

Илнари, второй наиболее могущественный старейшина Раушрама, выглядел почтенным и величественным пожилым человеком. Его длинные седые усы свисали до груди, густые брови немного напоминали крылья чайки, а тёмные глаза и всё выражение лица были исполнены спокойной мудрости. В своих скромных, но со вкусом подобранных одеждах, он выглядел словно древний мудрец, сошедший с картинки. Вален, едва увидев его, подумал, что этот практик – большой пройдоха и бессовестный негодяй.

Пары минут общения, когда Илнари, во главе целого отряда практиков, явился поглядеть, чем вызван фейерверк в поместье коллеги, хватило, чтобы укрепиться в этой мысли. Что-то в его манере подсказывало: он разговаривает вежливо лишь потому, что победители Могильного Музыканта встретили его, твёрдо стоя на ногах, так что связываться с ними ему показалось невыгодным.

По счастью, парализующий эффект Призрачной Музыки не оставлял длительных последствий. А если оставлял, то они не были заметны сразу. Прочие ранения оказались пустяковыми – ожоги кожи, ссадины, треснутые кости. В пылу боя их никто и не заметил. Вален даже не обратил внимания на то, что при попытке блокировать нефритовую иглу сломал себе два пальца – в будущем надо быть внимательнее к собственному телу, вместо того, чтобы машинально блокировать боль. А после боя пилюли за считанные минуты справились с такими мелкими повреждениями.

Так что сейчас Вален и остальные выглядели так, словно одержали лёгкую победу. Старейшины Раушрама не принадлежали к одному братству практиков, их власть зависела более от наличия могущественных покровителей, чем от способности лично наводить страх. Как Вален и предсказывал, уважаемого Илнари больше интересовали собственная шкура и возможность наложить руки на имущество покойного, чем необходимость показать, что старейшин нельзя убивать так просто.

— Сами видите, — Вален повёл рукой вокруг, — содержимое тайной заклинательной комнаты и книги из личной библиотеки старейшины Могильного Музыканта явно свидетельствуют о его приверженности еретическим и тёмным путям. В чём он и сам сознался во время боя, как вы, многоуважаемый, можете убедиться, просмотрев вот эту нефритовую табличку, на которую я записал свои воспоминания.

Илнари принял табличку, на долю секунды замер, проверяя содержимое, пригладил усы:

— Как я понимаю, уважаемый старейшина Добродетельный Демон, те книги и нефритовые таблички, что вы предъявляете нам – это всё, найденное в поместье?

Вален пожал плечами:

— Вы же понимаете, многоуважаемый, у нас было довольно мало времени. Почти наверняка в уцелевшей части здания найдётся что-то ещё. Возможно, что и в пространственных кольцах Могильного Музыканта найдутся дополнительные доказательства. Мы были озабочены лишь тем, чтобы предъявить наглядные доказательства праведности наших действий. Помимо этого, мы забрали лишь одну табличку.

Вален продемонстрировал Илнари квадратную плашку из белого нефрита, покрытую замысловатой вязью.

— Видите ли, многоуважаемый, я первым делом проверил личные волшебные сокровища Могильного Музыканта. Как вы знаете, они вполне могут содержать сюрпризы, срабатывающие после смерти хозяина. Сюрпризов я не нашёл, зато понял, что вот этот предмет может перейти лишь к тому, кто убил или победил в бою прежнего хозяина.

Брови Илнари чуть шевельнулись:

— Да, я слышал, что покойный сумел как-то добыть одну из Табличек Нефритового Кулака. Такую и вправду не может забрать случайный практик, если, конечно, его понимание волшебных сокровищ не превосходит понимание Досточтимого.

Мысли благообразного старейшины были видны насквозь. Он думал, в первую очередь, о том, сколько всего Вален и товарищи успели прикарманить.

— Что ж, покажите мне остальные сокровища, снятые с тела. Может быть, какие-то замедленные сюрпризы остались незамеченными.

— Конечно. Глядите, вот они все.

Вален врал. Он снял с Могильного Музыканта ещё один волшебный предмет. Но всё остальное действительно оставил. Наттар, Люме и даже немного Сурэноха этим возмутились.

«Они только почуют нашу слабость, как волки чуют кровь», сказал тогда гуай-аспид.

Вален не стал с ними спорить, не было на это времени – просто приказал делать, как он говорит. Возможность разрешить дело миром определялась сложным расчётом угроз и выгод в головах тех, кто прилетит разбираться. Вален был убеждён, что на итог этого расчёта сейчас влияет как личная жадность старейшины Илнари, так и то, насколько произошедшее ему кажется убийством ради ограбления.

— Хмммм, — старейшина снова огладил усы. — Я надеюсь, что и в нечестивые тёмные тексты вы не заглядывали?

— Лишь в той мере, которая была необходима для понимания их природы, — небрежно пожал плечами Вален. — Что бы мы ещё успели за считанные минуты?

Это было полным враньём. Но незачем посторонним знать, что со способностями завершённости внутреннего единства и нынешним уровнем культивации Расцвета Разума, Вален способен прочитать книгу и запомнить всю информацию в ней заметно быстрее, чем обычный человек или гуай её способен пролистать.

Илнари кивнул

— Что ж. Дело мне кажется ясным. Мне придётся сейчас расспросить вас всех поподробнее, и мы ещё вызовем вас, чтобы совет старейшин мог выслушать ваши слова. Но поймите, уважаемый, всё это скорее для порядка. Я уже вижу, что имею дело с добродетельными практиками, которыми двигали самые возвышенные мотивы.

*****

На то, чтобы разобраться с формальностями и вернуть Изариту сына – испуг которого теперь сменился радостным предвкушением того, как он будет рассказывать отцу и сверстникам о своём приключении – ушёл остаток ночи. Солнце уже окрасило восточный горизонт золотом, когда они наконец вернулись в гостиницу.

— Учитель, я всё сделала ровно как вы сказали! — выпалила Сурэноха, едва дверь в комнаты Валена закрылась, отсекая звуки внешнего мира. Ей все эти часы после битвы сиделось на месте ещё сложнее, чем ребёнку.

— Да, именно так. Тебя упрекнуть не в чем. Держи, это теперь твоё, — он вручил Люме Табличку Нефритового Кулака.

А затем обвёл Наттара и Люме суровым взглядом. Но Люме упредила его:

— Дорогой, может быть перед тем, как ты начнёшь распекать нас за то, что мы испытали некоторые трудности, сражаясь со старым практиком на цвет выше на его собственной территории, ты, сперва, отдохнёшь? Даже на четырёх цветах человеку ещё нужен сон.

— Если бы это в полной мере была его территория, мы бы так дёшево не отделались. Хорошо, ростовщик не солгал, формация в поместье Могильного Музыканта была поставлена другим практиком за деньги, потому и оказалась такой простой. — покачал головой Вален.

— Впрочем, ладно. Утро вечера… — он поглядел за окно, — вечер утра мудренее.

*****

Проснувшись, Вален, конечно, понял, что у него есть ещё одно дело посрочнее разбора полётов, так как в постели он не один.

— Если ты думаешь так меня отвлечь или задобрить, то зря, — заметил он после.

Люме только рассмеялась и поцеловала его в лоб:

— Если бы тебя можно было задобрить так просто, разве я влюбилась бы в тебя? Тебе в самом деле нужно было передохнуть, вот и всё.

Услышав эти слова Вален примолк. Сделался невозмутимым и непроницаемым, словно поверхность пруда в безветренную ночь. Кто-то не так хорошо его знавший вообще не замечал бы моментов, когда он прячет эмоции. Тем более, что это выходило у него всё лучше и лучше, прежняя холодная маска постепенно сменялась спокойной непринуждённостью. Люме замечала, и это раздражало её чуть ли не больше всего на свете. Как может быть, что человек постоянно доверяет тебе жизнь, что он доверил тебе свой величайший секрет, но не готов доверить свои истинные чувства? И, если на то пошло, как можно помочь в трудную минуту тому, кто не желает признаваться в наступлении этой трудной минуты?

Однако, Люме и сама была практиком. И ещё лучше Валена умела скрывать свои истинные чувства. А ещё она понимала, с каким человеком имеет дело. Попытка копаться у него в душе без спроса будет ужасной ошибкой.

*****

Что бы там Вален не говорил, а к тому времени как он выбрался из постели и поужинал, его настроение заметно улучшилось. Потому и речь перед товарищами он повёл не совсем такую, как собирался вчера:

— Итак, кто-то тут сказал, что мы «испытали некоторые трудности», сражаясь с Могильным Музыкантом. Я бы подобрал иные слова: мы чуть не померли, хотя у нас была некоторая информация о его умениях и преимущество внезапности. То, что мы все сидим здесь, целые и невредимые – это в большой степени удача.

— Благосклонность Вечного Неба – тоже часть силы практика, — заметил Наттар.

— Так лишь в сказках говорится, и ты это прекрасно знаешь, — отрезал Вален.

Но тут от волшебных знаков над дверью разнеслись звуки, подобные мягкому звону колокольчика. Кто-то желал их видеть.

Вален покачал головой:

— Я открою.

Разговор с практиком в маске Безликих – ох и любили же блюстители закона в разных уголках Нотеры подобные маски – вышел недолгим. Вален только что не потирал руки, когда возвратился за стол:

— Как вы уже сами слышали, нас вызывают на совет старейшин с утра. Почтенный, в глазах некоторых, Илнари велел передать, что если всё пройдёт хорошо, то мы получим вознаграждение из имущества покойного Могильного Музыканта. Это может сильно упростить нам жизнь. От его покойной жены осталась неплохая алхимическая лаборатория. А если даже нам её не отдадут, возможно нефритов окажется достаточно для новой печи. Наттар, можешь не смотреть на меня так. Вряд ли это ловушка. Если бы им было так надо, они напали бы на нас прямо здесь, а не стали бы позориться, хватая гостей под собственной крышей.

Наттар пожал плечами:

— Как-то странно, что такие хваткие практики по доброй воле выпускают из рук деньги.

Вален призадумался. Не может ли быть так, что Досточтимая Тысяча Уловок всё же следит за их приключениями и оказывает помощь из-за кулис? Возможно Но как в этом убедиться?

— Духовный нефрит на их уровне не так уж важен, — пожал он плечами. — Главное – это волшебные сокровища, которыми владел Могильный Музыкант, его заметки о культивации.

Да и по части нефрита, его владения в городе куда значимее содержимого его кладовой. Но мы, кажется отвлеклись от недостатков нашей тактики…

— …вот так и получилось, что последний удар нанесла младшая Сурэноха, а не кто-то из нас. В результате чего мы, кажется, получили на свою голову проблему.

— Старший брат, ты говоришь про эту Табличку Нефритового Кулака? — поинтересовался Наттар.

— Про что же ещё. Я пока ещё не знаю, для чего она предназначена. Анализируя её узор, я понял лишь то, что она переходит от побеждённого к победителю. Но, есть у меня подозрение, что она принесёт тебе, Сурэ, несчастье. И всем нам заодно.

*****

— Сдаётся мне, что ты, старший брат, накаркал, — заметил Наттар на следующий вечер.

К тому времени они уже успели побывать на суде совета старейшин и вернуться оттуда свободными. Притом, куда более богатыми. Алхимическую лабораторию им не отдали, но их награда за раскрытие практика тёмного пути превышала тридцать пять тысяч духовных нефритов. Более того, Илнари, сыпля заверениями в дружбе, пообещал провести их на предстоящий в скором времени аукцион особо ценных сокровищ, который будет проходить под его наблюдением. Если ты не решился просто уничтожить опасного пришельца, то лучше расположить его к себе услугами. Или, по крайней мере, как-то компенсировать скромный размер награды, чтобы не обиделся.

Теперь перед Валеном открывался ясный путь к обретению алхимической печи высшего – или только лишь на шаг ниже высшего – качества. Особенно потому, что в день перед нападением на Могильного Музыканта Вален закупился некоторыми ингредиентами, которые, по уверениям Сейроса, возил в Раушрам его господин. Коммерческое предприятие увенчалось успехом. Едва известие о смерти старейшины распространилось, как эти ингредиенты резко взлетели в цене – практики боялись нарушения поставок. Тут же продав купленное, Вален остался в немалой прибыли. Иные сделки почти столь же выгодны, как простой грабёж, зато вызывают куда меньше возмущения. Всего для покупки печи алхимической печи у Валена имелось около полусотни тысяч духовных нефритов. Не густо, но шансы есть: в отличие от готовых к использованию пилюль, алхимические печи редко вызывают ажиотаж среди покупателей.

В общем, казалось, что поводов для хорошего настроения достаточно. Но настроение Валена было таким же дурным, как его предчувствия. И причиной тому была простая нефритовая плашка. У него холодок пробежал по спине, когда он услышал, что Табличка Нефритового Кулака может сменить владельца лишь в бою насмерть – убивать предыдущего владельца не обязательно, но необходимо, чтобы он всерьёз сражался за свою жизнь. И что она даёт пропуск на какое-то там состязание, которое устраивает Досточтимый Блуждающая Звезда и которое должно начаться через пару лет.

Конечно, действительно могущественных старейшин и Наставников это состязание не интересовало. Но всё же, найдётся достаточно практиков, готовых убить за этот бесполезный кусок камня.

На этот раз даже Сурэноха чётко почувствовала настроение Валена:

— Господин учитель, чего же здесь плохого? Лишняя мне причина культивировать усердно и поскорее догнать вас. А уж если я на состязании Досточтимого…

— Только не говори мне, что ты всерьёз думаешь о появлении на глупом турнире, где практики убивают друг друга ради глупых наград! Думаешь, Досточтимый позволит чему-то действительно ценному попасть в чужие руки?

— Но господин учитель, вы же даже ещё не узнали, какие награды он предлагает в этот раз!

Вален смотрел на умоляющее лицо ученицы и его дурные предчувствия усиливались с каждой минутой.

Глава 16. За победой следуют проблемы.

— Продано!

Вален мрачно глядел на подиум главного аукционного зала «Дворца Бесчисленных Сокровищ» из ложи, куда попал благодаря приглашению старейшины Илнари. Алхимическая печь высокого качества, одна из двух таких, выставленных на сегодняшние торги, только что ушла в чужие руки. Практик довольно обычной внешности, прибывший откуда-то с севера Срединных Островов, судя по накидке поверх халата, непринуждённо перебил его ставку. И неудивительно. В пространственном кольце Валена было немногим более пятидесяти тысяч духовных нефритов. Фантастическая сумма для ученика, весьма внушительная для старейшины заурядной секты… но на торги во «Дворце Бесчисленных Сокровищ» не могли попасть люди и гуаи с улицы. Здесь собирались настоящие богачи. Люме предлагала компенсировать недостаток денег, выставив на продажу сокровище, которое добыла во время своих с Наттаром приключений – волшебный веер, способный временно отбирать силу других волшебных предметов прикосновением. Но Вален отказался, заметив, что за такой предмет много не выручишь, уж слишком узкая у него сфера применения, а вот пригодиться в решающий момент он может.

Следует сказать, что мрачный вид Валена был наполовину наигранным. Он успел собрать кое-какую информацию о старейшине Илнари, потом потратил добрый час реального времени обдумывая эту информацию, анализируя мелкие детали их предыдущих встреч, оценивая полученные предложения. Он заранее ожидал, что его ставку на товар, обычно не вызывавший большого интереса, в последний момент вот так вот перебьёт выскочивший из ниоткуда соперник.

— О, не отчаивайтесь уважаемый старейшина Добродетельный Демон. Я не думаю, что для второй печи найдётся покупатель со столь же глубоким кошельком.

Илнари пришёл в свою ложу вместе с Валеном и теперь сидел в кресле с мягкими подушками, попивая редкое вино, насыщенное духовной энергией.

Вален поглядел на него и чуть усмехнулся:

— А если всё же найдётся, то вы, в силу дружеского расположения к такому молодому и талантливому практику, как я, будете готовы одолжить мне недостающую сумму за разумный процент?

Он пожал плечами:

— Лучше бы, конечно, сегодняшние торги завершились без неожиданных вспышек интереса к алхимическим печам и прочих несчастливых совпадений. Иной, более прямодушный и добродетельный практик, на моём месте исполнился бы благодарности к тому, кто готов выручить его в трудную минуту. Но моя душа полна странных извивов и пропитана подозрительностью. Боюсь, что в подобном случае непременно подумаю, будто всё это подстроили не кто иной как вы, используя подставных покупателей, чтобы я оказался вам должен. И тогда, конечно, ваш замысел расположить к себе талантливого юного старейшину, который может стать восходящей звездой мира культивации, приведёт к строго обратному результату. Это стало бы крайне досадным недоразумением.

Илнари не поменялся в лице. Но Валену показалось, что на долю секунды его взгляд помутнел, стал несфокусированным, словно старейшина напряжённо думал.

— Да, такое недоразумение и вправду было бы чрезвычайно досадным, — церемонно кивнул он Валену. — Остаётся надеяться, что Вечное Небо и Владыка Даров благосклонны к праведным людям и гуаям, а потому не позволят недоразумению случиться.

— Остаётся надеяться, — эхом отозвался Вален и усмехнулся вновь.

*****

В гостиницу Вален вернулся уже будучи счастливым обладателем алхимической печи, которую завтра должны были доставить к телепортационному кругу. Не лучшей печи из возможных, да. Но превосходящей всё, чем он пользовался до сих пор, даже когда ещё жил в Секте Шести Печатей. На обозримое будущее этой красавицы из матовой бронзы, изукрашенной геометрическими узорами и малахитовыми талисманами, ему хватит.

— Как видишь, я был прав, а ты нет. Толстые намёки, позволяющие сохранить лицо, работают лучше прямых угроз, — заметил тот Наттару.

Молодой гуай пожал плечами. Он не выглядел убеждённым. А Люме сказала:

— Это потому, что почтенный старейшина Илнари оказался неожиданно разумным. Разумный человек не станет устраивать распрей без нужды, и предпочтёт выгоду требованиям уязвлённого самолюбия. Но мой дорогой, разве ты недостаточно убеждался на собственном опыте, что злые люди и гуаи обычно неразумны? Младший Наттар слишком склонен решать проблемы кулаком, но на этот раз в его словах было зерно истины. Некоторым практикам уже то, что они ещё живы и даже не лишились зубов, говорит, что перед ними слабак, на которого можно давить, которого можно обманывать.

Вален лишь фыркнул.

*****

Он вернулся к этому разговору позже, оставшись вдвоём с Люме:

— Знаешь, когда ты сказала о том, что злые люди и гуаи обычно неразумны, я вспомнил рабочие записки Могильного Музыканта. Это не дневник, конечно, но кое-какие мысли там есть. Я уже говорил, он не врал о том, что случилось с его семьёй. А ведь заварилась вся заваруха, похоже, из-за мелочей. Кто-то кому-то не уделил достаточно внимания. И от таких-то ничтожных вещей, практики, которые всё-таки должны думать мозгами и контролировать страсти, ухитрились довести дело до собственной гибели!

Люме покачала головой:

— Я тебе уже говорила, что ты сухарь, мой господин супруг? Ну вот повторяю ещё раз. Если б ты не был сухарём, то понял бы, что для женщины недостаток внимания – это не мелочи. Нет, не надо на меня так задумчиво смотреть, словно я вдруг превратилась в гигантского скорпиона. Я – особая, потому-то я и могу тебя терпеть. Но заурядная женщина? Тем более здесь, на Срединных Островах, где в доме она навроде подушки, только ещё детей рожать может? Если брак не политический и за ней не стоит могущественной родни. Но Могильный Музыкант ведь выбрал жену из незначительного рода, верно? Уж конечно для неё внимание мужа будет совсем не мелочью, уж конечно такая напугается, если увидит, что муж к ней охладел.

— И решит отомстить заранее, раз уж её жизнь так или иначе будет разрушена?

— Если ума нет, а нрав горячий – да, — кивнула Люме.

— И опять всё упирается в отсутствие ума, — покачал головой Вален. — Ну я же не прошу, чтобы практики были просветлёнными мудрецами, свободными от низменных страстей. Но как можно вовсе не думать о последствиях?

Люме засмеялась. Не слишком весело:

— Эхехе. Сама себя порой спрашиваю. Но что поделаешь: от людей и гуаев жди чего угодно, да и тогда не угадаешь, что они выкинут. Кстати, ты так ещё не разобрался в том, что и как Могильный Музыкант надеялся сделать с душой своего сына?

Вален покачал головой снова:

— Записи старейшины полны условных обозначений, понятных только ему самому и странного символизма. С ходу в них не разобраться. И не понять даже, у кого он такому научился. Это не учение Секты Зимних Плодов, во всяком случае, не явная часть учения, изложенная в книгах, которые я успел прочесть. Но я уже могу сказать, что его волшебство крайне необычно. Оно отвергает систему Досточтимого Золотые Одежды, по которой культивация души начинается на семи цветах. Оно отталкивается от концепции связи души и ауры,

той самой, что мы с тобой столько раз обсуждали. И оно отрицает ортодоксальные представления о демонах, про которые мне рассказывала ещё мать. Центральная идея, питавшая надежду Могильного Музыканта спасти сына – это идея о том, что нет никаких демонов и злых духов. Вернее говоря, все они – лишь души практиков, так или иначе выпавшие из потока перерождений.

Люме поглядела на него пристальнее обычного:

— Само твоё существование, дорогой, говорит, что в целом эта мысль верна. Ты же, можно сказать, ещё один архидемон, четырнадцатый. Но что же тогда получается: его надежды спасти сына была не лишена основания? Если не задумываться о цене, само собой.

Вален некоторое время размышлял, прежде чем ответить:

— Души тех, кто при жизни становятся обычными «одержимыми», а лишившись тела обращаются в демонов, призраков и неупокоенных неизбежно подвергаются чудовищному искажению. Очевидно, что я подобной участи избежал. Почему и как – я не знаю. Могу лишь сказать, что записи Могильного Музыканта, если я сумею разобраться в них, могут содержать важные подсказки о природе душ и демонов.

— И тот амулет, что ты снял с него, тоже может содержать важные подсказки? — невинно поинтересовалась Люме.

— Амулет содержит душу Майшара Элла, сына Тайра Элла, душу, которая может стать демоном, если окажется на свободе! — ответил Вален с неожиданной злостью. — Которая может уже им быть! Что ты от меня хочешь, чтобы я просто раздавил его?

— Я хочу, чтобы тебя не мучила потом совесть, вот и всё. И если я хоть немного тебя знаю, то способ для этого один: придумать, как даровать душе покой.

Вален фыркнул:

— Хватит уже сказок о том, что я безмерно добр. Причём тут доброта, когда гнев неупокоенного, если он задержится в этом мире, обратится именно на нас? Блуждающего призрака или демона не убить простым волшебством, а неприятности он может доставить серьёзные. Я лишь думаю о последствиях. Да, думаю, в отличие от многих дешёвых негодяев. И ничего более.

Но судя по улыбке Люме, она не слишком поверила его словам.

*****

Возвращаясь из Раушрама, Вален прихватил с собой старого Изарита, его сына и вообще всех людей и гуаев из побочной ветви клана Фориат. В прежние времена их сочли бы лишними в клане, но сейчас основная ветвь ослабла настолько, что ей были важны любые практики. К тому же, маленький Кериан обладал неплохим талантом. Вейраоль почти сразу заявил, что примет мальчика в личные ученики – сомнительная честь, учитывая слабую культивацию самого Вейраоля. Вален решил, что если найдёт немного лишнего времени, то поможет главе клана в его саморазвитии. Надо бы только придумать, как предложить помощь, чтобы тот не оскорбился, не подумал, что чужак пренебрежительно смотрит на учение древнего клана. Предложить можно будет чуть попозже, после того, как пройдёт свадьба Вейраны Фориат с Бальтосом из Секты Весенней Бури. На которую, кстати говоря, настоятельно приглашали Валена и его спутников.

Если их возвращение в клан Фориат было встречено радостным изумлением, то возвращение в Секту Добродетельного Демона сделалось настоящим триумфом. Ученики не могли в полной мере оценить трудности, которые преодолел их старейшина. Но в их глазах он и так уже был полубогом. Восторженные – и, в случае Наттара, безбожно преувеличенные – рассказы об их подвигах на Срединных Островах заставили ауру его величия сиять ещё ярче.

Но если подумать, они и вправду добились многого. Выполнили и перевыполнили все свои планы. Не только установили телепортационную связь со Срединными Островами, не

только приобрели подчинённый клан, не только добыли почти всё, что хотели, но и завоевали определённую репутацию.

Полный триумф? Вроде бы, есть лишь загвоздка: он достался ценой двух проблем. Первой из них являлась Секта Зимних Плодов. Да, Могильный Музыкант формально был изгнан из своей секты, но никто не сомневался, что именно её интересы он представлял в Раушраме. Однако, Вален с самого начала знал, что эта секта очень заботится о своей репутации. Потому, как видно, и пошла на «изгнание» Могильного Музыканта, когда отправила его заниматься тёмными делами. Секта Зимних Плодов не нанесёт прямого удара – но может затаить вражду. В будущем от неё следует ждать неприятностей.

Второй же проблемой стала Табличка Нефритового Кулака, теперь лежавшая в пространственном кольце Сурэнохи.

*****

Сурэноха замахнулась всеми четырьмя мечами разом. Сейчас, когда она была в обличье четверорукой человекообразной стрекозы, даже Наттар не смог бы отбить все её удары.

Как и прежде, он не стал отбивать. И уворачиваться Текучим Шагом тоже не стал. Рывок навстречу атаке, удлинившаяся рука, звонкий удар прямо в хитиновую броню на груди – и Сурэноху отбросило на десяток шагов. Когти её ног оставили длинные царапины на полу тренировочного зала.

Опять! Опять она попалась на контратаку! Да ещё не мечом, а голым кулаком! Ей хотелось плакать, но в нынешнем облике это было невозможно при всём желании.

— Давай снова!

Наттар мотнул головой, с его лица пропало расслабленное отсутствие выражения, служившее признаком очищения разума:

— Ммммм, может хоть пилюлю съешь?

— Если после каждого удара есть пилюли – так и отравиться недолго! Давай снова! — она приняла боевую стойку, посильную лишь четверорукой, подняв два меча высоко, а два нацелив на противника.

— Ну как знаешь.

Пару часов спустя Сурэноха обнаружила себя лежащей на холодном каменном полу и глядящей на тусклые световые линии, пересекающие потолок. Судя по приятному сладковатому привкусу во рту, Наттар сунул ей в рот пару пилюль, пока она лежала без сознания. Сам гуай-аспид сидел рядом. Она слышала его дыхание.

— Сооооовсем себя не жалеешь, — протянул он задумчиво. — С чего это ты так взбесилась? Неужто вправду хочешь на состязание Досточтимого?

— Конечно хочу!

— И зачем? Чтобы стать сильнее? Есть способы и получше. Не такие опасные.

Сурэноха молчала.

— Сурэ, я вроде как тоже твой учитель теперь. На вопросы учителя ученице положено отвечать.

Молчание.

— Вален всё равно тебя не пустит. Уж я-то его знаю. Слишком он о тебе заботится.

— К чему мне такая забота! — силы быстро возвращались к Сурэнохе, спасибо пилюлям. — Не пустит, говоришь? Спорим?

Глава 17. Глупости.

— Ты упражняешься очень усердно. Но этого недостаточно, — сказал Вален Сурэнохе.

Они снова сидели на песчаном островке, где уже привыкли отдыхать, прислонившись спинами к противоположным сторонам одной и той же пальмы.

— Опять сжалась. Расслабься. Я чувствую твоё напряжение. Сидишь так, словно ожидаешь наказания. Просто следи за волнами. Ты не пройдёшь начальный этап внутреннего единства и не станешь той воительницей, которой хочешь стать, если умиротворение продолжит ускользать от тебя.

Сурэноха несколько секунд помолчала, выполняя дыхательное упражнение. Хотя Вален глядел лишь на лижущие песок лазурные волны, он мог безошибочно сказать, что тело ученицы и вправду расслабилось.

— Учитель, можно спросить?

— Спросить можно всегда, — спокойно ответил Вален, не напомнив, что за время их знакомства говорит это уже в двадцатый раз.

— Учитель, но ведь практик внутреннего единства лишь скрывает свои чувства, как скатхвостокол скрывается в песке. Какое же это умиротворение?

Вален усмехнулся – беззвучно, чтобы ученица не подумала, будто смеются над ней.

— Сурэ, ты сейчас задала очень правильный вопрос. Вопрос, который ставил в тупик многих практиков, способных лишь повторять то, что они прочитали в древних наставлениях. Парадокс стадии внутреннего единства в том, что умиротворение и должно оставаться маской, видимостью. На этой стадии практик ещё не достигает такого понимания природы своего ума и души, которое позволило бы в эту природу свободно вмешиваться. Возможно, что полное понимание недостижимо в принципе, вспомни про третий признак тёмного пути. Возможно, что когда практик говорит себе «я – не то, а вот это», он не может не ошибаться, а потому обречён искалечить себя, когда попытается воплотить эти слова в реальность. Тем более таким грубым и неточным методом, как вмешательство в работу тела. Однако же, понимая, что нужно скрыть под маской и как эта маска действует, ты лучше понимаешь себя. Осознаёшь, в какой мере твой ум зависит от капризов тела, а в какой – не зависит. «Суть стадии внутреннего единства – в понимании того, как взаимодействуют тело и разум, чтобы привести их в гармонию». Для тебя, Сурэ, правильная культивация начального этапа внутреннего единства особенно важна.

Голос Валена был мягким. Он чётко слышал частоту сердцебиения и дыхания ученицы, синхронизировал с ними темп своей речи. Этот трюк, которому его научила Хунбиш, заставлял слова казаться убедительнее, лучше запечатляться в памяти, если слушатель изначально доверяет говорящему.

— Почему, учитель?

Вален спокойно ответил:

— Усердными упражнениями, ты устранила свои меньшие слабости. Ты можешь исполнить четыре Громовых Клинка разом или пару десятков быстрой цепочкой. И теперь тебя сложно подловить в момент начала техники. Наттару порой удаётся, ну так это потому, что он – Наттар. Но после нескольких десятков тысяч схваток с Наттаром и мной ты, несомненно, убедилась, что от твоей главной слабости не избавиться усердием. Твои природные склонности подходят для неожиданного нападения, но не подходят для схватки лицом к лицу с осторожным противником.

Сурэноха чуть слышно вздохнула. Вален и вправду много раз показывал ей, что когда он сражается всерьёз, единственный способ его коснуться – это стремительный удар с близкого расстояния. Если в начале схватки Вален слишком далеко, чтобы достать его сразу, он

будет непрерывно уходить Лёгким Шагом, отвлекать Остаточными Образами, дезориентировать бомбами, пока не истекут несколько секунд действия дара Ненасытной Охотницы и скорость гуайши-стрекозы не упадёт. Почему Наттар мог загнать Валена, хотя бы в тренировочном зале, а она нет, хотя на равных светах её движения были быстрее? Девушка давно знала ответ: очищение разума позволяло старшему гуаю чувствовать наиболее выгодные пути к цели. Позволяло не попадаться на хитрости учителя. Однако у неё самой никакой природной склонности к очищению разума не оказалось. А её сердце воина учитель называл… странным и недостаточным. Сурэнохе всё казалось, что вместо «недостаточным» ему хочется сказать «неполноценным».

— Я обещал тебе, что научу тебя большему. Но я не предвидел, что мы встрянем в настолько серьёзную переделку, едва лишь выйдем во внешний мир. Потому и не торопился, хотел, чтобы ты сперва прочувствовала ограничения боевого стиля, к которому ты склонна от природы. Однако же, природная склонность не означает невозможности расширить свои пределы.

Несколько секунд царила тишина, нарушаемая лишь тихим плеском волн. Насколько Вален мог судить, ученица внимательно, но без лишнего напряжения, ожидала, куда его речь пойдёт дальше.

— Твои природные склонности подходят для неожиданного нападения. Это касается и тела, и ума: по сей день ты думаешь в бою как охотница или рыбачка. Ты приспособлена к долгому, терпеливому ожиданию, за которым следует стремительное и краткое действие. Однако, что делать, если добыча знает о твоём присутствии изначально, ожидает броска, видит крючок? Пока ты можешь давить равных по цветам противников голой скоростью, но чем дальше, тем это будет сложнее. Как ты сама видела, уже у практиков четырёх цветов нередко есть спасительные сокровища и техники, благодаря которым их сложно убить одним внезапным ударом. А опытных старейшин очень сложно застать врасплох, если они не вымотаны боем. Потому в поединках твоё положение всё чаще будет невыгодным.

Вален сделал многозначительную паузу, прежде чем продолжить:

— Но кто сказал, что скрывать можно лишь своё присутствие? Правильная культивация начального этапа внутреннего единства, умения скрывать свои чувства под идеальной маской, важна для тебя как часть будущего умения скрывать от врага свои способности в бою. Гармоничное сочетание защиты и нападения тебе недоступно. Но если ты научишься притворяться слабой и пассивной, просто куклой, телохранительницей, притворяться, что ты приучена вести бой от обороны… Если ты научишься обманывать противников и стремительно атаковать, стоит им действительно подставиться… Это изменит всё. Тогда ты станешь не просто скрытым оружием нашей четвёрки. Ты сможешь успешно сражаться в поединках. Конечно, придётся усердно учиться. Твёрдо освоить основы защиты в бою, чтобы не умереть сразу. Но я думаю, что такое тебе вполне по силам. А как ты думаешь, ученица?

— Конечно мне такое по силам, тут главное не лениться. Ах, учитель, вы так добры! Не могу поверить, что вы решили подготовить меня к состязанию.

— Участвовать в состязании Досточтимого Блуждающая Звезда – верх глупости и я готовлю тебя к чему угодно, только не к нему. Он позволяет практикам сражаться друг с другом насмерть. Он допускает к состязанию любых преступников и тёмных культистов, обещая всякому, кто не нарушает его законов возможность покинуть его владения невредимым. Резня обычно начинается ещё до того, как участники сойдутся друг с другом – многие являются без табличек, дающих пропуск на состязание, в надежде захватить чужие. Досточтимый устраивает Состязание Нефритового Кулака раз в двадцать пять лет, это будет уже третьим, и говорят, что каждый раз на нём погибает самая буйная и отчаянная часть молодого поколения практиков со всех Срединных Островов, если не со всей Нотеры.

— Учитель, а разве вы хоть раз отступали перед опасностью?

— Сурэ, я у тебя на глазах целый год терпел изуверов из Сект Перерождённых Элементов. Одно дело – не отступить перед опасностью, другое дело – положить голову под топор.

— Учитель, разве я настолько бездарна, чтобы наверняка лишиться головы?

Расслабленное спокойствие давалось Валену всё тяжелее.

— Нет. Но риск будет неоправданным. Оружие, изготовленное Досточтимым и возможность заглянуть в древние свитки боевых искусств для тех, кто прошёл все испытания и попал в первую пятёрку – не настолько серьёзная награда. А слава и известность нам сейчас вовсе не нужны. Секта Добродетельного Демона и так уже привлекла слишком много внимания.

— Учитель, значит, вы запрещаете мне участвовать?

— Не надо злоупотреблять поим позволением задавать вопросы. Лучше объясни, почему тебя так тянет на Состязание Нефритового Кулака?

Снова воцарилось молчание. Наконец, Сурэноха сказала:

— Ах, господин учитель Вален. Вы же сами знаете ответ. У меня нет ни ума, ни красоты, ни обходительности, как у старшей Люме. Всё, что во мне есть хорошего – это сила. Потому ведь вы и поставили мне то условие, что поставили, верно? Как же мне стать сильной, догнать вас по цветам, стать видным практиком и достойной женой для вас, если я буду пугаться опасностей?

Вален почувствовал головную боль. Фантомную – от настоящих он, конечно, давно избавился. Попытался перевести всё в шутку, как мог:

— Неужели я стою такого риска? И вообще, мне казалось, что это мужчинам полагается совершать подвиги, чтобы завоёвывать женщин.

— Стоите, — уверенно ответила Сурэноха. — А подвиги… Обычным мужчинам, конечно, полагается их совершать. Если смогут. Но вы же не обычный. Вы герой-практик. За место в палатке героя и вождя женщины нашего народа вообще порой друг друга убивают. Даже попасть к нему на одну ночь и то уже для многих счастье. Разве вы о таком не слыхали, учитель?

«Зеффар бы побрал ваши дикарские нравы. Пожалуй, в обычае покупать жён у их родителей, не спрашивая их собственного мнения, что-то есть», подумал Вален про себя.

*****

Люме рассмеялась в голос, услышав рассказ о произошедшем:

— Мой дорогой, разве ты не слыхал о законе воздаяния, про который любят говорить мудрецы нашей эпохи? Воздаяние – это не суд богов, и не справедливость Вечного Неба, а лишь понимание того, что наши поступки не проходят даром. Ты направил бедную, наивную девушку на путь усердной культивации. Сделал так, что вся её жизнь состоит из тебя и самосовершенствования. А теперь жалуешься на форму вазы, которую вылепил сам.

Вален молча облокотился на столик, за которым сидел, положил подбородок на переплетённые пальцы, мрачно глядя в стену. Ему очень хотелось сказать нечто вроде:

«— И ты туда же! Я всего лишь хотел отблагодарить её за спасение жизни! Больше ничего! Я сперва надеялся, что она найдёт себе кого-нибудь получше. А сейчас, я ведь не отказываюсь взять её младшей женой! Почему люди и гуаи не могут просто вести себя разумно? Не выкидывать никаких безумных глупостей, и не воображать, что именно этого хочу от них я?»

Но, конечно, ничего подобного он не сказал.

Люме подступила к нему сбоку, приобняла и поцеловала в макушку:

— Извини. Зря я распустила язык. Ну что поделаешь, дорогой, даже хорошие люди и гуаи не всегда разумны. Я тебя уверяю – наши младшие это ещё просто золото.

Вален прильнул к ней поближе, со вздохом потёр свой лоб:

— Я понимаю, что побуждения у моей ученицы самые лучшие. Как у Наттара в Раушраме. Но если сейчас запретить ей её глупости, это может надломить её путь культивации. Пло-

хая выйдет благодарность для той, кто мне жизнь спасла. Опять нам придётся искать неприятностей на ровном месте.

— Что-то мне подсказывает: мой почтенный супруг уже нашёл способ найти на том ровном месте не только неприятности, но и выгоды.

— «Нашёл»? Слишком сильно сказано. Но кое-какие идеи у меня есть. Там видно будет.

Глава 18. Потребность в ресурсах.

Глухой, достающий до нутра звук, на грани диапазона, слышимого обычным человеком, раскатился по новой алхимической лаборатории Валена. Выглядела она довольно угрюмо, даже после того, как Вален навёл здесь порядок, а Люме подправила формацию. Стены из тёмного камня, без единого шва. Неживой синевато-белый свет от кристаллов в потолке. Полки и шкафы из потускневшего серебра. Но Вален легко смирился с её внешним видом, когда понял, насколько удобно здесь работать.

Дело было в древней геомантии, помогавшей выравнивать потоки духовной энергии, повышавшей стабильность алхимических процессов. Оценив её, Вален подумал, что строители Зала Пилюль в Секте Шести Печатей ошиблись, сделав его пространственным зданием. Выгоды внутреннего пространства, превосходящего внешние размеры, не компенсировали геомантической выверенности. Впрочем, возможно, что для алхимиков ниже его уровня выгода от последней была слишком незаметной.

Теперь ему не терпелось убедиться, насколько существенной выгода окажется для него. Пробные переплавки показали отличные результаты. И сейчас он, наконец, завершил работу над первой партией пилюль из числа тех, браться за которые раньше было боязно. Вален с трудом дождался, пока утихнет звук, свидетельствующий об окончании процесса, прежде чем взяться за охлаждение печи. Если у него всё получилось, он сможет преподнести кое-кому очень приятный сюрприз.

*****

Люме сперва повеселилась, услышав рассказ Валена о его разговоре с упрямой ученицей. Но очень скоро, когда она побольше подумала о произошедшем, ей стало совсем не весело. Раньше ей казалось, что Валену немного не хватает решительности, он склонен думать, когда уже пора действовать, но в конечном счёте он всегда поступает по собственному разумению. Если только грубая сила и прямая угроза жизни не принуждают склониться перед неодолимыми обстоятельствами. Как вышло, что простоватая ученица смогла добиться от него обещания исполнить свою прихоть? Прихоть, если подумать, не только глупую, но и напрямую грозящую им всем. Когда Наттар втянул их в переделку, реакция Валена была вполне понятной. Если драка уже началась, то для мужчины отступать позорно. А если уж водишь компанию с аспидом, то не жалуйся, что он порой кого-нибудь кусает. Тут сложно упрекнуть Валена, не упрекая заодно саму себя.

Но сейчас-то всё было совсем по-другому. Ничто не мешало просто запретить Сурэнохе её глупую затею… кроме собственного нежелания. Откуда это нежелание взялось? Неужели её муж, со всеми его мудрыми речами и досадой на то, что другие не желают подчинять свою жизнь велениям разума, всё же подвержен страсти? Просто лично она её не вызывает, потому что всегда была для него придачей к своему дару, ходячим источником духовной энергии? Нет, не может быть, сам Вален ещё смог бы скрыть свои чувства к младшей, но младшая определённо не сумела бы скрыть того, что он с ней спит. Тем более что она ещё и начальной стадии внутреннего единства не завершила, её лицо Люме может читать как книгу. Но в чём же тогда дело? Может быть, Вален что-то недоговаривает про обстоятельства их встречи?

К чести Люме следует сказать, что мысль спросить напрямую у неё возникала. Но так как она не знала, что будет делать, если ответ ей не понравится, то мысль эта осталась мыслью. Кто знает, до какой степени лиса накрутила бы себя в итоге, если б не случай, давший ей подсказку.

К этому времени Вален уже давным-давно не занимался с каждым учеником отдельно и не так часто вёл с ними занятия. Слишком уж много их стало, считая молодёжь, раньше принадлежавшую Сектам Перерождённых Элементов. Интеграция которой, кстати говоря, прошла лучше, чем Люме предполагала. Даже во время длительного отсутствия старейшины в секте

никто никого не убил. Вален с Наттаром применили простой метод — разбить учеников на десятки, перемешав бывших Недостойных и бывших кандидатов в тёмные культисты. Ставить перед десятками командные задачи — и наказывать всех разом за проступки каждого. Устроить так, чтобы между культивацией и организованным отдыхом, свободное время у них оставалось только для сна. Нескольких месяцев сурового режима хватило, чтобы ученики перестали обращать внимание на то, кто из них кем был раньше.

Конечно, такой режим не подходил для выявления и развития настоящих талантов. Тех, у кого обнаруживались хорошие задатки, после определённого испытательного срока Вален переводил на индивидуальную культивацию. Среди прочих привилегий, они удостаивались его личных уроков.

И была среди них одна ученица — уже достигшая первого цвета — которая, по мнению Люме, этой привилегии совершенно не заслуживала. Хотя Вален наставлял её как бы не чаще других.

Аноланта, дочь покойной старейшины Аланарии, была невысока ростом и росла красивой, как может быть красива каменная статуя. Она была неизменно учтива и внимательна на уроках, её манеры могли бы обмануть смертного, но с точки зрения Люме ненавистью от неё пахло не в переносном смысле. Всё-таки, кровь не водица. А если рассуждать циничнее, как и подобает лисе, то кто же простит смену положения наследницы секты на положение простой ученицы чувствующей, что её голова не слишком надёжно держится на плечах?

Вален не мог всего этого не замечать. Но виду не подавал. Вёл себя так, словно девчонка была ему… ну если не родной дочерью, то племянницей. И сейчас Люме обратила на это внимание:

— Она непременно предаст тебя при первой же возможности.

Вален как раз отпустил ученицу, закончив тем самым вечерние уроки на сегодня, и взялся было за книгу. Он поднял взгляд на Люме и ответил так непринуждённо, словно речь шла о лучшем способе заваривать чай:

— Что ж, тогда мне придётся её убить. Но если б старейшины лишали жизни по одному опасению, так Недостойных давно бы стёрли с лица Нотеры. А из них состоит две трети моей секты.

Люме только фыркнула в ответ:

— Фех! Я удивлюсь, если хоть одному бывшему дикарю в твоей секте посильны такие возвышенные мысли. Да что там дикари. Эту девчонку бывшие ученики её собственной секты задушили бы, если б ты поначалу не следил за ними, как ястреб.

— Этого я в любом случае не допустил бы. Позволить низшим творить расправу по своему усмотрению — значит утратить власть.

— Да, ты прав, — Люме кивнула. — Но ничто не мешает случиться фатальной ошибке в её культивации…

Вален аккуратно закрыл книгу. Но для тонкого слуха Люме еле слышный звук прозвучал так, словно он захлопнул её со всей силы.

Смертность в Секте Добродетельного Демона была необычайно низка. Особенно для секты, где совершенствоваться позволялось даже ученикам с посредственными талантами. Но всё же проблемы культивации уже свели двух учеников в могилу. Один был явно виноват сам — грубо нарушил заданный ему режим упражнений. В смерти второго Вален винил себя, хотя она случилась во время его отсутствия. В общем, Люме сразу поняла, что ошиблась, вызвала совершенно лишние ассоциации.

— Тебе не следовало так говорить, — спокойно заметил Вален. — Если теперь с Анолантой что-нибудь случится, моё подозрение неминуемо падёт на тебя.

— О? И что же будет тогда? — язык Люме оказался быстрее разума.

Вален посмотрел на неё так, что она разом почувствовала себя несмышлёной девчонкой, несмотря на то, что по годам была старше:

— Мы вместе потому, что я доверяю тебе абсолютно. Что же, по-твоему, будет, если ты совершишь убийство у меня за спиной? И постой. Этот разговор — он ведь на самом деле не про Аноланту. Она и угроза с её стороны — лишь предлог. Чем ты на самом деле недовольна?

Хоть Люме и смутилась, она уже зашла слишком далеко, чтобы отступать:

— Ты говоришь, что доверяешь мне абсолютно. Но твоё доверие какое-то однобокое! Хочешь, чтобы я делала всё по-твоему. А сам не делишься своими тайнами. Как тут поймёшь, отчего ты делаешь так, а не этак?

— Я ведь уже говорил: я считаю, что за мной есть определённая вина перед Анолантой. И пока я не отделю её от экземпляра Фальзеры в ней, я не смогу даже сказать, насколько эта вина…

— Э нет, дорогой. Ты ведь уже сам понял, что мы говорим не про Аноланту. Чего это ты снова свернул на неё?

Вален изобразил тяжкий вздох:

— Мы говорим о том, что я слишком много позволяю Сурэнохе. Во всяком случае, с твоей точки зрения. Я прав?

— Если ты сам это понимаешь, так почему же… Погоди, только не говори мне, что ты и перед ней чувствуешь какую-то вину. Дорогой, я десять раз говорила, что ты чрезмерно добр, но это уже, кажется, слишком!

На этот раз молчание затянулось. Вален всё глядел и глядел на Люме. Той сильно хотелось провалиться сквозь землю — ещё глубже сквозь землю, ведь их покои и находились в глубинах скалы. Она уже почти собралась попросить прощения, когда Вален вдруг встал. Подошёл к двери, убедился, что она надёжно закрыта, заклинания работают и ни одного звука не просочится наружу.

— Я вовсе не такой добряк, каким ты меня считаешь. Хочешь знать, что на самом деле случилось с прабабкой Сурэнохи? Я добил её собственными руками.

Пересказ подробностей не занял много времени.

— Ты не такой добряк? — развела руками Люме, едва Вален умолк. — Ну надо же. А грызёшь себя лишь из-за того, что разделался со старой крысой. Дорогой, ты хоть знаешь, что младшая Сурэ по секрету рассказывает о своей жизни до встречи с тобой? Нет? Ты её расспрашивал?

Впервые за весь разговор, Вален, казалось, смутился:

— Я не хотел показывать лишний интерес к ней. Не хотел поощрять её детскую влюблённость. Ну а после того, как ты сама стала её ко мне сватать, заводить такие разговоры уже было неудобно.

Люме покачала головой, развела руками, раздражённо махнула лисьим хвостом:

— Мой почтенный супруг, мне хватило трёх вечерних бесед, чтобы убедиться: для Сурэ ты стал первым и единственным светлым пятном в её жизни. Что там, всем её миром. Я ведь потому и подумала, что неплохо бы её взять младшей женой, — Люме не стала уточнять, что подумала бы совсем по-другому, если бы считала Валена менее сухим в делах любви. — А для её старухи она до сих пор доброго слова не находит. Почтительные слова и то до сих пор с трудом из себя выдавливает. Тебе стоило сразу сказать ей правду. А раз не сказал сразу, то скажи теперь. Я сейчас её позову. Или мне самой это сделать?

— Нет, — сказал, как отрезал, Вален. — Я расскажу ей всё. Когда выберу момент.

Пару секунд они играли в гляделки. Наконец, Люме опустила глаза и словно сдулась: плечи поникли, уши опустились, хвост повис, словно вдруг стал свинцовым.

— Извини. Мало того, что я залезла тебе в душу, так ещё раскомандовалась. Просто…

— Просто ты волнуешься, что я слишком потакаю моей ученице. Так не волнуйся. Да её желание участвовать в Состязании Нефритового Кулака довольно опрометчиво. Соваться туда рискованно. Но… — Вален чуть улыбнулся. — Люме, ты готова выслушать небольшую лекцию от Старейшины Добродетельного Демона?

— А у меня есть выбор? — она беспомощно развела руками.

— И вправду, нету. Слушай: на подготовку к тому, чтобы спасти мою мать и, возможно, всю Нотеру, у нас остаётся неполных четырнадцать лет. А если я не бредил перед тем, как стёр свою память — то до бедствия, вызванного схождением последнего архидемона, вполне может оставаться неполных двадцать пять. Ведь «три» года уже прошли, значит, следующий опасный рубеж — «тридцать» лет. За короткий срок мы поднялись очень высоко, но сложность культивации поднимается с каждым следующим цветом. Три цвета может получить почти всякий, если культивирует на благословенной земле, достаточно не быть лентяем или слабодушным трусом. Четвёртый и пятый цвета уже требуют таланта выше среднего либо хорошего выполнения предыдущих прорывов, а лучше всего вместе. К тому же, силы воли при прорыве уже недостаточно, требуется глубинное понимание. Даже на обильной благословенной земле и после нескольких этапов отсева негодных, как в Секте Шести Печатей, четыре цвета становятся пределом для значительного большинства, достигший пяти считается уважаемым старейшиной. А прорывы на шестой и, особенно, седьмой цвета проверяют весь предыдущий путь практика. Помнишь, как говорит «Начальное наставление» — любая трещинка в основах тела и души становится зияющей пропастью. Даже если семь цветов не обязательны для культивации души, мы четверо должны достигнуть шести, как минимум. Мы должны вооружиться до зубов. Иначе нас прихлопнут, как назойливых насекомых, едва мы сунемся в конфликт Досточтимых и Наставников. Чтобы это сделать за неполные четырнадцать лет, нам потребуются во-первых, огромная твёрдость и целеустремлённость. На грани безумия, потому, что иначе невозможного не совершить. Но откуда им взяться у практиков, которые легко уклоняются от трудов и опасностей? А во-вторых, нам нужны огромные ресурсы, уже потому, что благословенная земля Острова Пяти Элементов недостаточно хороша, чтобы здесь быстро сконденсировать духовную энергию даже для пяти цветов. Кроме этого, нам понадобится арсенал сокровищ и алхимических средств, пригодный для битвы практиков высочайшего класса. А главное, теперь я могу заняться алхимией всерьёз. Сама знаешь, обычно алхимические пилюли — плохая замена правильной культивации. Пользоваться ими для улучшения тела или меридианов — разменивать выгоду сейчас на проблемы потом. Но это потому, что даже опытные алхимики не могут стабильно делать пилюли высшего качества. А я теперь смогу. Вот только стоить всё это будет очень дорого. В Раушраме мы узнали, насколько дорого. Я запоминал цены не только на то, что нам было нужно сейчас, но и на то, что может понадобиться в будущем. А позавчера я не просто так ушёл в себя на весь вечер — я просчитывал наш баланс доходов и расходов. Нам никогда не добыть нужных ресурсов мирным и честным путём! Не за такой короткий срок. Даже если мы прямо завтра начнём массово тренировать учеников в алхимии и зачаровании, не обращая внимания на их боевую силу; даже если мы сами решим играть вдолгую, не обращая внимания на то, что опасность может обрушиться без предупреждения — мы не выйдем на нужные цифры раньше, чем через полсотни лет. Пустить на продажу наши секреты? Мы слишком слабы и ничтожны, настоящей их цены нам не заплатят.

Вален решительно взмахнул рукой:

— Я назову вещи своими именами: у нас нет иного пути, кроме грабежа. Или таких коварных и бесчестных сделок, которые может заключать только сильный. Но разве Состязание Нефритового Кулака не даст нам возможности безнаказанно грабить тех, кто сам пришёл туда снимать пространственные кольца с трупов? Да и награды нам помогут, особенно тебе, Люме. Признаюсь, я бы предпочёл идти мирным путём, не рискуя нашими головами. Потому порыв младшей мне и казался лишним риском, лишней головной болью. Пока я не поглядел, на что

способен с новой печью и не выполнил подсчёты. Посуди сама — мы не можем купить или заработать усердием тот успех, что там нужен. Мы можем только выиграть его. А разве можно на этом свете что-то выиграть, ничем не рискнув, ничего не поставив?

— Вален, мой дорогой супруг, я и не знала, что ты можешь говорить так складно. Подумать только, как мужчина готов извернуться ради потакания женской прихоти, — тон Люме, однако, сделался игривым. И надо сказать, что на этот раз он вполне отражал её настроение. — Нет, не смотри на меня так, словно я собираюсь придумать какую-нибудь прихоть забавы ради. Если б я была на такое способна, ты бы давно меня раскусил и на мне не женился.

Вален позволил сомнению отразиться в своём взгляде, но решил свернуть на другую тему:

— Ты не удивлена, что такой якобы добрый человек, как я, столь прямо разговаривает о грабеже?

— Ты сперва ограбь кого-нибудь. Практики, забрызганные кровью с ног до головы и разглагольствующие, как они любят тёмный путь — не в счёт. Ну да ладно. Ты, стало быть, успешно проверил новую печь. А что же молчишь о результатах?

В руке Валена появился небольшой шёлковый мешочек. Хоть он и был надёжно завязан, изнутри распространялся нежный аромат с оттенком хвои:

— Да всё думал, как бы сделать тебе сюрприз.

Люме с радостным возгласом схватила мешочек, поспешно развязала его и достала крупную пилюлю, переливающуюся различными оттенками древесно-зелёного. Её поверхность была покрыта сложным узором из завитков и спиралей, а благоухание несомненно свидетельствовало о высшем качестве.

— Пилюли Буйных Зарослей?

— Как ты и просила. Теперь нет нужды ломать ветки, чтобы запихивать их в пространственное кольцо.

Он не стал уворачиваться, когда жена обняла и с чувством поцеловала его.

Глава 19. Опасения сбываются.

Медленные движения серебряной иглы выводили незримый простому взгляду узор на поверхности короткого меча. А меч висел в воздухе, удерживаемый незримой силой, исходящей от двух каменных столбов. Мановений пальца Люме хватало, чтобы разворачивать его нужным образом. Зачарователь мог наносить узоры и без особых инструментов. Люме нередко делала это ногтем. Но качественные инструменты намного увеличивали точность и чёткость узора, позволяли создавать сложные сокровища, понижали вероятность брака. Геомантическая изоляция, как в подземной мастерской, унаследованной от древней секты, также упрощала работу.

Люме сделала шаг назад, с удовлетворением глядя на короткий меч, сталь которого темнела на глазах. Потом глянула в угол, где было свалено с десяток испорченных мечей. Ни первоклассные инструменты, ни отличная мастерская не давали гарантии, когда ты экспериментируешь. Пытаешься продвинуться методом проб и ошибок, опираясь на смесь незаконченной теории с интуицией.

А Люме занималась именно этим.

Теория Валена была не просто новым способом культивировать стадию внутреннего единства. Она меняла всё понимание меридианов. Но что есть узоры на волшебных сокровищах, как не примитивная имитация меридианов практика? Если прежнее представление об узоре, как о наборе каналов, по которым свободно циркулирует духовая энергия из внешней среды неверно, если узор накапливает и хранит энергию – это меняет всё. Ну, почти всё. Сокровища, созданные на основе правильного понимания, будут мощнее при той же сложности узора. Или проще в изготовлении при прежнем эффекте. Практик, который сам обладает таким пониманием, сможет без усилий использовать большое число сокровищ, созданных на его основе. По крайней мере, если каждое их этих сокровищ по отдельности достаточно слабо. При старой системе редкий практик носил больше полудюжины волшебных предметов, включая пространственные кольца. Если нацепить их слишком много, то заметную долю твоих сил будут забирать сокровища, которые прямо сейчас не приносят пользы. При новой системе можно будет зачаровывать всё, что есть на практике, вплоть до обмоток на ногах и нижнего белья. Суммарный эффект от массы слабых по отдельности предметов будет заметен. Теоретически возможно будет даже создавать комплексные сокровища, состоящие из наборов взаимодополняющих предметов…

Ну, осталась малость – создать эту систему. Причём в сжатые сроки.

Возможно, это было попыткой откусить больше, чем ей под силу проглотить. Возможно, разумнее будет не пытаться схватить луну с неба, а просто культивировать стадию внешнего единства, пока последствия задержки на нё начальном этапе не стали катастрофическими. Не ждать, что Вален совершит очередное чудо. Но Люме решила на этот раз поверить своему мужу.

А кроме того, она знала, что Досточтимая Тысяча Уловок сейчас тоже работает над новой системой создания волшебных предметов. Люме не надеялась перегнать её – но надеялась продвинуться достаточно, чтобы заметить любые ловушки в теоретических построениях, которыми Досточтимая может поделиться. Или в сокровищах, которые она может передать.

*****

— Хорошо, ооотлично!

Клинки сталкивались так часто, что их лязг и звон сливался в сплошной гул. Искры духовной энергии летели, казалось, непрерывным потоком. Наттар нападал и справа, и слева, и спереди, с такой скоростью, что казалось будто сразу несколько молодых гуаев рубят и колют своими мечами. Но Сурэноха теперь успевала отражать его наскоки. Её движения оставались

скованными, механическое выполнение основных защитных приёмов. Но и это уже был неплохой результат.

— А теперь нападай!

На этот раз Наттар едва не выругался от разочарования. На переход от защиты к атаке ушло добрых полсекунды. Даже смертный с серым ядром успел бы среагировать.

А секунду спустя он едва не выругался от неожиданной боли в руке, когда странная и неожиданная вибрация передалась по клинку, остановившему рубящий удар, прямо в пальцы. Меч Красной Кисти едва не вывернулся из его хватки.

— Огооо! Это что-то новенькое! Мы же, ведь, сражаемся сейчас без техник, помнишь?

Девушка ехидно улыбнулась:

— А это вовсе и не техника. Разве учитель Вален не показывал тебе такой приём?

*****

Учитель Вален, признаться, не сразу понял, о чём с ним говорят, когда Наттар упомянул этот приём за ужином. Но ловко скрыл своё замешательство и быстро понял, в чём дело.

— О, Сурэ, поздравляю. Ты не просто превзошла меня кое в чём, ты превзошла мои ожидания. Сам-то я забросил развитие моего барьера воли. Не до этого. И этот приём с вибрацией… в общем, мне самому от него так и нет толку в бою. Покажешь мне завтра, чего добилась.

Да, жаль, что не было времени и возможности задержаться на стадии формирования воли. Манипуляции с барьером, которые придумал Вален, не были революционными, не меняли понимания всей стадии. А всё же, сколько раз ему помогало умение подолгу держать слабый барьер, или прикрывать им одно лицо, чтобы фильтровать дым и яд! А вот умения окружать волей оружие, создавать невидимый клинок или заставлять барьер его мелко вибрировать так и остались занятными фокусами. О которых он почти совсем забыл после того, как понял: ближний бой для него в будущем бесперспективен.

*****

Меч Сурэнохи сверкнул лишь раз – и железный столб толще человека распался на две части, верхняя со скрежетом съехала вниз, гулко ударила в пол. Вален коснулся горячего металла. Косой срез оказался очень гладким. Вибрация окружившей клинок невидимой оболочки воли вправду увеличила разрушительную силу. И увеличила значительно.

— Как оценишь расход духовной энергии, ученица?

— Меньше, чем от Громового Клинка.

— Что ж… даже если ты не научишься сочетать удар волей с техниками, это будет полезно. Ведь некоторые противники устойчивы к техникам Металла. Поздравляю ещё раз, ученица.

Сурэноха поспешно поклонилась, чтобы скрыть улыбку до ушей:

— Похвала учителя бесценна!

— Ну-ну. Не забывай – сейчас тебе нужно осваивать прочную защиту.

— Не забываю! Как написано в мудрых книгах – многие из моих сородичей, гуаев-насекомых, знамениты своим прочными панцирями и прочной защитой. Учитель ещё мудрее древних книг, если придумал через это обманывать врагов.

— Нету мудрости в простом обмане. А всё же, упражняйся усерднее. Кто знает, как скоро нам понадобится боевое искусство.

*****

«И кто же меня тянул за язык?» подумал Вален через два дня.

Он изначально ожидал, что после снятия печати благословенная земля Острова Пяти Элементов станет заметной на геомантической карте Нотеры. Но он не ожидал визита от соседей так скоро. И он не ожидал такого числа визитёров.

В рассветном небе висело сразу девять летающих кораблей. Не маленьких лодок, не тяжёлых, неповоротливых барж, а стройных боевых кораблей, какие строили на Срединных Островах, с парусами, напоминавшими рыбьи плавники. Благодаря дозорным, донёсшим об их приближении, ученики, стражи и простые смертные успели скрыться под землёй. Не то что бы её глубины могли стать надёжным укрытием – но, по крайней мере, они скроют ничтожность сил защитников.

Даже Сурэнохе Вален приказал скрываться вместе с ними – таким тоном, что она не осмелилась ослушаться. Хунбиш к этому моменту «прорвалась» на четвёртый цвет, но все знали, что она зачаровательница, а не воительница. Чулмуут и Чиудай пока достигли лишь трёх цветов, о прочих учениках и говорить нечего. Так что одни Люме и Наттар сопровождали Валена, когда он взлетел в небо, навстречу пришельцам. Ведь если встреча пройдёт неудачно, они окажутся в полукольце врагов.

Летающие корабли остановились и зависли в воздухе, не залетев далеко за береговую линию острова. Наглость, но ещё не однозначное объявление войны. Навстречу Валену и его спутникам устремилось двое практиков на летающих мечах. Один из них, высокий ростом и необычайно бледный, носил чёрный халат с вышитыми на нём белыми ночными цветами. Второй, невысокий, загорелый до черноты, носивший аккуратную бородку клинышком, был одет в шаровары и двуцветную ало-зелёную безрукавку.

Вален в Раушраме купил политические карты Срединных Островов, описания значимых сект, кланов и школ. И в первую очередь изучил те из них, которые касались юго-восточного региона, ближайшего к Острову Пяти Элементов. По одежде, и по узорам на парусах кораблей, он тут же понял, с кем имеет дело. Секта Полуночи и Секта Вечного Лета. Секта Полуночи достигла высокого положения, благодаря старейшине шести цветов. Потому и держала в зависимости более многочисленную, стремящуюся к расширению Секту Вечного Лета. Но всё же Секта Полуночи, со всеми подвластными ей сектами и кланами, не могла считаться действительно грозной силой. Слишком уж стар был их глава, слишком ничтожными считались его шансы пройти завершающий прорыв или вовремя воспитать преемника. Её можно было уподобить дереву со слабыми корнями. Что ж, плохо, очень плохо, надежды стать признанной сектой прежде, чем кто-то протянет руку к их благословенной земле, не сбылись. Но могло быть и хуже.

Вален не дал парламентёрам заговорить первыми:

— Я – Старейшина Добродетельный Демон, глава Секты Добродетельного Демона, — усиленный духовной энергией голос разносился на половину острова. — По какому праву вы явились в мои владения непрошенными и незванными?

— Я – Маттемас, третий старейшина Секты Вечного Лета.

— А я – Лемиоль из рода Ланар, глава Зала Наказаний великой Секты Полуночи. По какому праву глава ничтожной секты, о которой никто даже не слыхал, говорит с нами так дерзко? По какому праву человек, своей истинной культивации не показывающий, владеет благословенной землёй?

И Маттемас и Лемиоль выставляли напоказ ауры четырёх цветов. А вот Вален и его спутники прикидывались двухцветными. Очевидный обман, учитывая, что Вален висел в воздухе без помощи летающего меча. Очевидный способ заставить незваных гостей гадать и сомневаться.

Вален фыркнул, вложив в этот звук невероятно высокомерие:

— Хмф. О моей секте уже достаточно слыхали в Раушраме. Ведь я убил одного из городских старейшин, а остальные потом приняли меня с почётом.

По правде говоря, если бы не вся история с Могильным Музыкантом, Вален предпочёл бы как можно дольше сидеть тихо, не выделяясь сверх меры, постепенно налаживая связи с различными сектами и кланами. Как ни меняй имя и внешность, риск опознания сохраняется.

Но раз уж случилось то, что случилось, то нежелание хвастаться своими деяниями лишь вызовет подозрения.

Парламентёры на долю секунды замялись, косясь друг на друга. Юнец в белом халате может, конечно, врать. И, скорее всего, врёт. Но что если он сказал правду? Раушрам – прославленный на Срединных Островах город. Все знают, что старейшин ниже пяти цветов там быть не может. Они двое не противники практику, способному навести такого шороху.

— Мало того, что вы вторглись в мои владения – вы, с вашей-то жалкой культивацией, смеете мне дерзить. Если на ваших кораблях есть кто-нибудь, достойный вести со мной разговор – пусть выходит. Если нет – убирайтесь, пока я не пустил вас всех на удобрения.

Лемиоль склонил голову – скорее в кивке, чем в поклоне:

— Признаю, моё самосовершенствование недостаточно и поверхностно. Великий предок возложил на меня командование лишь потому, что не ожидал присутствия здесь столь достойного практика. Но кто сказал, что я – сильнейший на моих кораблях? Со мною есть воин, который не горазд в речах и не крепок умом, но вряд ли кому уступит в силе на пяти цветах. Так что вам, уважаемый Старейшина Добродетельный Демон, стоит проявить снисходительность к моей личной слабости.

— Оооо! — воскликнул тут Наттар. — Такой сильный воин? Старший брат, как насчёт поединка? Решим дело поединком. Чей боец победит, того и остров!

— Что ж, мысль хорошая, — с мудрым видом кивнул Вален, хотя на сердце у него похолодело. — Что скажешь, Лемиоль?

— Я скажу, что мысль и вправду хорошая, — он обернулся к своему кораблю и закричал так, что с деревьев внизу посыпались листья. — Ойран, выходи!

Глава 20. Оставление тела.

Ойран напоминал соплеменников Сурэнохи всем, кроме размеров – самые рослые из стоявших вокруг практиков доставали ему только до плеча. Из одежды он носил лишь длинную юбку, и потому всякий мог увидеть шрамы, покрывающие его кожу цвета бронзы. Его аура пылала злым огнём пяти цветов. А его меридианы…

Увидев его меридианы, Вален немного успокоился. «Вряд ли кому уступит в силе на пяти цветах» – тут явное хвастовство. У этого практика большой талант, десять-одиннадцать звёзд потенциала меридианов, пусть и со странными признаками нестабильной циркуляции. Но до гениев вроде Вальтии ему далеко. По части боевых искусств и техник наверняка ещё дальше, чем по части духовной энергии.

Валену всё ещё было страшно за Наттара, но следовало признать – гуай-аспид предложил самое верное решение. Поединок с громилой Ойраном опасен. Но сражение с ним и со всей флотилией секты Полуночи одновременно – почти верная гибель. Если только Досточтимая не вмешается.

Поединок будет намного выгоднее, ведь дар Люме сейчас позволял передать одному бойцу часть духовной энергии ещё трёх практиков. Да, больше энергии будет потеряно, чем передано. Во всеобщей битве этим даром следует пользоваться очень аккуратно, усиливая лишь того, кому грозит немедленная смерть или кому предоставилась редкая возможность. И пока взаимодействие их четвёрки ещё не отлажено настолько, чтобы пользоваться этим постоянно. Но если Вален, Люме и Сурэноха стоят в сторонке, то они могут усилить Наттара до уровня, заметно превосходящего уровень идеального гения с двенадцатью звёздами. Когда такая духовная энергия перемножается с исключительной закалкой тела, сила, скорость и выносливость Наттара не уступят среднему практику пяти цветов. Этого достаточно, чтобы побеждать за счёт взаимодополняющих техник физического усиления и превосходства в боевом искусстве. Конечно, у Наттара нет способностей стадии преобразования тела… но эти способности не настолько важны. Основная среди них – быстрая регенерация ранений, но без особых техник она недостаточно быстра, чтобы помочь в стремительном бою практиков. Вот и Наттар понял всё это интуитивно. Он вылетел на несколько шагов вперёд, с таким видом, словно ему предстояла непринуждённая прогулка, а не жестокий бой.

А предводители флотилии Секты Полуночи помчались прочь с большой поспешностью. Лемиоль крикнул на лету:

— Лучше бы вам освободить место для боя, Старейшина Добродетельный Демон! Или потом не жалуйтесь.

И тут же он обратился к своему бойцу, указывая в сторону Наттара пальцем:

— Ойран, вот твой противник! Вперёд! Сокруши его!

Из горла великана вырвался глухой рык, и тело его стремительно преобразилось, покрывшись блестящей тёмной бронёй. Одна секунда – и на месте большого человека оказался громадный двуногий жук. Его голова была увенчана длинным, ветвистым рогом, а гул от бьющихся за спиной крыльев заглушил восторженные крики практиков Секты Полуночи. Весь летающий корабль закачался в воздухе, когда Ойран оттолкнулся от палубы и вихрем помчался к Наттару. А тот парил в воздухе на летающем мече, ожидая атаки.

Вален и Люме успели последовать совету Лемиоля – устремились назад и вверх. Только это их и спасло. Рог, украшавший голову Ойрана, вдруг вспыхнул пронзительным белым светом. Раздалось гудение, на миг перекрывшее шум его крыльев. Белый свет обратился режущей глаза вспышкой. И с рога сорвалась ослепительная бело-голубая молния, казалось, ничем не уступающая молнии природной.

На всей Нотере не больше трёх практиков смогли бы избежать этой атаки, если б оказались прямо у неё на пути. Да и выдержать её было непросто – в один миг пламя охватило сразу с десяток деревьев на холме, в который ударил сверкающий разряд. Наттар рванул в сторону, едва почувствовав враждебное намерение – и в последний миг понял, что не успевает. Он едва успел оттолкнуться и спрыгнуть с летающего меча. И тут же этот меч вспыхнул фонтаном искр, раскалился докрасна, поражённый притянувшимся к нему ответвлением молнии.

Кто знает, чем бы обернулось дело, если б Ойран не продолжил мчаться вперёд. Но он продолжил. И в тот самый момент, когда чудовищный удар грома заглушил все прочие звуки, Укротительница Чудовищ обмоталась вокруг предплечья гуая-жука, рефлекторно подставленного для защиты.

Наттар пока не мог летать сам по себе. Чтобы достать новый меч, ушло бы слишком много времени. Он воспользовался золотой цепью, чтобы избежать падения – и притянуть себя к противнику. Ойран в нынешней форме был втрое больше. Его молния внушала ужас. Казалось, что лишь безумец может по своей воле устремиться в лапы такого чудовища. Но когда Наттар столкнулся с ним в воздухе, захрустел хитин, а не кости. Сверкнул меч, сияющими звёздами рассыпались искры – и грозный рог полетел вниз, срубленный до основания. А гуай-аспид снова извернулся в воздухе – и нанёс гуаю-жуку чудовищный удар ногой в грудь. Тёмный хитиновый панцирь треснул по всей ширине. Рука Ойрана, обвитая Укротительницей Чудовищ, оторвалась напрочь. Сам Ойран отлетел прочь, как чёрное ядро. Ударился о летающий корабль, превратив в щепки одну из мачт, переломав себе крылья и застряв, наконец, в кормовой надстройке. Наттар отшвырнул прочь оторванную руку, втянул золотую цепь в своё предплечье, выхватил из пространственного кольца новый меч, перевернулся в воздухе и встал на него.

— Ээээй, я думаю, это считается моей победой!

Даже Вален застыл на миг, потрясённый яростью битвы и скоростью развязки. А Лемиоль, казалось, побледнел сильнее прежнего. Он проворно подлетел к раскачивающемуся летучему кораблю, в надстройке которого застрял Ойран:

— Недостойная тварь! Мы подобрали тебя, вбухали в тебя столько времени и денег, а ты смеешь проигрывать?!? Соберись! Вставай и сражайся, безмозглый дикарь!

Гуай-жук испустил шипящий стон. Зачарованное дерево затрещало, заскрипело когда он попытался выбраться из дыры, в которой засел. Его левая рука и крылья восстанавливались на глазах. Лемиоль продолжал осыпать его бранью – но вдруг осёкся. А простые практики Секты Полуночи шарахнулись в стороны, словно тараканы на свету. Хотя среди этих «простых практиков» половина были трёхцветными.

Но что стоили их цвета перед Наттаром, слетевшим на палубу их корабля?

— О, значит бой ещё не окончен, — беззаботно произнёс он.

А деревянное кольцо на пальце Валена запульсировало, передавая неслышное послание.

«Убить?» спрашивал Наттар быстрым набором коротких и длинных сигналов.

Вален не колебался и полсекунды. Молодому аспиду пришлось использовать Укротительницу Чудовищ. Зрители может и не поняли, что это такое. Жертва почти наверняка поймёт. Золотая цепь, вытягивающая духовную энергию, слишком приметна.

«Да».

Волны потекли по Мечу Красной Кисти, удлиняя клинок, превращая его в лезвие, которым впору рубить пополам корабли. Аура Ойрана вдруг вспыхнула бело-голубым светом, видимым даже простому глазу, охватила большую часть корабля, захлестнула Наттара. Одежда и чешуя молодого гуая вдруг вмялись под десятками незримых ударов, из угла рта брызнула кровь, подбитый глаз непроизвольно закрылся. Всё же Ойран был настоящим бойцом – в том смысле, в котором может быть бойцом цепной пёс. Его жестоко израненное тело не успевало восстановиться, но его воинский дух ещё оставался крепок. И он приметил, что Наттар пол-

ностью скрывает свою ауру – значит, не сможет полностью защититься ею от бушующей ауры противника. Гуай-жук сейчас не думал о том, что расход духовной энергии на такой шквал ударов одной лишь мыслью и аурой, непропорционально велик. Он выкладывался на полную ради лишних секунд жизни. В его уцелевшей руке появилась целая пригоршня пилюль, он поднёс её ко рту… и вздрогнул от изумления, не успев проглотить. Наттар закрыл глаза, его тело странно заколебалось, словно состояло целиком из воды – а затем он пропал на миг. Исчез, словно его и не было – а ведь сейчас Ойран чувствовал противника, как если бы касался его усиками.

Кроме изумления, гуай-жук не успел почувствовать больше ничего.

А вот мысли Лемиоля понеслись галопом, ещё до того, как верхняя половина Ойрана подлетела в воздух вместе с верхней половиной корабельной надстройки. В отличие от практиков на палубе, которых сейчас подавила, почти парализовала могучая аура, пусть и нацеленная не на них, он разобрал всё чётко.

Мелкий гуай – дикий кот или кто он там – на миг стал незаметен для Ойрана. За этот миг стремительным водным потоком приблизился к нему и нанёс смертельный удар – идеальный удар из идеальной позиции. Что это вообще такое? Техника нематериальности, вроде легендарного Теневого Шага? Нет, в этом случае отказало бы только осязание через ауру. Ойран всё равно проиграл бы, но начал бы реагировать, не был бы разрублен, как колода на тренировочном поле. Какое устрашающее, леденящее кровь боевое искусство! Лемиоль вдруг отчётливо понял – этому мальчишке, который даже не назвал своего имени, достаточно подойти на двадцать, нет, скорее даже на тридцать метров, чтобы держать его, Лемиоля, жизнь в своих руках. Так же надёжно, как если бы он сжимал пальцами его трахею.

Но любой практик четырёх цветов – это испытанный боец, который не теряет бдительности, даже если изумлён до глубины души. Вот и Лемиоль почувствовал угрозу сзади. Обернулся – и увидел Валена. Окружённого роем из многих десятков летающих мечей. И мечи не просто висели в воздухе, механически следуя за хозяином – они разлетались в стороны, окружая и Лемиоля, и Маттемаса, и покалеченный корабль. Да каким же монстром надо быть, чтобы контролировать сразу столько? На какой стадии этот старейшина, изображающий заурядного юношу? Постижение пределов, как у почтенного предка?

— Исход поединка сомнений не вызывает, — мягко сказал Вален. — Как и наше право владеть этой благословенной землёй. Или младшему брату показать вам ещё какой-нибудь приём?

— О, что вы, многоуважаемый! — Лемиоль поспешно согнулся в поясном поклоне, накрыв ладонью кулак. — Наше появление здесь – всего лишь недоразумение, порождённое неведением. Секта Полуночи будет рада установить дружеские отношения с Сектой Добродетельного Демона.

— Нисколько не сомневаюсь. Передайте вашему почтенному и многоуважаемому главе, что Секта Добродетельного Демона не держит никакой обиды на Секту Полуночи и будет рада установить дружеские отношения.

Лемиоль уже испустил было мысленный вздох облегчения. Но тут Вален поднял палец вверх, переводя взгляд с Лемиоля на Маттемаса:

— Да, на Секту Полуночи, как и на Секту Вечного Лета, я обиды не держу. Я готов счесть всё недоразумением и не требовать от них подобающих компенсаций за дерзкое нарушение моих границ. А вот оскорбление, которое нанесли мне лично вы, двое невежд – совсем другое дело. Вы оставите мне свои пространственные кольца. Можете выбирать – только их, или вместе с головами.

Двое практиков огляделись. Кроме них на летающих кораблях был ещё десяток бойцов четырёх цветов. Но что-то ни один из них не спешил высовываться. Весьма позорно будет втянуть свои секты в жестокую распрю – если собственные головы это всё равно не спасёт. Оба, не сговариваясь, потянулись к кольцам.

*****

В эту ночь Секта Добродетельного Демона праздновала избавление от опасности – и чествовала своего старейшину. Под открытым небом были установлены большие столы, распечатаны запасы лучшей еды и выпивки.

Наттар веселился больше всех. Каким-то образом он ухитрился захмелеть. Ну, или делал вид.

— Старший брат, я сделал это! Я достиг оставления тела! — повторил он, кажется, в десятый раз.

Ну ещё бы ему не веселиться. Он, наконец, подтвердил своё положение первого бойца секты. Первого бойца их четвёрки. И оставление тела оказалось ещё более устрашающим искусством, чем они предполагали по описаниям. Вален увидел это чётко. В тот момент, когда Наттар испытал ощущение парения над полем боя, способности глядеть на самого себя сверху вниз, он стал полностью незаметен для духовного чувства. Возможно, это было не обычным следствием оставления тела, а результатом наложения ультимативной формы обнуления мыслей на пояс, скрывающий ауру. А то, что гуай-жук перестал замечать его обычными чувствами – вероятно, было ментальной иллюзией, обманом неожиданно ослабевшего зрения. Но какая разница, иллюзорен ли приём или нет, если он работает? Неожиданное оставление тела будет точно так же застигать врасплох других практиков. Кроме того, всё это подтверждало: оставление тела относится к культивации души. А значит, его изучение может оказаться чрезвычайно важным.

В общем, нежданная стычка сделала названного брата Валена намного полезнее, а самого Валена намного богаче. Содержимое колец оказалось обильным – нефрит, пилюли, дорогие летающие мечи, странные ингредиенты. Почему же он был невесел? Почему внутреннее напряжение не оставляло его? Из-за необходимости улыбаться ученикам, осыпать их подарками из числа взятых сегодня трофеев и делать вид, что сегодняшняя победа была сущими пустяками.

Его уныние заметила по крайней мере одна женщина:

— А теперь жадной лисе пора похитить старейшину у честного собрания! – заявила Люме во весь голос. — Что поделаешь, некоторые поздравления лучше приносить наедине!

И она вправду увела его прочь, под одобрительный шум учеников. Но стоило им оказаться в их покоях, как её манера переменилась.

— Раздевайся и ложись на живот. Я чувствую, что после сегодняшнего сюрприза тебе сейчас нужен только расслабляющий массаж. И возможность снять маску непобедимого старейшины.

— Ты слишком ясно меня видишь, — с явным облегчением отозвался Вален, снимая пояс.

Массаж в исполнении Люме всегда был хорош. Как и следовало ожидать от мастерицы воздействия на меридианы. А сейчас он стал настолько хорош, что и у мертвеца бы прошло трупное окоченение. Что касается возможности снять маску перед женой… ну, раз уж она всё равно заметила его слабость, то не будет лишнего вреда, если эту маску немного приподнять.

— Сегодня мы прошли на волосок от смерти. Выкрутились чистым блефом, — сказал он минуту спустя.

— Похвальное умение – побеждать умом и хитростью, — Люме невозмутимо продолжала разминать его плечи.

— Ненавижу такие переговоры.

— Лишняя мотивация стать великим и ужасным, дорогой.

— Угу.

Вален помолчал немного, сосредоточившись на приятных ощущениях. Потом заговорил чуть более расслабленным тоном:

— Я вовсе не уверен, что Секта Полуночи от нас отвяжется. Всё-таки мы дали им по носу, унизили их посланников, убили одного из их лучших бойцов… Другого выбора, кроме как убить, не было, сама понимаешь почему. Блеф и запугивание сработали сегодня, но кто знает, что будет, когда они вернутся и доложат обо всём. К тому же, мы слишком громко заявили о себе. Планы не высовываться раньше времени окончательно пошли к Зеффару. Как ты думаешь, не слишком ли резко я повёл дело?

Люме фыркнула и надавила чуть сильнее:

— Я думаю, что в тебе говорит умственная усталость. И я думаю, что ты повёл дело слишком мягко. Когда стало видно, что их предводители обгадились, надо было раздевать всю флотилию до нижнего белья. Сам же говорил, что нам поможет только грабёж, а как дошло до дела – снова оказался скорее добродетельным, чем демоном. Я понимаю, ты не захотел давить до предела, пока драки ещё можно избежать, ты всегда так поступаешь. Вот только иные практики в этом видят признак слабости. Как бы Секта Полуночи не разгадала твой блеф. Впрочем, кто знает, наперёд не скажешь.

— Я окружён жестокими, свирепыми и кровожадными практиками, — пробормотал Вален.

— Может быть, — Люме провела пальцами вдоль его позвоночника. — А может быть, это ты плохо усвоил науку старшего Кантоса, который всегда был добр к невиновным и жесток к виновным.

Она не стала развивать мысль, но этого и не требовалось. Что бы сделали Лемиоль с Маттемасом, если бы сила оказалась на их стороне? Позволили бы Секте Добродетельного Демона спокойно уйти? Нет. Уж если ты взялся разбоем сгонять секту с её земли, то надо предложить её ученикам переметнуться, иначе таланты пропадут зря. А те, кто переметнуться отказался – это явно непримиримые враги, которых отпускать нельзя. Будь они в сердце Перерождающегося Континента, у всех на виду, тогда другое дело, там даже разбой и грабёж требуют соблюдения приличий. Но они ведь в чёртовой дыре. Здесь со слабыми можно сделать что угодно. Никто и не узнает.

Но всё же…

— Старший Кантос, — сказал Вален твёрдо, — не карал по одному подозрению. И я не собираюсь.

Люме не стала возражать. А мысли Валена обратились в сторону Кантоса. Как-то там поживает старший брат и учитель? Может, тоже сейчас наслаждается женской компанией?

Глава 21. «Но Досточтимый соврал!»

Когда практик Секты Шести Печатей достигал пяти цветов, достаточных, чтобы именоваться старейшиной, его родне и товарищам полагалось устроить праздник в честь его возвышения. Само собой, праздники были особенно пышными в наставнических родах. Кантос Кас мог бы ждать особенно великолепной церемонии — как гуай, чей талант считался выдающимся в наиболее многочисленном и богатом из этих родов.

Но вот беда — срок заточения, назначенный ему Наставником Кайлео, ещё не истёк. Открытым оскорблением половине секты было бы праздновать прорыв гуая, что дерзко пренебрёг волей трёх Наставников, нарушил целую кучу правил и помог сбежать одержимому Валену Вену.

Потому пышную церемонию пришлось заменить встречей, так сказать, в узком семейном кругу. В гроте, который должен был служить Кантосу темницей, но теперь больше напоминал уютное, пусть и пребывающее в беспорядке, гнёздышко, собрались всего четверо гуаев. Для начала, сам герой дня. Затем, его новые ученики.

Тут надо заметить, что Кантос вовсе не собирался брать себе учеников. И потому, что Валена с компанией ему хватило, и потому, что любой его ученик не мог не оказаться втянутым в опасную игру. Однако, Нарлано и Нарелла, близнецы-тигры и так уже сделались мишенями из-за своей связи с Валеном Веном. Зал Наказаний не мог предоставить им достаточно надёжной защиты. Слишком мало практиков в нём заслуживали доверия — особенно после того, как год с лишним назад прежний глава Зала скончался при попытке прорыва, а его место занял Олеар Отар, внук и верный слуга Наставника Оритилла. Когда Рамала рассказала Кантосу об этой проблеме, тот не думал долго и предложил близнецам своё покровительство как учителя. Чему-то их вправду учить он не собирался, но встретившись лицом к лицу подумал — почему бы и нет? Задатками, умом и усердием они не были обделены, успешно достигли трёх цветов своими силами. Их верность и прочие добродетели вызывали некоторые вопросы, но явной подлостью или трусостью они ни разу себя не запятнали. Род их был незначителен, и с семьёй они расстались враждебно. С одной стороны — причина задавать те самые вопросы касательно их верности, с другой стороны — у них не было опасных связей или родни, которую можно взять в заложники. Имелся у Кантоса ещё и тайный повод завести учеников, о котором он им не говорил. Но главное было в том, что Кантосу близнецы скорее понравились, чем нет.

Сейчас Нарлано сидел скрестив ноги по правую руку от Кантоса за невысоким столиком, уставленным угощениями. Нарелла сидела по левую руку. А напротив него расположился сам Наставник Кайлео. Вероятно, единственный в роду, кто искренне радовался прорыву сына. Именно он принёс яства, украшавшие стол — съедобный жемчуг, копчёности из мяса бессмертного оленя, салат из грибов со ствола трёхкилометрового дерева, пряники с начинкой из пяти видов драгоценных ягод. Каждое из этих блюд было не только вкусным, но и полезным для практика, недавно прорвавшегося на преобразование тела. Само собой, для практиков ниже по цветам они были ещё полезнее, потому Кантос ел скромно, зато постоянно угощал учеников.

— Уважь отца, — сказал Кайлео, после того, как были произнесены все необходимые поздравления и подняты ритуальные тосты. — Скажи, настолько удался твой прорыв? Ты, как говорила Арама, любишь оценивать прорывы в звёздах.

Кантос усмехнулся:

— Насколько удался? На тринадцать из двенадцати. Старик, если б мой результат оказался хуже после стольких лет на внешнем единстве, то мне следовало бы сразу бросить культивацию.

— Ахаха. Не забивай голову младшим ложными учениями. Как будто мало практиков застревают на четырёх цветах навсегда. В некоторых делах усердие и много лет подготовки не спасут, если нету должного понимания.

Пару секунд Кантос сидел молча, уставившись перед собой слепыми ледяными глазами. Будто искал двойной смысл в словах отца. Потом сказал:

— Возможно. Так или иначе, прорыв мне удался очень вовремя. Я намерен отправиться в странствия. Едва освоюсь на преобразовании тела. Там и срок моего заключения как раз подойдёт к концу.

Нарлано и Нарелла уставились на учителя с немым вопросом. А Кайлео усмехнулся, пригладил аккуратно подстриженную бороду:

— Чего-то такого я и ожидал, сынок. Не уверен, что ты сможешь найти своего первого ученика, если уж столько великих сект нашли лишь ветер в поле. Но на вольном просторе тебе и твоим нынешним ученикам будет безопаснее.

Мысль дважды верная. Дважды — потому, что, существовала ещё одна опасность, помимо связи с Валеном Веном. Поднявшись до пяти цветов, Кантос входил в тесный круг основных предполагаемых наследников Печати Глаз. И объяснить остальным в этом круге, что на самом деле означает наследование, у него не было никакой возможности. Даже попытайся он — ему всё равно не поверили бы. Старший из предполагаемых наследников, Кориан Кас, достиг шести цветов. Плюс четверо опытных практиков пяти цветов. Все они прекрасно знали, что Наставнику Кайлео уже за двести тридцать. А о том, что на самом деле ему далеко за полторы тысячи, совершенно не догадывались. В общем, они ожидали получения наследства в скором времени. И шестой в их компании им, без сомнения, казался лишним.

— Надеюсь, мой почтенный отец одобрит мою маленькую затею. Одобришь же, а?

— Одобрю, одобрю, не волнуйся. Даже если забыть про всю, так сказать, политику, странствия и приключения весьма полезны для практика. Только не забывай держать ушки на макушке.

Надо заметить, Кайлео одобрил бы нынче практически любую затею Кантоса. Он чувствовал себя почти счастливым. Кажется, впервые после начала всей истории с Валеном Веном.

*****

Чаепитие у Оритилла всё ещё оставалось регулярным ритуалом двух Наставников. Но оба чувствовали, что теперь это действительно ритуал, в котором не осталось искренности и дружеского расположения. Кайлео, порой, задумывался, как давно произошло это превращение на самом деле.

— Могу ли я принести тебе должные поздравления с прорывом любимого сына, старый друг?

— Отчего же не мочь. Можешь.

— В твоём выборе слов можно угадать оттенок сарказма. Поверь, я искренне рад тому, что ты восстановил отношения с тем сыном, которого позволяешь себе любить. Кстати, как тебе сегодняшний чай?

— Без преувеличения и лести — изысканный, несмотря на крепость.

Чай и вправду был так крепок, что смертный, попробовав его, рисковал не уснуть больше никогда и скончаться от нервного истощения.

— Этот безымянный сорт выращивается на личной плантации Досточтимого Золотой Венец. Даже древние божества не ведают, какой состав удобрения и какие волшебные формации он использует для получения такого вкуса. Некоторое время назад он прислал мне в подарок несколько мешочков. Вместе с нефритовой табличкой, содержащей определённые соображения по теории формаций и способам проведения ритуалов. Мне кажется, ты сочтёшь его рассуждения ничуть не менее изысканными, чем чай. А его вычисления и выводы ничуть не

менее крепкими, — Оритилл поднял руку, и в ней появился прямоугольник из зелёного нефрита с белыми и золотистыми прожилками.

Мысли Кайлео понеслись галопом. Наставник вступил в прямую переписку с Досточтимым! Следствия из этого, причины, подтолкнувшие Оритилла к откровенности, даже практик семи цветов, думающий на пару порядков быстрее простого смертного, не мог просчитать мгновенно. И раз уж разговор пошёл о ритуалах, это, безо всякого сомнения, было связано с предстоящим ритуалом в Алой Бездне. Возможно ли, что Досточтимый Золотой Венец уже знает о планах Юбериса Юона??! Нескольких предложений хватило, чтобы мир Кайлео перевернулся с ног на голову.

Но внешне он сохранил абсолютное спокойствие.

— Не сомневаюсь, друг мой. Но рассуждения такого уровня не разберёшь посреди беседы, прихлёбывая чай. Я займусь ими у себя.

*****

Кайлео Кас был сильнее всего остального рода Кас. Вместе взятого. Но со старостью приходит осторожность. Даже слабые практики могут оказаться полезны, если, скажем, Наставник и коварный убийца жестоко ранят друг друга. Потому этим вечером церемониальная стража в главном зале почувствовала беззвучный сигнал тревоги. Зная свои обязанности, они тут же устремились к покоям Кайлео. Лишь пару секунд колебались перед тем, как распахнуть массивные двери. И увидели Наставника опрокинувшимся на низкий столик, со светящейся пилюлей в скрюченных пальцах. Лакированная столешница раскололась под тяжестью его могучего тела. Бумаги, нефритовые таблички и принадлежности для каллиграфии разлетелись во все стороны. Дыхание Наставника было гулким, хриплым и прерывистым, как у смертного старика. Кожа разом посерела.

Но почувствовав чужое присутствие, он ненадолго набрался сил. Сунул пилюлю в рот и прохрипел:

— Кантоса! Приведите сюда моего Кантоса!

*****

Требование не вызвало никакого удивления. Всё-таки Кантос был широко известен как целитель и специалист по проблемам культивации. Мастер Меридианов. А хворь практика семи цветов по определению связана с меридианами. Даже яд, способный ему серьёзно повредить, должен обладать духовным действием. Ведь на закалке тела он приобретает железное здоровье, на внутреннем единстве получает осознанный контроль над работой своих органов, а на преобразовании тела окончательно перестаёт стареть. Его плоть и кровь всегда остаются в идеальном состоянии.

Практики от пяти цветов и выше уже были бы бессмертны, если бы не загадочное увядание, настигавшее их на третий век жизни. Его так и не смогли однозначно объяснить — потому-то Досточтимые и шли разными путями в попытках его преодолеть.

Некоторые мудрецы считали, что всё тело практика должно пройти то же мистическое преобразование, что и нервы, обращающиеся в меридианы. Иначе взаимное отторжение между возвышенным и низменным неизбежно. Вот только никто пока не смог объяснить суть трансформации меридианов, лишь описать её в практических терминах. Да и это описание было несовершенно — впрочем, в Секте Шести Печатей пока не знали о новых представлениях Валена, доказавших это.

Иные полагали, что к семи цветам тело практика достигает совершенства, но душа остаётся недостаточно развитой. А так как душа и разум господствуют над телом, их недостатки постепенно, но неизбежно ведут к разрушению физической оболочки практика. Оставалось лишь понять, что такое «развитие души».

Третьи же считали, что закон Вечного Неба, согласно которому всё живущее должно умереть, довлеет над практиками, как бы они ни хвастались тем, что бросают вызов небесам.

Лишь укрывшись от этого закона, либо обманув его, можно достигнуть вечной жизни. Идея остроумная, но не отягощённая доказательствами.

Были и те, кто считал: путь культивации выше семи цветов вовсе нельзя объяснить словами. Практики Второй Эпохи Духовного Расцвета не могут продвинуться дальше, поскольку запутались в собственных умствованиях и попытках создать учения, постижимые разумом. Тогда как на самом деле следует стремиться к мистическим откровениям, передаваемым лишь от учителя к ученику, «от сердца к сердцу». Но ни один практик, державшийся этого течения, ещё не стал Досточтимым, а потому к их мнению прислушивались мало.

Кантос был лучше прочих знаком со всеми этими теориями. Одна из причин, по которой его прозвали Мастером Меридианов. Одна из причин, по которой именно он сейчас оказался у постели больного отца — и никого это не удивило.

Наставник Кайлео лежал на обширной, жёсткой кровати. Всё его тело было истыкано акупунктурными иглами и покрыто стабилизирующими талисманами — бумажными полосками и нефритовыми бляшками. Дыхание и сердечный ритм приблизились к норме, теперь он мог говорить почти без усилий, но…

— Твой честный диагноз. Не смей ничего приукрашивать.

— Не шевелись, лежи спокойнее.

Кантос аккуратно подправил пару талисманов, покачал головой, потёр лоб. Но деваться было некуда:

— Меридианы теряют стабильность. Все признаки старческого хаоса культивации. Что случилось? Что привело тебя в такое смятение?

— Сколько мне осталось? — перебил его Кайлео.

— Даже древние божества точно не скажут. Вероятно, полгода при твоей обычной жизни. Если не вылезать из медитаций — года три от силы.

Кайлео не дёрнулся. Его взгляд недвижно уставился в потолок, словно его душа уже собиралась расстаться с телом.

— Я спросил: что случилось?

Какое-то время Кантосу казалось, что ответа не будет. Он успел задуматься, не лучше ли оставить отца в покое, когда тот заговорил:

— Убедись лишний раз, что нас никто не подслушивает.

Кантос пожал плечами. Проверил двери и нити охранной формации. Вернулся к постели и развёл руками:

— Всё чисто.

— Оритилл сговорился с Досточтимым Золотой Венец. Вместе они заново выполнили расчёты для ритуала извлечения Печатей Юбериса Юона. В его формулах они нашли несколько хитроумно спрятанных подтасовок. Юберис… с первого дня уверял меня, что хранитель может пережить извлечение полной Печати. Говорил, что это очень рискованно, но шансы есть. Если хранитель ни разу не выполнял переноса души — шансы заметные. Знаешь, почему я вообще согласился на его план, сын мой? Лишь потому, что это могло спасти Араму! Не просто отвлечь её, не просто дать цель в жизни — спасти её на самом деле.

Толстые пальцы Наставника чуть дёрнулись, словно он хотел сжать руку в кулак, и вовремя вспомнил, что сейчас ему нужно полностью расслабить тело:

— Но Досточтимый Грозовой Пик соврал!

Глава 22. Двое наследников Печати Глаз.

Толстые пальцы Наставника чуть дёрнулись, словно он хотел сжать руку в кулак и вовремя вспомнил, что сейчас ему нужно полностью расслабить тело:

— Никто из хранителей Печатей не выживет! Нет и никогда не было такой возможности!

Кантос неспешно встал, зашагал из стороны в сторону:

— Ты уверен? Ты уверен, что это не Оритилл тебя обманывает?

Кайлео закрыл глаза, словно краткая вспышка эмоций забрала у него остаток сил:

— Я… да за кого ты меня считаешь, сынок? Да, глупому старику не под силу самому заметить подвох. Но уж если на него мне показали пальцем… Я пять дней сам пересчитывал и проверял духовные геометрии. Оритилл прав, Юберис нет.

Три шага в одну сторону, три шага в другую, Кантос повторил этот цикл ещё полдюжины раз. Наконец, остановился и поглядел на отца:

— Досточтимый Золотой Венец обманывает Оритилла и всех нас. Оритилл – безмозглый, самодовольный идиот. Он выдал истинную природу Секты Шести Печатей. Да раньше у Досточтимых Срединных Островов наверняка были подозрения, но одно дело подозрения, другое уверенность. Он наверняка выдал и то, что вы, старые демоны, в трудном положении и система Печатей сыплется. Прямо не сказал, конечно, но Золотой Венец не настолько туп. Он спросит себя: а почему вы столько времени плясали под дудку Грозового Пика. Сопоставит косвенные признаки. И поймёт, что вас уже припекает. Оритилл – дважды и трижды идиот, если он думает, что Золотой Венец и его союзники пойдут на сделку с ним! Они не совали нос в наши дела, пока им казалось, что система Печатей стабильна! Теперь они поступят со всеми вами, как с архидемонами. Это выиграет Нотере пару тысяч лет. Когда вы рискуете погубить её через четырнадцать! Им нужно лишь поссорить вас, Наставников, с Юберисом!

Кайлео не ответил. Так и продолжил смотреть в потолок. Кантос замер на пару секунд а потом вдруг поклонился:

— Извини. Мне не следовало говорить это сейчас. Прошу, отец, отдыхай. Я сам перепроверю всё. Те части, которые смогу понять.

— Я ещё не умираю, можешь пока не ходить вокруг на цыпочках, — слова Кайлео были сварливыми, а вот тон странным, почти довольным. — Но ты прав. Лучше тебе самому проверить всё. А мне хоть немного прийти в себя. Поговорим позже.

*****

— Собирайтесь. Нам нужно бежать. И сегодня же. Пока Наставник отдыхает, — сказал Кантос Нарлано и Нарелле, едва вернулся в свой грот.

Близнецы переглянулись.

— Пошевеливайтесь! — голос Кантоса обратился почти в рычание. — Быстро кидайте в кольца вещи! Нет времени объяснять, почему.

— Мы окажемся вне закона? — поинтересовался Нарлано.

Кантос уже был занят тем, что выбирал из стопок трактатов по культивации, лежавших чуть ли не на каждом свободном месте, самые редкие и ценные.

— А ты как думаешь? Не хотите, можете оставаться.

— Брат, давай, делай что говорит учитель! — воскликнула Нарелла. — Можно подумать, у нас есть выбор!

— И то правда, — согласился Нарлано. — Десять минут, чтобы добежать до наших комнат, у нас есть?

— Нет! Наш единственный шанс – быстрота.

*****

Шансов у них не было с самого начала.

Кантос был почти уверен, что при попытке просто вылететь их секты их заметят и перехватят. Скорее всего – практики Зала Наказаний, под предводительством Олеара Отара. Он надеялся воспользоваться телепортационным кругом в подземельях рода Кас.

Но едва вступив в коридор, ведущий к кругу, он замер. Так резко, что Нарлано и Нарелла едва не врезались ему в спину. Ведь Поиск показал ему образ гуая, ждущего впереди.

— Как здоровье нашего почтенного отца?

Кантос не мог не узнать этого практика. Для него Кориан Кас, сильнейший из сыновей Кайлео в этом поколении, выглядел ходячей дырой в мироздании, не испускавшей звуков, поглощавшей волны Поиска. Кантос знал, по описанию, что на самом деле Кориан – это рослый, но приятный и моложавый с виду практик, с длинными рыжими волосами. Ещё Кантос знал, что внешность Кориана скрывает – от большинства людей и гуаев – скверный и властолюбивый характер.

— Не дождёшься. Остальное узнаешь у самого старика, когда и если он решит сказать.

— Похвальная сыновья преданность и соблюдение лекарской тайны, Кантос. Теперь я вижу, почему ты сделался любимчиком нашего почтенного отца, почему он закрывал глаза на все скандалы, всё безобразное поведение и даже на то, что ты демонстративно не считаешь себя частью рода.

— Послушай как-нибудь «Начальное наставление». Связь учительницы с учеником крепче связи отца с сыном, всё такое. Впрочем, старик – Наставник моей Наставницы. Выходит, по крови мне он отец, а по учению – дед. С чего б мне не быть ему преданным?

— Смелости тебе не занимать, Кантос Кас. Посмотрим, насколько её хватит, если наш почтенный отец окажется внезапно смертным. Не желаешь, кстати, сказать, что это ты здесь делаешь?

Кантос пожал плечами:

— Но пока наш почтенный отец ещё не помер. И он тебе лично объяснит, что рановато ты его хоронишь, если не уберёшься с моей дороги. Я здесь по его поручению. Из уединения он меня выпустил лично. Ещё вопросы, братец?

Кориан задумался на краткий миг. Несложно было сказать, о чём он думает. Конечно, Кайлео мог послать фаворита, которому он уже поручил лечить себя, скажем, за лекарствами, состав которых незачем знать посторонним. Но…

— А эти двое котят тоже здесь по поручению нашего почтенного отца? Боюсь, нам придётся побеспокоить его, чтобы я мог во всём удостовериться.

Кантос шагнул вперёд, сделав при этом жест ученикам – дескать, держитесь на расстоянии:

— Кориан. Кто подсказал тебе караулить меня здесь? А?

— Просто интуиция. Всё дело в интуиции, мой дорогой единокровный брат, — Кориан развёл руками. — Ну и в том, что ты теперь важный гуай, за твоими перемещениями следят.

— Интуиция? Твою интуицию случаем не «Наставник Оритилл» звали? — оскалился Кантос, продолжая идти. — Думаешь, старик погладит тебя по головке за то, что ты влез в вонючие схемы этой гадины?

Сердце Кориана продолжило биться также ровно, его собственный Поиск оставался столь же уверенным, а всё же он замялся.

— Прочь с дороги, — повторил Кантос.

Напряжение между братьями сейчас могла бы ощутить даже безмозглая муха. Нет, муха сейчас уже упала бы замертво, окажись она рядом с ними. Волоски на коже Нарлано и Нареллы стали дыбом, а их ноги примёрзли к полу. Брат и сестра не без оснований считали себя прирождёнными бойцами – но они всё ещё оставались на трёх цветах. Рядом с пятью у Кантоса и, как было всем известно, шестью у Кориана – сложно не почувствовать себя мышами, наблюдающими за столкновением львов.

— И что же ты сделаешь, если я с дороги не уйду? — поинтересовался Кориан, приглаживая волосы.

Кантос вздохнул.

А дальше всё начало происходить очень быстро. Так быстро, что даже близнецы-тигры, чувства и ум которых работали почти на порядок быстрее чем у обычного смертного с серым ядром, разглядели мало. То есть, разглядели бы, если б не оглохли от грохота и не были бы заняты попытками устоять на ногах, когда весь коридор затрясся, когда в них ударили воздушные волны, когда сила высвобожденных аур едва не парализовала их циркуляцию.

А практик, способный уловить все детали быстротечной схватки, поразился бы.

Разница в культивации и духовной энергии была чудовищной. Кориан превосходил сводного брата больше чем на полный цвет – он давно достиг завершённости постижения пределов, а Кантос лишь недавно вышел на начальный этап преобразования тела. Разница в силе и крепости тела означала, что первый же пропущенный удар станет для Кантоса последним, а сам он может переломать себе пальцы, неосторожно ударив в кость. Разница в скорости и реакции означала, что Кантос не может допустить даже малейшей ошибки, а его противник не пострадает даже после грубых просчётов.

Как же вышло, что схватка не закончилась в один миг? Как получилось, что чудовищные удары, одни лишь волны воздуха от которых сдирали штукатурку со стен, раз за разом проходили мимо цели, словно Кантос вдруг обернулся дымом, который не ухватишь рукой? Как вышло, что в первую же секунду Кориан еле избежал опасного удар в шею – на содранной коже выступила кровь. Так вышло из-за факта, о котором Кантос был прекрасно осведомлён: Кориан культивирует усердно, но редко выходит за пределы родовой резиденции. Сам же Кантос провёл много лет во внешнем мире и большую их часть охотился на практиков тёмного пути, разбойников и прочих негодяев. Реальный опыт сражений не на жизнь, а на смерть, чрезвычайно важен для практика. Для начала, обладающий таким опытом практик догадался бы, что раз уж Кантос сам подошёл так близко, то атакует немедленно, не тратя доли мгновения на переход в полузвериную форму. И за счёт этой догадки не потерял бы инициативу. Затем, он при первом же признаке трудностей попытался бы разорвать дистанцию, чтобы с безопасного расстояния применить технику, от которой слабейшему не защититься. А Кориану гордость мешала шагнуть назад перед настолько ничтожным противником или первому превратить бой на кулаках в полноценную битву – о чём Кантос тоже догадался заранее.

Главное, что даёт боевой опыт – это даже не способность уверенно, без малейших колебаний, выполнять приёмы и техники, когда ты на волосок от смерти. Это способность вот так вот залезать в голову противнику и предвидеть его реакцию. Но и хладнокровие, и предвидение становятся втройне важней по достижении завершённости внутреннего единства. Когда оба противника думают намного быстрее, чем двигаются, они прокручивают в голове множество вариантов схватки. В реальном мире Кантос и Кориан за пару секунд обменялись многими десятками ударов. А в своих головах – многими сотнями. Но если Кориан лихорадочно гадал о том, что там будет после краткого мига, который охватывало предвидение, то Кантос хладнокровно отслеживал движения противника, анализировал варианты и расставлял ловушки.

Возможно, Кантос совершил бы чудо. Уложил бы практика на цвет выше, проткнув ему пальцем узел меридианов. Если б в полутора десятках шагов у него за спиной не стояло двое почти беспомощных учеников. Если бы Кориан не нанёс короткий, без замаха, но чудовищно сильный удар ладонью с выбросом воли – даже не целясь в Нарлано и Нареллу специально, а просто не обратив внимание на их существование. Если бы Кантос не принял этот удар на себя, используя всю силу своей устойчивости. А ведь у сильных практиков трёх цветов были хорошие шансы пережить ударную волну на таком расстоянии.

Но вышло, что вышло. Кантос осел на пол – успевший покрыться трещинами и отпечатками ног в прочном камне – сплёвывая кровь. Брызги запачкали туфли Кориана. Ярость аур утихла. С потолка и стен продолжали сыпаться мелкие и не очень мелкие обломки

— Бесчестный ублюдок! — заорала Нарелла, едва придя в себя. Она отчаянно пыталась вглядываться в подробности поединка и успела заметить, что произошло. — Ты нарочно…

— Ус… угх… успокойся, — оборвал её Кантос. Ещё раз сплюнул полный рот крови. — Сколько… сколько раз говорить – в бою всё честно.

Кориан отступил на пару шагов назад, словно поражённый тем, что натворил. Но быстро вернулся к своему обычному высокомерию:

— Надеюсь, ты не станешь выкидывать ещё глупостей, мой неразумный сводный брат?

Кантос с трудом встал. Похоже правое лёгкое превратилось в кровавую кашу. Если бы не быстрое заживление ран, ему пришлось бы туго:

— Глупости предоставлю тебе. Что смотришь? Если ты хотел проводить меня к Наставнику Кайлео, то идём.

*****

— Убирайся, глупец, — просипел Кайлео Кориану, едва лишь выслушав всю историю. Наставнику уже стало немного лучше. Но выглядел он всё равно так, что порой краше в гроб кладут – посеревшая кожа, всклокоченные, распущенные волосы. Даже сыновей принял сидя в постели.

Когда Кориан очутился за дверью покоев, внимание Кайлео сосредоточилось на Кантоса. И впервые за долгое время Кантос почувствовал себя не в своей тарелке. Даже опустил голову.

— Неужели ты настолько мне не доверяешь, сын мой?

Пусть Кайлео и напоминал сейчас смертного старика, он был древним практиком, проницательным старым демоном. Ему не нужны были объяснения, мотив Кантоса он понял сразу.

Кантос знал страшный секрет Секты Шести Печатей. В некоторых подробностях. Он знал, что Наставники предпочитали переносить Печати – и собственные души – в тела потомков достигших хотя бы пяти цветов. Это не было нерушимым правилом, но очень сильно облегчало им жизнь. Во многих отношениях. С того момента, как Кантос узнал об этом, он ни на один день не мог избавиться от страха стать жертвой собственного отца. Страх отступил после ночи побега Валена. Был подавлен расчётом времени – до ритуала в Алой Бездне должно было дотянуть и нынешнее тело Кайлео. Поэтому и решился прорваться на стадию преобразования тела.

Вот только сегодня он увидел, что «должно» и суровая реальность – это две разные вещи.

Кантос знал, конечно, что Арама ни за что не простит Кайлео за очередное убийство сына – кем бы тот ни был. Она высказывалась по этому поводу чётко. Это не успокаивало. Наоборот. Кантос считал себя практиком лишённым коварства и слабым в интригах, но на деле унаследовал от отца больше, чем ему хотелось бы. Он немедленно понял: Араму ведь можно и обмануть потом. Сделать вид, что ты добровольно проиграл сражение душ. Что перед ней не Кайлео в теле Кантоса, а Кантос, получивший в подарок Печать Глаз. Более того – это самый очевидный способ сменить тело, не заслужив её вечной ненависти.

Но как сказать такое вслух? Ещё года три-четыре назад Кантос ответил бы: «как два пальца». А вот сейчас почему-то не мог и слова вымолвить.

Кайлео вздохнул – звук вышел хриплый, свистящий:

— Что ж, я это заслужил.

— Отец, я…

— Что «ты»?

Некоторое время в спальне царило молчание.

— Уходи. Постарайся без глупостей, пока меня совсем удар не хватил. Поговорим потом.

Глава 23. Мышление великого практика.

— Всё это – вина и затея твоего «старого друга» Оритилла, — сказал Кантос на следующий день, когда проверил состояние отца и убедился, что оно улучшается.

Кайлео, всё ещё лежавший в постели, но говоривший теперь почти нормально, фыркнул:

— Не терпится похвастаться «я же говорил»? Можешь не стараться, сынок. У меня нестабильность меридианов, а не мозга. Оритилл нарочно выбрал момент. Оглушил откровением, когда ему показалось, что я спокоен и расслаблен, чтобы эмоциональный скачок… ну, кому я это говорю. Просчитал и твои мысли тоже. Позаботился предотвратить побег.

— До меня только не доходит, за каким демоном ему это понадобилось. Поцапаться с тобой окончательно?

Кайлео фыркнул снова:

— Ты, вроде, уже не маленький. Известный целитель, Мастер Меридианов Кантос. Ты посвящён в большинство секретов Печатей Зеффара. Попробуй угадать сам. Даю подсказку: подумай о своём ученике, Валене. Архидемон он или ещё что, он – душа в чужом теле. Подумай о том, каким он вышел.

Кантос потёр жёсткую щетину на щеке – опять забыл побриться:

— Новый Вален, хм… Он многим напоминал мне прежнего. Почти как если б того взяли и вколотили в него твёрдую волю, сделали ум дисциплинированным и подозрительным, как у старейшины. Потому я и подумал, что даже новый Вален заслуживает жизни. Ты намекаешь, что смена тел и для вас даром не проходит. Но ведь душа, вселившаяся в Валена Вена, лишилась прежней памяти…

— Что ещё раз доказало: душа и личность человека или гуая не сводятся к набору воспоминаний! — Кайлео попытался сесть, увлечённый разговором, но со вздохом откинулся обратно на подушки. — Но в то же время, это ещё раз доказало, что тело – не просто оболочка, не халат, который легко поменять. Опустевшее тело и душа почти без памяти дали нового человека… Как тут можно считать, что мы сводимся к одной лишь душе? Подумай теперь: ни один из нас, Наставников, за полторы тысячи лет не смог прорваться выше стадии, на которой был при первой смене тела. Что это означает?

Кантос ответил без запинки:

— Что ваши души – всё равно... в общем, что они застряли в моменте смерти первого тела. Может, отложим этот разговор? Пока ты не почувствуешь себя лучше.

Наставник изобразил усмешку:

— Сынок, я бы отложил, если б не ждал от тебя новых глупостей. Так что садись и послушай меня. И постарайся поверить. Наши души действительно застыли – в том смысле, что они не развиваются. Но они подвластны переменам. С годами растёт усталость от жизни, месяцы начинают сливаться в неразличимый поток. Но после каждой смены тела мы чувствуем себя такими же молодыми и свежими, как в нашу первую жизнь. Некоторое время. Кроме того, новое тело не наследует всей прежней памяти. Действительно важные, заученные вещи врезаются в душу, мелочи развеиваются как туман. И ещё, мы точно знаем, что темперамент тела влияет на нас. В некоторой степени. Может сделать эмоциональнее, суше, злее, мягче и так далее. Ты понимаешь, к чему я клоню, сынок?

— К тому, что ты не уверен в крепости своей любви к ученице? — зло поинтересовался Кантос.

— Я уверен, — твёрдо сказал Наставник.

Оба знали, что никакие видимые проявления искренности в его исполнении не значат ничего, ведь практик семи цветов, да ещё с таким жизненным опытом – идеальный актёр. Но

Кайлео знал ещё и то, что знала, например, Досточтимая Тысяча Уловок: убедительная игра подтачивает решимость даже если слушатель уверен, что это игра.

— А вот Оритилл — нет. Спрашиваешь, зачем ему всё это понадобилось? — Кайлео вздохнул. — Он хочет, чтобы его старый друг прочистил себе голову, вспомнил, кто он такой на самом деле, а про глупые эмоции и бесполезные привязанности – забыл. Он предоставляет мне возможность выжить. Выжить, сохранить жизнь Араме и даже убедить её, что я не нарушил обещания, сделав вид, что я отдал Печать тебе, единственному, кому можно довериться в таком деле. А на самом деле, захватив твоё тело. Именно потому Оритилл озаботился предотвратить твой побег.

— О, старик. Я вижу ты окончательно поверил — у твоего «старого друга» есть способ предать Юбериса, вывернуть его ритуал наизнанку. Чтобы действие Печатей ослабло, а сам Юберис, надо думать, отбросил копыта.

— Как тут не поверить, сын мой.

Кантос сложил руки на груди:

— Допустим, Оритилл прав во всём. Допустим, всех вас и Араму ждёт смерть, если ритуал пойдёт, как хочет Досточтимый. Что ты будешь делать тогда?

Кайлео приподнял бровь:

— Если я скажу тебе правду, ты её примешь? Или решишь, что я снова лгу?

— Да, извини, старик, чего это я, подозреваю того, кто полторы тысячи лет жил обманом. Даже не знаю, что на меня нашло, — Кантос фыркнул. — Знаешь, Арама предсказала, что когда-нибудь у тебя в голове заведутся сомнения. Не сразу, а как появится достойный повод.

Кайлео изобразил искренне недоумение:

— Мне интересно, когда же она успела? Со дня арены и до дня побега, она разговаривала лишь со мной.

— Не валяй дурака, старик, тебе не идёт. Если ты и не знаешь точно, что она оставила мне нефритовую табличку в ту ночь, то догадываешься. Потому меня и не обыскивали ни разу. Так вот, на табличке было кое-что специально для тебя. Не морщи лоб. Она мне сказала – дать тебе раньше названного срока, если вдруг покажется, что ты готов пойти на попят. Мало ли, выяснится что-то вроде того, что выяснилось сейчас.

Кантос повёл пальцами и в его руке появился вполне заурядный нефритовый прямоугольник:

— Послушаешь сейчас?

Кайлео вдруг как-то сник и вправду показался старым. Но голос Наставника всё так же был твёрд и не подразумевал возражений:

— Оставь и уходи.

Кантос фыркнул – но сделал как сказано.

*****

С виду состояние Кайлео продолжало улучшаться. Он встал с постели и даже пару раз выходил из своих покоев. Но сидя за столиком лицом к лицу с ним, Кантос определённо чуял запахи неутихающей боли и гниения. Пока ещё лёгкие.

— Старик, я проверил выкладки Оритилла и Досточтимого Золотой Венец. Сравнил с оригиналом от Юбериса Юона. Насколько мог. Чтоб не возиться полгода, сосредоточился только на последствиях для жертв ритуала воскрешения Зеффара. Да, ритуала воскрешения – пора уж называть вещи своими именами. Скажу сразу, я думаю и считаю медленнее, да и всю теорию мне изучать – не переизучать…

— Не тяни, сын мой.

Кантос, всё же, помолчал немного, прежде чем ответить:

— Врать бесполезно. Оритилл прав в главном. Не уверен, что извлечение полной Печати — верная смерть. Но Юберис Юон врёт и передёргивает. Описал ритуал так, чтобы опасность

казалась меньше, чтобы отвести глаза тем, кто будет проверять. Вот тут уж сомнений ни на грамм.

— «Не уверен, что верная смерть?» — нахмурился Кайлео. — Я не ослышался? Я сам ладно, я уже давно не думаю о моей собственной жизни. Но как насчёт твоей Наставницы и приёмной матери?

— Старик, — Кантос остался спокоен. — Всё дело в том, что я уважаю волю моей приёмной матери. А ты? Она что, зря записывала для тебя целую речь?

Кайлео хлопнул ладонью по столику, да так, что подпрыгнула, казалось, вся мебель в комнате. А затем дрожь пробежала по его могучему телу, словно резкое движение причинило боль. Тон же остался спокойным:

— Арама – хороший человек. В её характере есть редкое чувство справедливости. Поженски сильное чувство, такое сильное, что становится её главным недостатком! Встретившись с неодолимой чёрной стеной, она скорее попробует бить в неё лбом, пока мозги не расплещутся, чем искать другую дорогу. Если бы не случайное, тогда ещё случайное, движение моего сердца, она бы и до первого цвета не дожила! Моя непутёвая ученица так торопится пожертвовать собой ради своих детей и всей Нотеры…

— Старик, если ты до сих пор не заметил, Наставница Арама – уже не та девчонка, которую ты когда-то спас. У неё есть своя голова, она может выбирать за себя.

— Я тоже могу выбирать, сынок. И я никогда не выберу решение, обрекающее мою дорогую ученицу на верную смерть.

Пару секунд за столом царило напряжённое молчание. Кайлео покачал головой:

— Вот только других решений я сейчас не вижу. Исполни я желание Юбериса или Оритилла, конец один. Арама не станет жить, если поймёт, что я её обманул. Оритилл глупее, чем я всегда считал, если думает, что она примет меня в твоём теле, за настоящего тебя. Кстати, сынок, тебе самому тоже сильно не хватает ума, если ты всерьёз рассматривал такую возможность и даже попытался сбежать из секты. Но мы об Оритилле… Он, к тому же, плохо понимает Араму, если считает, что придя в себя, осознав случившееся она побушует и успокоится. Или что здравый смысл её остановит.

— Правда? Ты не видишь разницы? — Кантос не удержался от сарказма. — А вот я вижу. Если сохранить систему Печатей, Араму будет тянуть к смерти её собственная воля. И тут уж ничего не поделать, разве что опять заточить её в лёд, или иначе обратить в куклу. А если извлечь Печати… тут вся сложность — создать волшебство, которое аккуратненько отделит её душу от Печати Личины в нужный момент.

Кайлео вдруг засмеялся – но смех перешёл в глухой кашель, согнувший его пополам. Кантос подался было к отцу – но тот остановил его жестом. А прокашлявшись сказал:

— Всё же чутьё меня не подвело. Твоё мышление – этомышление великого практика. Что значат законы земли и неба по сравнению с непреклонной волей?

*****

Нарлано и Нарелла были заняты сбором вещей в гроте, ставшем домом Кантоса на два с лишним года. Теперь Кантос, вроде как, из заключённого превратился в персонального целителя главы рода. Ему полагалось переехать в великолепные покои, рядом с отцовскими.

При его появлении в дверях близнецы поспешно обернулись и поклонились.

— Выйдите, — буркнул он. — Мне надо на час остаться одному. Нет, не бухайтесь на колени. Вашей вины ни в чём нет.

— Учитель, — Нарелла не подняла склонённую голову, — мы были бесполез…

— Я что, брал вас в ученики ради собственной пользы? Дааа, невысоко меня тут ценят. — резко перебил Кантос. Подождал ответа, но так и не дождался. — Иди уже, дорогая ученица. А то в самом деле разозлишь.

Отделавшись на время от Нарлано и Нареллы, Кантос уселся в позу лотоса. Он хотел привести мысли в порядок, пока мелкие детали сегодняшнего разговора с отцом не начали исчезать из памяти.

За эти два с лишним года они общались чуть ли больше, чем за всю предыдущую жизнь Кантоса. Кайлео становился всё больше и больше похож на настоящего отца. Сейчас он заверяет, что готов следовать желаниям Арамы, готов навсегда разрушить Шесть Печатей.

Но чего стоят слова старого людоеда? Который собирается сожрать Кориана. Хотя ведь у него есть способ дожить до ритуала в Алой Бездне, не меняя тела. Пусть и крайне неудобный. Если даже предположить, что сегодня он искренен – что останется от его искренности после ещё одного непростительного преступления? Забавно, как он говорил о последствиях смены тела и ни разу не упомянул очередного шрама на том месте, где у гуая должна быть совесть…

А ведь возможно, что он лгал с самого начала. Годами играл перед Кантосом замысловатый спектакль. Чтобы усыпить бдительность, пока не настанет пора завладеть его телом. Как можно быть убеждённым в том, что Арама опознает учителя в теле сына, если чужака в теле собственного сына она опознала весьма нескоро?

Где здесь правда?

*****

Кантос удивился бы, если узнал, что в это самое время отец ворочается на постели. Впервые за больше чем тысячу лет ум старого практика оказался в таком беспорядке: даже в медитацию не войти.

Оритилл придумал способ вывернуть ритуал Юбериса наизнанку, обратить его на пользу Наставникам, исправить рассыпающуюся систему Печатей, сомнения в этом почти нет. Иначе не было бы никакого смысла во всей этой попытке заставить его сменить тело, а с телом взгляды. Неужели перспектива смерти опять отодвигается на неопределённый срок? Иной мог бы подумать, что после полутора с лишним тысяч лет жизни, усталый, в страдающем теле, Наставник Кайлео будет относится к мысли об окончательной кончине философски. Тем более, что он не верил в божественность Древних Божеств или посмертное воздаяние. И подумавший так ошибся бы. Наставник Кайлео очень хотел жить.

Из глубины разума непрерывно всплывали предательские мысли. Разве сложно будет обмануть Араму? Если она не опознала одержимости в родном сыне, почему сможет опознает смену души в приёмном? И желание спасти приёмную мать – чем не оправдание для искажения ритуала? Так ли трудно будет уговорить Араму жить дальше, когда всё будет сделано, а безумие Печати Личины на время отступит? Почему он, Кайлео, жалеет Кантоса, который чувствует к нему только лишь страх и презрение? Который соврал на ровном месте, что Арама велела подольше не показывать ему табличку, просто из детского желания ранить?

Кайлео приподнялся на постели и схватил саму табличку, лежавшую рядом на шкафчике. Сжал, словно хотел раздавить, направил в неё частицу духовной энергии и мысль, переходя к нужному месту записи, заставляя образ Арамы появиться у себя в уме.

На этой записи Арама была не холодной, властной Наставницей, которой стала в последние годы активной жизни. И не такой, какой он запомнил её в ночь их сражения растрёпанной, окровавленной, бодрящейся через силу. Она сидела на кухне своего дома, под мягким светом предзакатного солнца. И в её чертах Кайлео видел ту упрямую теплоту, которая врезалась в его память с тех лет, когда она ещё не сделалась Наставницей и не поняла, что её ждёт.

«— Извини, Наставник. Надо было записать отдельную табличку для тебя. А ещё лучше – потратить дня три на то, чтобы сказать и показать, как я благодарна тебе за всё. Но я берегу силы на решающую ночь, а младшим нужны мои наставления. Боюсь, я избалованная ученица, которая привыкла ехать на закорках учителя и не привыкла отдавать ему должное…»

Ещё одна мысленная команда. Благодарности пропущены.

«— Я знаю, что тебе будет трудно, учитель. Твой собственный, так сказать, лучший друг попытается сбить тебя с пути. Возможно, он надавит на то, что риск для всей Нотеры слишком велик, а верить Юберису нельзя. Возможно, на то, что я не переживу извлечения Печати, что шансы на это слишком ничтожны. Я хочу, чтобы Кантос стал тебе поддержкой, но не знаю, сможет ли он. Уж очень глубоко он обижен. Если тебя охватят колебания, учитель, подумай вот о чём. Жертвовать жизнью страшно. Думаю, мы оба чувствуем это. Но жить без пути, без близких и без гордости – ещё страшнее.

Арама улыбнулась:

— Однажды ты сказал, что твоя жизнь началась заново в день принятия меня в ученицы, а до того было простое существование. И я верю, ты не лукавил».

Кайлео не помнил таких слов. Возможно, он сказал их, лишь чтобы польстить ученице, когда та ещё оставалась ребёнком, жадным до похвал. Более вероятно, что он сказал их, когда пытался отговорить новоиспечённую Наставницу, узнавшую тёмную сущность Секты Шести Печатей, от намерения заморить себя голодом.

А всё же, не было ли это правдой?

Глава 24. Охотники на архидемона.

Пока на самой верхушке Секты Шести Печатей разыгрывалась драма, парой уровней ниже тоже случилось важное событие.

Гелат Зот больше года жил довольно уединённо, выбираясь только в Зал Пилюль, когда требовалось купить ингредиентов или снять лабораторию для рискованного опыта. Алхимия, культивация у себя в комнате, забота о матери и младшем брате — вот и все его занятия. Он не следил за новостями, которых, впрочем, было немного. И очень удивился, когда ему передали приказ отца — встретиться с какими-то важными гостями в Малом Небесном Павильоне.

Малый Небесный Павильон был окружён садом, деревья в саду весной покрывались цветами нежнейшего оттенка лазури, а крыша самого павильона переливалась бирюзой — отсюда и имя. Довольно уединённое место, где селили важных гостей секты, не желавших принимать гостеприимство одного из наставнических родов. Ведь ночёвка под кровом определённого рода была политическим заявлением.

Гелат понятия не имел, зачем он может быть нужен кому-то из чужаков. Возможно, как алхимик? Всё же, он победитель Состязания Благоухающей Пилюли, практик четырёх цветов, но притом молодой, не имеющий своего круга постоянных клиентов — а значит, потенциально готовый работать задёшево. Потому в сад он вошёл расслабленно, не ожидая ничего серьёзнее раздражающего разговора.

И внезапное нападение стало для него действительно внезапным.

Удар, словно из ниоткуда, он почувствовал в самый последний момент, по лёгкому ледяному ветерку враждебного намерения. Лишь потом он понял — ему было позволено почувствовать. Вернее говоря, позволено было практику, отвечающему определённым требованиям к духовному чувству и боевой подготовке. Гелат показал, что отвечает им, даже не успев осознать, что происходит. Стремительный, рефлекторный оборот, быстрое движение руки — и узкий клинок меча со звоном отскакивает от ребра ладони, на миг ставшего куда твёрже и острее стали.

Прежде, чем звук столкновения дошёл до ушей Гелата, его циркуляция завертелась вовсю. Разум словно пробудился от дрёмы, обрабатывая информацию с непредставимой для простого смертного скоростью. Он чётко разглядел и оценил нападавшую, прежде, чем она замахнулась мечом снова.

Девчонка… нет невысокая женщина, со свободными белыми волосами почти до плеч. Большие нежно-розовые глаза, огромные уши — гуайша, определённо мышь или крыса. Халат из блестящего белого шёлка с алым рисунком, напоминающим пламя и волны одновременно. Длинный, намного длиннее привычных летающих мечей, прямой клинок в руках.

Второй удар этого клинка прошёл в волоске от уха Гелата. На третьем Гелат понял ясно: она сильнее. Намного сильнее. Если бы она хотела убить — этот удар достиг бы цели. Её клинок пел, вращаясь в воздухе. Ещё несколько выпадов, отбитых ладонями и предплечьями. Теперь Гелат видел: она щадит его, оставляет время для защиты там, где времени быть не должно. Держит себя в рамках, не бьёт с силой, при которой взмах меча рассечёт ближайшие деревья. Испытание, а не охота. Это пугало немногим менее мысли о том, что его пытаются убить: гуаев, которые играют с четырёхцветным практиком, как кошка с мышью — ну или как мышь с насекомым, в данном случае — не посылают просто поглядеть. Их посылают выбирать.

Но всё же, какая наглость — играть в такие игры с внутренним учеником Секты Шести Печатей, сыном Наставника, на территории секты! Подыгрывать Гелат больше не собирался. Он замер, опустил руки, отказался от защиты. Немигающим взглядом уставился на остриё клинка, почти коснувшееся его глаза. В саду воцарилось спокойствие и молчание. Лишь шеле-

стели кроны и медленно опускались на землю лепестки цветов и листья, сорванные воздушными волнами.

— Хорошая реакция и суждение, — заметила незнакомка таким тоном, словно обсуждала вкус чая или погоду, чисто ради поддержания разговора. Опустила меч и убрала его в ножны, появившиеся из пространственного кольца

— Не могу в ответ похвалить вашу проверку, старшая.

— Моё имя Шён Лэнзи. Я из Храма Восточного Неба, и я действую с одобрения Наставников Секты Шести Печатей, включая вашего почтенного отца, Гелат.

— Что бы ни говорил мой почтенный отец, мне не нравится ваш способ знакомства, Шён.

— Лэнзи. Зови меня Лэнзи. Дом моей семьи — Земли Прародителей.

Земли Прародителей, ещё одно название Северного Континента. Гелат был в курсе, что род и клан там значили много, так что родовое имя ставилось вперёд личного.

— Буду иметь в виду. Кстати, а почему вы не в одеяниях Храма? — грубить, так грубить.

— Многие носят халат с солнечной вспышкой лишь на церемониях. Незачем заранее предупреждать всех тёмных практиков и одержимых о том, что в окрестностях появились последователи Восточного Неба. Также, я не культивирую согласно учению Храма, иду собственным путём. Я одна из них как охотница, но не как ученица.

— Понятно. Но всё же, причём здесь я?

— Пройдём в Павильон. Я представлю тебя двум практикам.

— Это не ответ, — буркнул Гелат. Но Лэнзи уже развернулась и зашагала по дорожке. Гелат сжал костлявые пальцы до хруста и последовал за ней.

Один из практиков, которых Гелат увидел в павильоне, был ему совершенно незнаком. Невысокий, рыжеволосый, узколицый молодой человек. Одет в изумрудно-зелёные штаны с рубахой и чёрный жилет-безрукавку — форма великой Секты Нефритового Меча. Свирепая алая аура указывала на четыре цвета. Длинный пушистый хвост за спиной, как у куницы или соболя — на гуайскую природу.

— Приветствую достойного Гелата Зота. Я — Харайн Таан, внутренний ученик Секты Нефритового Меча, — он поклонился, накрыв ладонью кулак. Гелат ответил поклоном на поклон, дежурным приветствием на приветствие.

А вот вторую из ожидавших его Гелат определённо где-то видел. Не ушло и секунды реального времени, чтобы вспомнить где. Лазурный халат Секты Истинного Очищения, молода, круглое лицо — было бы милым, если бы не сурово сжатые губы — тёмно-бирюзовая аура, тоже на четыре цвета, но какая-то странная… На миг сбили с толку лишь серебристые глаза, в которых сложно отличить радужку от белка — как видно, культивация поменяла их цвет.

— Приветствую достойного, — холодно повторила она, повторив поклон Харайна. — Я — Малла Мэй, внутренняя ученица Секты Истинного Очищения.

Гелат и ей ответил по всем правилам вежливости. А затем добавил:

— Мы уже виделись раньше. Перед входом в Трёхсотлетнее Чистилище.

— Мы виделись, — подтвердила Малла таким тоном, словно он оскорбил весь её род.

Гелат скривился, не скрывая своих чувств:

— Не спрашиваю, зачем Наставники пригласили вас в Секту Шести Печатей. Но чем я обязан присутствием в вашей компании?

Ему ответила Лэнзи:

— Тем, что ты дважды сражался с одержимым Валеном Веном.

«Дважды». Ну да, конечно. Официальная версия произошедшего в Саду Скрытых Звёзд утверждает, что он и Нельда раскрыли Валена и неудачно попытались его остановить. Видимо потому, что старый людоед Закаро наотрез отказался сдавать сына за просто так. Это всё было понятно. Но кое-чего Гелат не понимал:

— Я по-прежнему не вижу, чем могу вам помочь, старшая Лэнзи. Вы сами убедились, что мои боевые умения ничтожны рядом с вашими.

— С Валеном Веном сражался и брат Маллы, — продолжила Лэнзи, пропустив вопрос мимо своих больших ушей. — А это всё равно, как если бы она сразилась с ним сама. А Харайн сражался с его сообщниками, Наттаром и Люме Лин. Все вы обладаете значительными боевыми умениями, но мне вы нужны не ради них.

Она оглядела всех троих, словно изучала товары на прилавке:

— Храм Восточного Неба и великие секты Перерождающегося Континента не преуспели в погоне за одержимым. Объявленные награды не принесли плодов. Обстоятельства, при которых его сообщники избежали правосудия, а младший Харайн лишился своего учителя, доказывают, что Валену Вену уже помогают другие архидемоны. Выследив его, последователи праведного пути получат шанс изловить гораздо более крупную рыбу.

— Старшая, спрошу в который раз: причём тут я??! — Гелат всё-таки был талантливым сыном Наставника, к тому же искусным алхимиком. Он не привык, что вместо ответа ему читают лекцию непонятно о чём. Старшинство Лэнзи ещё не давало ей права вести себя так бесцеремонно во владениях его отца.

Гнев не подействовал на розовоглазую охотницу, не заставил её сменить тон:

— Храм Восточного Неба считает, что преследование теперь бессмысленно. Облик и даже аура архидемона наверняка уже не те, что прежде. У него было достаточно времени, чтобы создать себе новую личность. Сбежать в противоположный угол Нотеры. Но я думаю, что способы опознать его ещё есть. Можно изменить лицо и одежду, можно приобрести положение, можно выучить новые техники, но почти невозможно переделать фундамент боевого искусства практика. Бойцы, однажды схватившиеся насмерть, смогут узнать друг друга даже спустя много лет и цветов. Вот при том тут ты, Гелат Зот.

— Так, погодите! — воскликнул Гелат. — Во-первых, как вы надеетесь найти Валена, чтобы мы могли его опознать?

— Посещая открывающиеся чистилища и турниры молодых практиков, на которых он может побывать. Опыт подсказывает мне, что этот архидемон жадно и торопливо гонится за ещё большей силой. Шансы встретиться с ним в местах, куда практики приходят за силой, есть, пусть и маленькие.

— Во-вторых, и в главных: я, конечно, готов пройти пешком весь континент, чтобы вырвать сердце Валену, — с чувством соврал Гелат. — Но личная месть не перевешивает сыновний долг. Я обязан заботиться о матери и помогать ей с маленьким Гарлантом!

— Об этом можешь не беспокоиться. Когда я говорила с Наставником Закаро насчёт тебя, он пообещал уделить особое внимание твоей матери и брату. Радуйся: ты получил великолепную возможность свершить твою месть.

И тут Гелат понял, что перестарался с ложью. Как теперь отступить, не вызвав подозрений? Будучи практиком четырёх цветов, он думал очень быстро. Зачем Шён Лэнзи пустили в Секту Шести Печатей, да ещё позволили притащить в поводу практиков из враждебных сект? Кто знает. Наставник Оритилл, вроде бы, искренне считал Валена одержимым. Если верить словам самого Валена. Иронично — демон упорно пытается избавиться от предполагаемого демона. Если Лэнзи здесь распоряжается от имени Оритилла, то деваться некуда. Будь всё дело в отце, ещё оставалась бы надежда уговорить. С Оритиллом такой надежды нет. Но Гелат, для которого каждый день с момента прорыва на первый цвет, был жестоким сражением с собственным телом, не привык легко сдаваться:

— Я бы с радостью отправился с вами хоть на край света, хоть за край, если бы знал, что найду там Валена. Но вы, старшая, предлагаете странствия без определённой цели, в надежде на счастливый случай.

— Ты вправду любишь свою семью, — безапелляционно заявила Лэнзи, — если ради неё отказываешься от возможности приобрести силу в чистилищах и славу на состязаниях. Возможности, для получения которой многие практики были бы готовы убивать. Но подумай, каким надёжным защитником ты станешь для них потом. Если всего лишь расстанешься с ними на несколько лет.

«А как насчёт возможности умереть в том же чистилище?» подумал Гелат. С каждым обменом фразами, охотница из Храма Восточного Неба нравилась ему всё меньше и меньше. Особенно раздражало то, что все слова она произносила одним и тем же нейтральным тоном. Казалось, будто он разговаривает с прекрасной и бездушной куклой.

Вот только никого, похоже, не волновало, кто и что ему нравится. Всё как обычно.

*****

Геллара Зот была не слишком умна. Но сейчас ей хватило проницательности, чтобы моментально понять настроение своего старшего, едва тот вернулся в их покои.

— Плохие новости? Ясно. Садись, поешь, пока что. Потом успокоишься и расскажешь. Садись, не спорь с матерью.

После рождения второго сына, Геллара прекратила делать вид, что всерьёз занимается культивацией. Не только сама нянчила маленького Гарланта, но и взяла на себя повседневную заботу о Гелате, не спросив его самого. Пыталась баловать его купленной едой и даже немного научилась готовить сама. Возможно, дело было не в рождении младшего сына, а в том, что старший оправдал её надежды. Так или иначе, Гелат относился к матери с прежней настороженностью.

Настороженность оправдалась, едва лишь он доел ужин и рассказал о произошедшем.

— Нашёл-таки причину нас бросить, сынок? Сбежать в чужие края за приключениями? Не думаешь, что вернуться-то, может, придётся в гробу?

Гелат подавил желание схватиться за голову. Ну почему, почему мать всегда старалась сделать всё сложнее и тяжелее?

— Выживу, как-нибудь. Не волнуйся.

— Не волноваться??! — повысил было голос Геллара. Но тут ребёнок в соседней комнате заплакал, то ли услышал их, то ли случайно. Не до упрёков старшему сыну, когда надо успокаивать младшего.

Она вернулась в столовую пару минут спустя, качая Гарланта на руках. И, как ни странно, почти успокоившись сама.

— Ты всё не можешь оставить в покое отродье Арамы, — заявила она.

Гелат лишь пожал худыми плечами. Возмущаться и вспоминать, кто упорно натравливал его на Валена — нарываться на многочасовой скандал с истерикой.

— Что-то странное случилось между вами в Саду Скрытых Звёзд. Не так там всё было, как Наставники объявили секте.

— Но я не смею с ними спорить, — отозвался Гелат.

Да, определённый ум у Геллары имелся, иначе она не дожила бы до трёх цветов. Не сумела бы догадаться, что официальная версия — чушь. И не поняла бы, что лучше не вытягивать правду клещами из сына, если эту правду скрывает муж-Наставник. От которого непросто утаить, что ты слишком много знаешь.

Геллара помолчала, качая Гарланта. Гелат не знал, что сказать. Слова матери уязвили его. Не потому, что в них не было ни капли правды. А совсем наоборот. Он вдруг понял, что сомневается: а будет ли компания Шён Лэнзи некомфортнее родного дома? Потому молча поднялся, подошёл к матери, погладил братика по тёплой макушке.

На глазах Геллары выступили слёзы. Возможно, Гелат смешался бы, стал бы просить прощения, если бы не знал, что мать достигла средней стадии внутреннего единства и может

изображать любые эмоции по желанию. А так, он лишь отвёл глаза, охваченный скорее чувством неловкости, чем жалостью.

— Возвращайся, всё же, — всхлипнула Геллара. — Нам… мне будет тебя не хватать.

Гелат кивнул:

— Не волнуйся, мама. Я не собираюсь совать голову под топор.

Глава 25. Дипломатия Старейшины Добродетельного Демона.

— Старейшина Добродетельный Демон? Пф! — высокий и элегантный практик в красно-золотом халате смотрел на Валена как на мусор. Словно тот был почётным гостем его секты, а бродягой, непонятно как пробравшимся в приёмный зал. — Каждую луну тот или иной проходимец объявляет себя старейшиной. А клан Фориат – это сломанное дерево, если наследник позволяет кому попало использовать его телепортационную формацию.

Вален не удивился. За последний десяток дней он уже видел такое. Вот сейчас вмешается сухонький глава клана, сидящий на почётом месте у дальней стены зала. Попытается разрядить ситуацию, смягчить выпад…

— Молчи, Галримас. Прояви уважение к почтенному гостю. Господин старейшина, я надеюсь, вы не станете держать…

— Не надейтесь! — резко оборвал его Вален. — Меня здесь что, вправду считают за проходимца, готового терпеть оскорбления? Пусть этот человек сам проверит, есть ли у него право смотреть на нас свысока. Язык у него быстрый – посмотрим, так ли быстр его меч!

Как Вален – и Наттар, стоявший у Валена за плечом – оказались в этой ситуации? Вернёмся немного назад.

Действия Валена, с того момента, как он решил раскрыть существование Секты Добродетельного Демона, могли бы показаться наблюдателю извне чередой стычек и дерзких вызовов. В реальности же, Вален с самого начала действовал исходя из понимания политической ситуации на Срединных Островах, которое составил по книгам и рассказам Хунбиш. Поверхностного, но понимания. Даже когда Наттар втянул его в столкновение с Могильным Музыкантом, Вален не позволил бы делу дойти до сражения со старейшиной, если бы не имел обоснованной надежды, что его убийство может обойтись без катастрофических последствий.

Вот и при появлении флотилии Секты Полуночи он повёл себя дерзко потому, что сразу прикинул: вражда с этой сектой не привлечёт к нему внимания одной из действительно великих сил.

Опорой всех действительно великих сил в мире практиков были Досточтимые. И на Перерождающемся Континенте, и на Срединных Островах. Трое Досточтимых считали центральный регион Нотеры своим домом. Настоятелем Храма Восточного Неба, воспитывавшего знаменитых борцов с тёмными культистами и нечистью, был четвёртый Досточтимый Восточное Небо. Школу Сияющей Башни в древнем Альзервене возглавлял Досточтимый Золотой Венец. И наконец верховным наставником Секты Таинственных Небес был Досточтимый Блуждающая Звезда. Эти три силы возвышались надо всеми прочими. Секта Пяти Скрытых Путей, Серебряная Гора и ещё пара сект могли похвастаться древней славой и богатыми наследиями предков. Это делало их крепкими орешками в обороне на своей территории – но только в обороне. Им не хватало сил так же сурово карать врагов или так же агрессивно защищать союзников, как организации, возглавляемые Досточтимыми, потому их влияние ограничивалось собственными окрестностями.

Но и могущество Досточтимых было не безгранично. Как говорила Хунбиш, каждый Досточтимый – это практик семи цветов, пытающийся найти продолжение пути культивации. Его новую ступень. «Пытающийся» – ключевое слово. Пока что никто в этом не преуспел. Потому Досточтимого можно считать практиком семи цветов, владеющим одним необычным и сильным искусством. Считается, что двое заурядных практиков тех же цветов – если на семи цветах можно кого-то назвать "заурядным" – смогут угрожать ему, а трое – почти наверняка одолеют. Число учеников и подчинённых Досточтимых тоже не настолько велико – лишь

Досточтимый Стальной Молот с Северного Континента потратил жизнь на создание армии практиков и завоевания, остальные предпочитали уединённую культивацию.

Потому три великие силы не могли поделить Срединные Острова между собой и творить произвол. Особенно пока их было три, так что Досточтимый, вступивший на путь завоеваний, не только заставил бы секты второго ряда заключить оборонительный союз, но и встретил бы противодействие двух других.

А секты и кланы, не подчинявшиеся великим силам напрямую, составляли сложную мозаику связей и распрей. Те из них, которые пытались обрести могущество за счёт увеличения территории и числа практиков могли на время преуспеть, но неминуемо раскалывались, порой ещё при жизни старейшин, решивших приступить к завоеваниям – даже с телепортационными формациями, слишком сложно было контролировать более одной благословенной земли. Особенно если ты свою жизнь проводишь, готовясь к следующему прорыву.

Секта Полуночи не могла похвастаться покровительством Досточтимого. Она была большой рыбой в маленьком пруду юго-восточных архипелагов. И соседи уже думали о том, как зажарят и съедят эту рыбу после смерти нынешнего главы секты. А сейчас в основном держались друг друга, чтобы самим не оказаться съеденными по одиночке, пока нынешний Старейшина Полночь ещё жив.

Вот этих соседей Вален и решил посетить. По крайней мере, тех из них, кого можно было достигнуть телепортацией, как Секту Алого Пиона, где он находился сейчас. Он не думал, что Секта Полуночи станет мстить ему за щелчок по носу, но и не собирался оставлять дело на произвол судьбы. Договорённость с её противниками давала какую-никакую гарантию от нападения. И позволяла проложить мостки для будущей торговли.

Но после третьего визита, Вален начал задумываться о том, что сразиться с могущественной сектой было бы проще. Почти всерьёз начал.

«Тебе придётся иметь дело с низменными типами, лишёнными высоких устремлений. Частенько и совести тоже», наставляла его Хунбиш, когда он обратился к ней за наставлением. «Впрочем, ты уже не серое ядро, навидался практиков на своём веку, сам должен это понимать. О чём бы ещё тебе напомнить? А, вот. Не все люди и гуаи рациональны. И не все ожидают рациональности от прибывшего к ним с визитом главы новой секты. Давай-ка я опишу снова обычные трюки, с которыми тебе, возможно, придётся столкнуться…»

Сейчас Вален и столкнулся с одним из этих трюков: оскорбительной грубостью за которой следует простая попытка замять случившееся, вместо извинений. Глава секты и его окружение пытаются прощупать, насколько незнакомцы сильны и уверены в себе. И, как видно, ставят их невысоко, раз уж воспользовались весьма грубым способом. Ну что ж, им предстоит довольно жёсткое столкновение с реальностью. У этого Галримаса всего четыре цвета, Вален видел это даже не по ауре и не по меридианам, а по движениям. И талант посредственный…

— Прошу, Старейшина Добродетельный Демон, умерьте ваш гнев, это же было простое недоразумение…

— Я согласен с тем, что это было недоразумение. Именно потому я предлагаю вашему ученику поединок до первой крови. Не со мной, естественно. С моим младшим братом.

Наттар помахал Галримасу ладонью, с очень довольным видом. Галримас фыркнул так, чтобы было слышно всем и демонстративно постучал пальцем по навершию меча, висевшего у него на поясе.

Старейшина со вздохом покачал головой:

— Я вижу, что сердца младших уже горят жаждой сражения. Но прошу вас, выйдите на внешний двор, чтобы не пришлось снова чинить этот зал.

Спустя минуту Наттар и Галримас стояли друг против друга на камнях двора. Старейшины и внутренние ученики парили вокруг на летающих мечах. Вален встал в проёме ворот. Он не боялся, что его случайно зацепит.

Наттар взвесил в руке Меч Красной Кисти, поднял три пальца:

— Три удара. Даю тебе три удара, прежде чем я ударю в ответ. При твоих-то умениях, стоило бы дать семь, но извини, старший брат торопится.

Прозвучало это так, словно Наттар говорил о детской игре. Когда это он успел научиться искусству оскорбления? Галримас не изменился в лице, четыре цвета, всё-таки, но выдал свою ярость, слишком поспешно выхватив меч из ножен.

Первый удар тоже был движим гневом – стремительный рывок, оставляющий позади остаточный образ, вспышка стали, выпад в горло, быстрый настолько, что многие практики и моргнуть бы не успели. Наттар моргнул. И почти небрежно шагнул в сторону – выпад прошёл мимо на целую ладонь. И тут же превратился в рубящий удар, волна воздуха от которого прокатилась по всему двору. Лязг и скрежет! Наттар непринуждённым движением руки поднял собственный меч, прикрывая шею, а затем закрутил клинок противника, чуть не выбил Галримаса из равновесия. Тот отступил. Медленно встал в стойку. Ошибка с его стороны – любой идиот поймёт, что в следующий удар он вложит всю душу.

И Галримас её вложил: клинок вспыхнул веером ослепительного света, а веер рассыпался на семь потоков, семь вспышек убийственного сияния, устремившихся на противника с семи сторон. Красиво, великолепно, смертоносно. Сам Вален уклонился бы Лёгким Шагом. Наттар шагнул вперёд – и просочился между потоками, как вьющийся волосок между зубьями гребня. Ни один из них не задел даже полы его халата.

Где-то наверху внутренний ученик ахнул.

А Наттар уже был рядом с практиком в ало-золотом халате. И рука, уже занесённая для нового удара, встретила раскрытую ладонь. Пальцы Наттара сомкнулись на запястье, вывернули его наружу, вниз, внутрь – и мир Галримаса перевернулся. Его меч отлетел прочь, а тело врезалось в камни двора с такой силой, что грохот пронёсся надо всей сектой. Когда осыпались осколки и развеялась пыль, Галримас лежал в настоящей выбоине. Пошатываясь, он поднялся, утирая текущую из носа кровь.

— Пееервая кровь, — жизнерадостно сообщил Наттар в мёртвую тишину. — Три твоих удара я честно сосчитал. Всё верно, так ведь?

Он взмахнул Мечом Красной Кисти, которым не воспользовался для удара, убрал его в ножны со щелчком, прозвучавшим почти как раскат грома. Невероятно – захват и бросок одной рукой. Пальцы побеждённого дёрнулись – но ему хватило гордости, чтобы не махать кулаками после драки.

Глава Секты Алого Пиона покачал головой и медленно слетел на землю. Он очень, очень внимательно разглядывал Наттара. Перевёл взгляд на Валена. Вален ответил тонкой улыбкой. Похоже, объяснять, кому выгоднее дружба, союз и торговля, в этой секте больше не придётся.

Глава 26. Вопросы ресурсов.

— Неужто все практики из заурядных сект настолько слабы? — поинтересовался Наттар немного позже, когда они с Валеном уже возвращались домой. — Ворон из Секты Весенней Бури был настоящим бойцом, там я чувствовал — ошибусь на волосок и останусь без головы. Нооо… и то кажется, что теперь, с оставлением тела, я бы его сделал как птенца. А этот Галримас был ещё слабее.

Вален пожал плечами:

— В этих местах уже целое смертное поколение не случалось настоящей войны практиков. Возможно, внутреннему ученику ни разу не приходилось сражаться насмерть. А если приходилось, то в поединке, перед зрителями, когда сила противника известна. Помнишь, сколько раз старший Кантос говорил про важность реального боевого опыта? Ты и я сражались за свои жизни, и со зверями, и с практиками, включая практиков выше нас по цветам. Но опыт, это ещё не всё. Основы нашей культивации заложены Наставницей великой секты, боевому искусству нас учил знаменитый мастер. Твой потенциал меридианов был выше, твоя закалка исключительна, благодаря редкому таланту ты достиг очищения разума и оставления тела. Стоит ли удивляться, что заурядный практик равных цветов оказался перед тобой беспомощен?

— Поняяяятно, — Наттар кивнул.

— Не слишком задирай нос, — голос Валена вдруг сделался строже. — Сегодня ты правильно всё понял. Унизив противника, ты всем показал пропасть между Сектой Добродетельного Демона и Сектой Алого Пиона. За это тебе спасибо, очень помогло в переговорах. Но во имя всех предков, не вздумай так вести себя в настоящем бою! Не забывай про уважение, которому учил нас Кантос. Кто знает, вполне возможно Галримасу было под силу ранить, даже убить тебя, если б вы встретились на поле боя, где практики пускают в ход все свои сокровища и готовы жилы рвать, не заботясь о том, что будет завтра.

Наттар состроил гримасу:

— Стаааарший. Ты уже который год мне за брата. Считай, через кипящую реку вместе переплыли и через лес мечей прошли. А ты всё ещё порой думаешь, что я халат без твоей помощи надеть не смогу!

Вален усмехнулся и сказал:

— Вот сейчас ты выглядишь и звучишь как ребёнок. Ладно, ладно, шучу. Прости мне моё высокомерие.

*****

— Секта Добродетельного Демона теперь надёжно защищена и обеспечена всем, кроме одного. Догадываешься, чего именно?

Вопрос Валена был обращён к Чиудаю, бывшему разбойнику, ставшему одним из лучших учеников секты. По крайней мере, одним из лучших в плане умений.

Тот глянул на учителя с некоторым недоумением:

— Новых практиков?

— Совершенно верно, — улыбнулся Вален. — И ты поможешь мне исправить этот недостаток. Едва мы убедимся, что Секта Полуночи не вынашивает немедленных враждебных замыслов, Люме полетит в наш прежний дом. В бывшую крепость Секты Белого Пламени. Она установит там телепортационный круг, соединённый с нашей формацией. И открывающийся только с нашей стороны — необходимая мера предосторожности. А через него туда перенесёшься ты. Выбери себе помощников. Троих внешних учеников, десяток стражей. Твоей задачей будет набор кандидатов в практики. Ты справился с набором удальцов в твою шайку, справишься и с этим. Уровень твоей культивации почти не уступает старейшинам Сект Перерождённых Элементов, с такой силой не нужно бояться местных практиков и зверей.

— Благодарю учителя за доверие! — Чиудай поклонился, накрыв ладонью кулак.

— Благодари. Но я вижу по твоему лицу и слышу по твоему пульсу — у тебя есть ещё вопросы. Отчего же ты их не задаёшь?

Чиудай уже достиг трёх цветов, успешно культивировал начальную стадию внутреннего единства. Так что ничего Вален не видел. Возможно, внушать ученику неуверенность в себе, из-за которой он сейчас замер на пару секунд, было жестоко. Но ещё более жестоко — к Чиудаю и к другим — будет позволить ему думать, что учителя можно обманывать. Вален вообще не доверял людям и гуаям, но в особенности он не доверял бывшим разбойникам. Которые послушны на глазах у главы секты и у «товарищей»-учеников, подозрительно следящих за любыми их шагами. Но могут вспомнить старые привычки, избавившись от постоянного наблюдения.

— Набирать, эээээ, «кандидатов» следует лаской, а не таской, верно?

— Само собой. Мы же не тёмный культ. На первых порах принимай вообще всех, кто изъявит желание. Потом будущих учеников придётся сортировать…

Чиудай был сообразителен и задавал правильные вопросы, а всё же Валена не оставляли сомнения.

— Можно ли набрать слуг и служанок? С горсткой практиков непросто будет держать крепость в жилом виде.

— Можешь хоть гарем себе набрать. Казна моей секты не оскудеет от платы простым смертным. Только учти: если окажется, что ты кого-то удерживал силой и угрозами, то заранее прощайся с головой. Зачем мне ученики, которые вместо привлечения людей и гуаев в мою секту сеют среди них страх и негодование?

Чиудай поклонился снова:

— Я буду помнить это, учитель.

*****

Возможно, что для иного практика кухня Секты Добродетельного Демона давно перестала бы быть просто кухней и сделалась бы второй алхимической лабораторией, только с печью другой формы. Но Вален твёрдо соблюдал когда-то данный самому себе зарок: готовить для удовольствия. Не выворачиваться наизнанку в попытках обратить еду в оптимальное средство ускорения культивации. Иначе готовка из отдыха и способа немного расслабиться превратится в ещё одну обязанность. И вместо супов сварятся его собственные мозги.

Это, конечно, не значило, что готовка Валена бесполезна для культивации.

Сегодня он приготовил на четверых, не пригласил за свой стол учеников. И блюда были самые простые — пирожки с мясом, лапша в янтарном бульоне от этого мяса, горшочек с тушёными грибами и мясными нитями, пельмени на пару с различными начинками, настоящий хлеб в разных формах — от мягких булочек до хрустящих гренок. Никакого намёка на что-либо рыбное, никаких фруктов, ничего что росло бы на Острове Пяти Элементов или плавало бы в окрестных водах. Даже на сладкое был молочный лёд, который Вален заморозил зимней стороной своего Преобразующего Пламени. Знак полного успеха их миссии на Срединных Островах — теперь связь с внешним миром установлена достаточно надёжно, чтобы покупать продукты.

Да что там, если не надо устраивать пир на всю секту, их и покупать не требовалось. Муку из солнечной пшеницы, один мешок которой стоил примерно как всё хозяйство зажиточного крестьянина, мясо бычка, выкормленного духовными травами и специи, от которых у простого смертного язык отвалился бы, Секте Добродетельного Демона прислал Вейраоль Фориат. Сообразительный, всё же, молодой человек: угадал, какие подарки ублаготворят покровителя и при том обойдутся не слишком дорого. Вален на своём опыте убедился, что Хунбиш права: уместный дружеский жест действует на сердце практика, даже если тот мгновенно угадывает стоящий за ним расчёт.

Надо будет попросить у Вейраоля побольше таких ингредиентов. Уже не в подарок, а за деньги. Для учеников они будут довольно полезны. Бывшие Недостойные не привыкли к подобной еде, конечно, но ничего, приучим. На всех настоящих учеников их, пока что, должно хватить. А стражи секты, которым не грозит прорыв, перебьются.

Вален теперь мог уходить в себя, не выдавая этого внешне. Когда можешь расщепить сознание на полдюжины потоков, несложно выделить один для еды и бессодержательной болтовни за столом. А остальные посвятить захватившей тебя мысли. Это уменьшало удовольствие от еды, ну да что поделаешь — в этом мире немногое даётся даром.

А захватила Валена сейчас мысль о том, в какой именно мере будущее растущего практика определяется доступными ресурсами. Конечно времена таковы, что выдающийся талант получит всё необходимое для развития, у кого бы он не родился — главное, быть замеченным ближайшей сектой или кланом. Но как насчёт талантов, которым просто нужно время, чтобы раскрыться. Ну ладно, он сам. Он особый случай, необычайное сочетание души и тела, его нельзя сравнивать с обычными подростками.

Но возьмём Наттара. Сейчас с энтузиазмом втягивающего лапшу. С коротко остриженными волосами он выглядел совсем юнцом. А ведь несмотря на это, он один из сильнейших бойцов стадии внешнего единства на всей Нотере. Вероятно, уступающий лишь горстке знаменитых гениев. С учётом того, что с каждым новым цветом исключительная закалка тела будет давать всё больше преимуществ — в будущем он сам станет знаменитым гением. А ведь если бы не огромное вложение ресурсов в его будущее, когда это будущее ещё не было определено, если бы не Пилюля Небесного Равновесия, стоящая больше, чем всё имущество мелкой секты, он бы умер в безвестности. Или остался бы простым смертным. Возможно ли, что взлёт или падение сект определяется вовсе не слепым везением, не броском костей, не рождением великих талантов — слишком редко они рождаются — а проницательностью старейшин и наставников, их способностью видеть задатки величия, выходящие за пределы потенциала меридианов? Как ему самому обрести эту способность?

Или, может быть, он недостаточно циничен? Может быть, всякий, обладающий потенциалом меридианов и упорством в тренировках выше среднего, способен возвыситься, если вкачать в его культивацию массу ресурсов?

— О чём задумался, дорогой? — поинтересовалась Люме.

— Я? Задумался?

— Не притворяйся. Чужак этого может и не заметит, но я-то вижу, когда ты отвечаешь машинально, без мыслей.

— Хехе, — Вален потёр лоб, покачал головой, всячески демонстрируя, что попался. — Ты права. И это, кстати, лишний раз доказывает, что читать можно даже собеседника, скрывающего все прямые проявления эмоций. А задумался я о делах секты.

Ему тут же представилась возможность проверить свой тезис, когда Сурэноха поглядела на него как-то странно, по-особому потупив глаза, прежде чем вгрызться в очередной пирожок.

— Не обижайся Сурэ. Наши разговоры мне интересны. Что поделаешь, я — старейшина. Слишком о многих мне приходится думать.

Сурэноха чуть куском не поперхнулась. Он попал настолько в точку?

— Я… я всё понимаю, господин учитель! Вы всегда добры ко всем. Кто я такая, чтобы вас упрекать?

Вален чуть прищурил глаза. Ему показалось, или это оправдание звучит как обвинение? Ладно, проехали.

— Ну-ну, разве я тебя обвиняю? Ты ешь, ешь. Тебе нужно есть больше, чем любому из нас и моя еда тебе будет полезнее, чем любому из нас.

— Правда? — на этот раз вопрос прозвучал с искренним энтузиазмом.

— Правда. Ты ниже по цветам, а главное, я везде пользовался серебряной солью, которая особенно полезна для практиков твоего элемента.

Девушка просияла и с удвоенной энергией атаковала тарелку с пирожками перед собой.

Как мало некоторым нужно для счастья.

*****

— Значит, вот о чём ты думаешь, Старейшина Добродетельный Демон? О том, не важнее ли сбор ресурсов поиска личного просветления, понимания. Хехе, — Хунбиш, ипостась Досточтимой Тысяча Уловок, развеселилась, даже хлопнула рукой по колену. — А скажи, ты задаёшь этот вопрос, чтобы услышать моё мнение, или чтобы проверить меня саму?

— Ну что вы. Как я смею проверять Досточтимую, — развёл руками Вален. — Мне искренне интересен твой ответ. Моя мать, мой учитель, мои наставления твердили одно: пилюли, стимуляторы культивации и волшебные сокровища, в общем, всё, для чего практику нужны деньги — это как доспех и меч для смертного воина. Вооружённый победит совсем безоружного, но хороший боец с дешёвым мечом победит плохого с дорогим. Ещё они говорили, что к шестому-седьмому цвету сокровища теряют своё значение. А изменения, внесённые в тело и меридианы пилюлями перманентного действия, вообще могут стать помехой. Видишь, я прямо говорю о том, во что я верю. Я просто хочу знать, что ты об этом думаешь.

— А ещё ты хочешь знать, как изменят ситуацию твои открытия. Как повлияют на неё твои успехи в алхимии. Что будет если тебе удастся не удававшееся прежде никому и ты начнёшь стабильно выплавлять высокоранговые пилюли высшего качества… — Хунбиш задумалась, сложила пальцы рук домиком.

Они сидели вдвоём в её новых покоях, которые Хунбиш и Хорл превратили в довольно беспорядочное, но уютное семейное гнёздышко.

— Интересный вопрос, на самом деле. Принято считать, что в последние годы Второго Опустошения архидемоны были повержены не только из-за междоусобных распрей. Но и оттого, что видели культивацию как использование ресурсов, а не как совершенствование себя. А так ли это? Как ты думаешь — а может из-за особенностей своей природы они просто не могли достигать семи цветов и потому оказались биты? Если даже древние истории правда — кто сказал, что спустя две эпохи всё по-прежнему? Ведь культивация так и не сделала следующего шага после семи цветов, а вот алхимия и зачарование продвинулись далеко.

Она пожала плечами:

— Боюсь, что мне не под силу ответить на твои вопросы. Скажу лишь, что твоя мать, твой учитель и авторы наставлений скорее правы, чем нет. На высоких цветах, шестом-седьмом пилюли и волшебные сокровища теряют своё значение. Точнее, теряли. Что будет сейчас, если мы с Люме сможем создать новую систему зачарования… ответ пока неизвестен. Кто знает, вдруг твоё переосмысление стадии внутреннего единства открыло двери в мир, где богатство важнее таланта.

Видимо, Вален снова как-то выдал свои чувства, потому что Хунбиш улыбнулась:

— Это была шутка, если что. На мой взгляд, изменения не будут настолько велики. А что до того, следует ли стремиться к богатству, захвату ресурсов, или к самосовершенствованию, пониманию… кто знает, что я посоветовала бы другому. Но ведь речь идёт о тебе. Да, твой потенциал меридианов слаб. Тем сильнее соблазн положиться на пилюли и волшебное оружие, сосредоточиться на охоте за ресурсами для их создания. И всё же, подумай сам о том, какие преимущества дала тебе искорка нового понимания. Если ты сумеешь переосмыслить ещё одну стадию культивации — то сумеешь, пожалуй, потрясти весь мир практиков.

Глава 27. День отдыха.

На этот раз учебный бой шёл не на утоптанной земле тренировочной площадки, и не на зачарованном камне подземного зала. Наттар и Сурэноха сражались стоя на морской глади, в сотне метров от песчаного берега. Ветер был слаб, на таком расстоянии от берега гладь в основном оставалась гладью. А всё же прокатывающиеся волны колебали её. Постоянное использование устойчивости, чтобы удержаться на воде даже в момент столкновения клинков резко меняло баланс. И потому-то такая тренировка, придуманная Наттаром, была особенно полезной. Ведь в настоящем бою практиков средних цветов твёрдая земля под ногами – это роскошь. И чем лучше ты понимаешь принцип неподчинения окружающему миру, на котором строилась устойчивость, тем лучший из тебя боец в целом.

По воде бежали лёгкие круги, там где Сурэноха касалась её голыми ногами. Сегодня девушка работала в человеческой форме: никаких лишних рук, никаких крыльев, никакого Дара — только два длинных прямых меча и приёмы, которые она месяц за месяцем повторяла до изнеможения. Чтобы овладеть новым стилем боя не оставалось, иного пути, кроме как перестроить и укрепить основание её боевого искусства. Она была быстра — по-настоящему быстра для трёх цветов — и движения её были чистыми, выверенными, точными. А заканчивался каждый обмен ударами всё равно одинаково: клинок Наттара почти лениво, отводил её меч в сторону, и она то пролетала мимо него, теряя равновесие, то отшатывалась чтобы избежать ответной атаки.

Конечно, даже ограничив себя до трёх цветов, он оставался более сильным бойцом. Между ними зияла пропасть в опыте, которую не перепрыгнуть быстро; его учил лучший учитель. Это всё было понятно. Не так понятна была причина, по которой разрыв между ними лишь рос.

Наттар не мог сказать в чём точно здесь дело, но мог сказать, что младая сражалась слишком отчаянно. Лицо её оставалось безупречно спокойным, отрешённым — всё же, она приближалась к завершённости внутреннего единства. Вот только лицо врёт, а меч — нет. Как Люме могла уловить кое-что из происходящего в голове Валена по мелким особенностям речи, так Наттар читал Сурэноху по ритму. После каждого отбитого удара она начинала новую атаку слишком поспешно. Порой забывала, казалось бы, давно выученные уроки и замахивалась слишком широко, вкладывала слишком много веса в удар. А необходимость отступить порой вызывала у неё колебания — словно каждый шаг назад был для неё позором. Её спокойствие — лишь маска.

Сегодня всё шло хуже обычного, возможно потому, что за поединком следил Вален.

— Ещё раз, — сказал Наттар, когда отбитый прочь меч едва не вырвался у неё из руки, а сама она почти потеряла равновесие. — Чувствуй воду под ногами. Помни о волнах.

Она не услышала, или не захотела услышать. Оттолкнулась пальцами ноги, так что вода разлетелась сверкающими брызгами, бросилась вперёд, клинок сверкнул в ложном замахе — но Наттар уже видел в своём уме настоящий. Хлоп! Меч Красной Кисти ударил плашмя, смачно впечатался в запястье, так что рука обвисла. Сурэноха отшатнулась на пару шагов, едва не провалившись под воду.

— Где твоё предвидение, младшая? — поинтересовался Наттар. — Пытаться поймать меня на одну-единственную обманку? Уже забыла, что движения противника надо видеть на несколько приёмов вперёд, аааа? Твоё лицо молчит, а вот твой меч просто выкрикивает названия ударов во весь голос.

Сурэноха промолчала. Лишь на миг что-то промелькнуло в её взгляде, в её стойке. Наттар зло потёр коротко стриженные – он по-прежнему ненавидел необходимость их стричь ради

маскировки – волосы. Что именно он сейчас заметил? Злость обиженной девчонки, у которой не всё выходит как хочется? Или обиду девушки, которую унижают на глазах у любимого?

— Сегодня ты слишком устала. Воооот тут, — он постучал себя пальцем по лбу. — Тебе лучше отдохнуть. Поговорим завтра с утра.

*****

Хотя Вален сидел на расстоянии сотни метров, он слышал каждое слово. А что не слышал, то мог прочитать по губам. Лишь нюансы взгляда и крохотные движения, которыми порой выдавал свои мысли даже практик, считающий, что полностью контролирует себя, от него ускользали. Но даже без них он видел главное — внутреннее напряжение Сурэ всё более негативно сказывается на её культивации.

Частью своего сознания, Вален снова чувствовал фантомную головную боль. Когда-то он сказал, что заговорит с Сурэнохой о свадьбе не раньше, чем она догонит его в культивации, потому, что считал это условие заведомо невыполнимым. В какой момент он начал глядеть на это условие как на стимул, придающий ей усердия? И что делать теперь, когда эффект от него всё больше становится обратным? Как объяснить недолюбленной сироте, что её будут ценить вне зависимости от того, насколько она полезна?

Особенно если это неправда.

Конечно, он ей обязан и сделает всё возможное – в разумных пределах – чтобы обеспечить ей хорошую жизнь. Но лишь полный болван может до сих пор считать, будто это её устроит. Она хочет быть рядом с ним, а для этого ей нужна сила. Или перспектива её обрести. Иначе он, Вален, быстро придумает предлог отдалить мёртвый груз от себя. Ради безопасности самой девушки, конечно. Если в его сердце есть место для заботы и любви, не замутнённых никакими условиями и прагматическими соображениями, оно невелико и давно занято.

Другая часть сознания Валена меж тем следила за противниками. В голове всплыли слова Наттара: «Для меня аура — это просто, ну, когда сила практика становится такой большой, что другие практики её видят». Если переложить более умными словами – аура, это видимая манифестация могущества и воли, позволяющих изменить мир. Но почему же тогда стадия внешнего единства не связана со стадией формирования воли, почему между ними есть целая дополнительная стадия?

Наставления утверждали – на четырёх цветах духовная энергия практика становится так велика, что незримое пламя её горения начинает охватывать всё большую часть окружающего мира. Это создаёт дисгармонию с потоком энергии неба и земли, окружающим его. Задача стадии внешнего единства – дисгармонию устранить. Сделать так, чтобы аура плавно сливалась с этим потоком – и могла стать проводником воли своего обладателя. Красивое объяснение, жаль, плохо соответствует новому представлению о работе меридианов, которое сформулировал Вален. Переосмысление стадии внутреннего единства требовало переосмысления стадии единства внешнего.

А такое переосмысление невозможно без нового взгляда на вещи. Отчасти потому Вален сейчас и наблюдал за схваткой. Ему казалось, что применение устойчивости – это тоже, в своём роде, достижение гармонии с миром, пусть и на новых условиях. Не простой акт подавления его законов своей волей.

Вспышка и гром отвлекли Валена от высокоумных размышлений.

*****

Наттар не хотел оскорбить Сурэноху чрезмерной снисходительностью. А всё же, едва он успел сказать «завтра с утра», её клинки вспыхнули электрическим сиянием, словно две трещащие молнии в её руках. И воздух расколол оглушающий удар Громового Клинка.

Атака Сурэнохи была молниеносной во всех смыслах, парировать Громовой Клинок было опасно. Потому Наттар уклонился – стремительным движением, серией Текучих Шагов, таких коротких и быстрых, что его движение словно распалось на несколько мелькнувших образов.

Сталь и молния рассекли только пустоту. А удар тупой стороной Меча Красной Кисти заставил Сурэноху потерять равновесие, провалиться под поверхность моря.

Вода сомкнулась над её головой — и почти сразу разомкнулась обратно. Девушка вынырнула легко, чуть ли не буднично – удар не слишком сильно её оглушил. Она мотнула головой, сплюнула солёную воду, провела предплечьем по лицу — и Вален с невольным изумлением увидел: оба клинка по-прежнему в её руках. И стискивает она их так, словно от этого зависит её жизнь.

А увидел он это с близкого расстояния. Четыре Лёгких Шага по волнам — и он уже стоял рядом, подняв ладони. Бой окончен. Подумал ли он, что она в опасности? Конечно, нет. Наттар был слишком искусен, чтобы не рассчитать удар. На трёх цветах Сурэноха могла хоть по дну выйти на берег. И к тому же она прекрасно плавала.Личинки стрекоз, кажется, живут в воде, прежде, чем стать крылатыми охотницами… Просто… наверное была виновата воображаемая головная боль.

— На сегодня вправду хватит, — решительно заявил он. — Наттар, спасибо за усилия, но урок окончен. Сурэ. На берег.

На берегу она стояла прямо, подбородок поднят, взгляд ровный — маска спокойствия на месте, как и положено практику её цветов. Что-то подсказывало Валену: эта маска держится на честном слове. Возможно то, что она так и не выпустила мечи и напряжение мускулов говорило о конвульсивной хватке. Что-то подсказывало Валену: если принять эту маску за лицо и сделать вид, что всё в порядке, последствия будут ужасными. Хорошо, если истерика и вой. Его чувства обострились до невозможности и целиком сосредоточились на девушке, мир словно исчез за пределами круга, в котором она стояла. Ум работал стремительно. Приказать ей выдохнуть, войти в медитацию? Будь она не на внутреннем единстве, Вален так и сделал бы. Вероятно. Но сейчас это рискованно! Истерика — мелочи. Что если ученица попытается убить в себе переполняющие её чувства – а ведь теперь она может это сделать, в самом буквальном смысле!

За секунду он перебрал в уме множество подходов, десятки вариантов фраз. А потом просто шагнул вперёд и обнял её.

— Расслабься. Всё будет хорошо.

Она замерла. Обнимал ли он её хоть раз раньше? Кажется нет.

— Мечи, — тихо сказал он, не разнимая объятия. — Схватка закончена, Сурэ.

Лишь через три секунды она пошевелила руками и клинки исчезли в пространственных кольцах. И лишь на четвёртую перестала казаться неподвижной куклой: дёрнулась, раз, другой — и маска треснула. Чуть-чуть.

— Я в порядке, — прошептала она ему в плечо, прильнув чуть ближе. — Учитель, я в порядке, просто… разозлилась. Завтра я буду лучше. Я…

— Сурэ.

— Я могу больше. Скажите — и я…

— Сурэ, — повторил он громче. — Послушай учителя.

Но что он мог ей сказать? Потрафить её желаниям? Сказать, что, дескать, не имел в виду того, что сказал, когда ставил ей условия? Сознаться во всём? Глупость!

Тут Наттар, всё ещё стоявший рядом, хихикнул:

— Старший, ты бы знал, кааааак мило вы смотритесь вместе. Мне вас оставить?

Сурэноха чуть отстранилась, надула щёки, гневно глянула на гуая-аспида сверху вниз:

— Если я поклялась сперва догнать учителя по цветам, а потом уж заговаривать о свадьбе…

— Ой, младшая, свадьбы для этого дела вовсе не требуется, хоть у Люме об этом спроси. Кстати, гордись – ты, кажется, первая девушка, которую мой старший брат обнял по своему желанию и без толстенных намёков.

Сурэноха высвободилась из объятий. Демонстративно покраснела. Незримое внутреннее напряжение, так его напугавшее, развеялось, как не бывало:

— Правда?

— Да правда, правда, — Валену не потребовалось подделывать чувства, чтобы изобразить смущение. — Ладно, возвращаемся в секту. Назначаю тебе лишний день отдыха, ученица. Нет, не спорь это приказ.

— День отдыха?

Ему показалось, или в её словах прозвучал намёк?

*****

Услышав рассказ о случившемся – правдивый, но кое-где сокращённый – Люме рассмеялась и кивнула с милостивым видом:

— Что ж, я тебе, пожалуй, тоже дам день отдыха. Чтобы не смущать младшую. Можешь не изображать, что несёшь тяжкий груз и делаешь великое одолжение, это тебе не идёт.

Вален театрально потёр лоб рукой:

— Уже и пожаловаться нельзя.

А Люме вдруг посерьёзнела:

— Ты рассказал младшей, что на самом деле случилось с её прабабкой?

— Нет. И боюсь, сейчас не лучший момент для этого.

Люме лишь осуждающе покачала головой.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.